

ПУШКИНЪ И ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА ЕГО ВРЕМЕНИ ¹⁾.

I.

Пушкинъ, писатель свободнаго и простодушнаго характера, высшихъ способностей, высшихъ побужденій и глубокаго пониманія, сознававшій свое призваніе и великія силы своего народа, жилъ въ средѣ бездушнѣй, холодной и завистливѣй. „Не вынесла душа поэта позора мелочныхъ обидъ“ ... Но эти обиды наносилъ ему не только свѣтъ, которому было и мало дѣла до его поэтическихъ способностей, — обиды наносили и современные ему писатели, та литература, которой онъ служилъ. Поэтъ вступилъ въ борьбу со своими обидчиками. Поэтому исторія этой борьбы является вдвойнѣ важной, освѣщая и ту среду, въ которой поэтъ дѣйствовалъ, и всѣ, даже частныя отношенія, которыми поэтъ считалъ нужнымъ пользоваться для борьбы съ „чернью“.

Отношенія Пушкина въ публикѣ, его непопимавшей, выраженные въ стихотвореніи „Чернь“, ставятся авад. Майковымъ на совершенно реальную почву, именно въ томъ смыслѣ, что поэтъ не выражаетъ въ немъ принципіальнаго презрѣнія къ публикѣ. „О „Черни“ у насъ много писано; ее толковали на разные лады. Но, кажется, главною ошибкою большинства критиковъ было то, что они искали въ пушкинскомъ стихотвореніи то, чего и не думалъ давать авдоръ, именно — искали цѣльной, художественной теоріи, и, объяснивъ по-своему найденное, одни одобряли мысль поэта, другіе осуждали ее. Чтобы не выйти изъ предѣловъ мысли, намѣченныхъ авторомъ „Черни“, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что въ рукописи эта піеса была названа Ямбомъ по примѣру Ямбовъ Анд. Шенье, т. е. тѣхъ произведеній, въ которыхъ столь любимый Пушкинымъ французскій

¹⁾ Отрывокъ изъ ненапечатаннаго сочиненія: „Пушкинъ, какъ литературный критикъ“.

поэтъ бросаль укору и обличенія своимъ обезумѣвшимъ современникамъ. Тотъ же смыслъ жестокой сатиры имѣеть и „Чернь“ русскаго поэта... Не можетъ подлежать сомнѣнiю, что стихотворенiе „Чернь“ есть именно отвѣтъ его непризнаннымъ лицемернымъ судьямъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистикѣ. Что Пущинъ обращался въ немъ не къ народной черни, а къ пустой свѣтской толпѣ, это видно, между прочимъ, изъ любопытнаго разсказа Шевырева о чтенiи стихотворенiя самимъ авторомъ въ салонѣ вн. З. А. Волконской¹⁾. Страховъ первый поставилъ именно такимъ образомъ вопросъ объ отношенiи Пушкина къ народу: выраженiя презрѣнiя были вызваны обидами; съ обычной своей прозорливостью критикъ разрѣшаетъ давнее заблужденiе (граничившее иногда съ клеветой на великаго писателя)—почти безъ остатка. „Начиная съ 1826 г.—говорить Страховъ²⁾—у Пушкина является цѣлый рядъ произведенiй, тема которыхъ значенiе поэта, его достоинство, его отношенiе къ окружающей жизни“... Этотъ рядъ начинается съ „Пророка“, гдѣ поэтъ выразилъ сознание своей великой силы и значенiя. „Это сознание своего важнаго значенiя не покидало Пушкина до конца; но странно! чѣмъ дальше мы идемъ въ его жизни, тѣмъ сильнѣе нападаетъ на него какое-то безпокойство и смущенiе. Его окружаетъ какая-то загадка, которую онъ не можетъ понять, его что-то тревожить глубоко и болѣзненно.... Разсказываютъ, что въ послѣднiе годы жизни Пушкина, т.-е. въ годы полнаго расцвѣта его поэзiи и полнаго сознаниа этого расцвѣта, масса читателей все больше и больше къ нему охладѣвала“. Началось разъединенiе, борьба между сознаниемъ своихъ способностей и холодностью публики. „Сначала поэтъ, очевидно, старался уйти отъ борьбы въ высокомерiе и презрѣнiе въ своимъ читателямъ... Но такое равнодушное и гордое отношенiе въ читателямъ, очевидно, не было въ натурѣ Пушкина... Въ музыкѣ его стиховъ скоро послышались звуки боли и печали... Сначала поэтъ все еще хочетъ казаться гордымъ и презирающимъ; но уже видно, что онъ старается въ чемъ-то утѣшить себя, устранить отъ себя какиа-то несбывшiяся желанiя. „Поэтъ, не дорожи любовiю народной!“ Такъ начинается сонетъ. Этотъ совѣтъ, обращенный къ самому себѣ, показываетъ только, какиа желанiя жили въ душѣ поэта. Имъ, очевидно, обладало высокое честолюбiе: ему хотѣлось любви народной! Но, чувствуя

¹⁾ Майковъ. Очерви, 180—182.

²⁾ Замятки о Пущинѣ. 5 и далѣе.

вокругъ себя холодъ и равнодушіе и, однако же, твердо вѣря въ свое призваніе, онъ прибѣгаетъ къ гордому совѣту: „Поэтъ, не дорожи любовію народной! Были, однако же, минуты, когда онъ побѣждалъ свое уныніе, когда онъ тверже вѣрилъ въ себя, и тогда первой его мыслью была эта самая народная любовь. Такъ, когда онъ воображалъ свой памятникъ, онъ надѣялся, что „къ нему не зарастетъ народная тропа“. Здѣсь своей высшею наградой, своимъ лучшимъ утѣшеніемъ онъ считаетъ память и любовь народа: „Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой, и назоветъ меня вслѣдъ сущій въ ней языкъ... И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ“. Не изъ вліянія шеллингянства, но „прямо изъ своей собственной жизни онъ вынесъ горькую необходимость уединиться отъ народа, такъ или иначе перенести его равнодушіе и остаться самимъ съ собой. Съ нимъ случилось то самое, что онъ вообще предвѣщалъ поэту: „восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ, услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“. И такъ, вотъ причина: его судили глупцы, толпа отвѣчала на его рѣчи холоднымъ смѣхомъ. Ничѣмъ не могъ онъ побѣдить холодности толпы, ничѣмъ не могъ измѣнить мнѣнія глупцовъ. Поэтому и въ „Памятникъ“ онъ гордо успокоиваетъ себя: „И не оспаривай глупца“. Своихъ судей онъ называетъ глупцами, своихъ читателей вообще — холодною толпою. Но эти жесткія слова у него вырвались какъ будто невольно; онъ никакъ не могъ смотрѣть хладнокровно, равнодушно на „тушую чернь“. Чувствуя въ душѣ гнѣвъ или скорѣе горечь, онъ самъ старается успокоиться, онъ говоритъ себѣ: „но ты останься твердъ, спокоенъ“... Вы думаете, это—величавое спокойствіе, высокомерное вознесеніе себя надъ другими? О, нѣтъ! Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ! Угрюмъ! При всѣхъ утѣшеніяхъ самому себѣ, онъ чувствуетъ однако же, что не можетъ не быть угрюмымъ.—„Ты царь; живи одинъ!“ говоритъ онъ самъ себѣ, а между тѣмъ, не смотря на то, что въ немъ такъ живо чувство своего царственного величія, онъ остается печальнымъ, угрюмымъ, ему тяжело жить одному, тяжело безъ сочувствія. „Это безповойное болѣзненное отношеніе къ публикѣ Пушкинъ воплотилъ, по мнѣнію критика, въ „Импровизаторъ-итальянецъ“. Въ лицѣ бѣднаго итальянца, въ душѣ котораго скрытымъ огнемъ горитъ божественное вдохновеніе, Пушкинъ выразилъ и другую черту своихъ возрѣній на поэта; такимъ образомъ, это лицо пушкинскаго рассказа имѣетъ біографическое значеніе, на ряду съ многими дру-

гими лицами его созданий. Но есть еще лицо, которое носить на себя уже слишком явно, безспорно, черты характера и отношений самого поэта: это — Чарский. Известно начало рассказа ¹⁾. Чарский был поэт, но стыдился своего прозвища поэта; он скрывал род занятий, желая быть вполне независимым: звание же поэта налагало на него обязательства и ставило его в известную зависимость от публики. Он старался жить и держать себя вполне частным человеком; вел жизнь пустую и разбланную, ничем не отличался от других вкусами и привычками. Однако, страсть его к творчеству была неодолима; в очерк повторены все биографические черты: „мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец“; когда на него находила „такая дрянь“ (т.-е. вдохновение), он запирался почти на целый месяц, большей частью осенью“. Здесь раздвоение поэта доведено до последней степени, и трудно сомневаться, что оно возникло, в такой степени, в душе поэта из тех самых обстоятельств, на которые указано Страховым. Поэт добровольно отказывается от своей популярности, и не потому, что он не желал славы, но потому, что мечтал о действительной высокой, народной славе. „Что слава? горько вослывуль он однажды — шепот ли чтеца, гоненье ль низкого невежды или одобрение глупца?...“ Все это почти дословно осуществилось в судьбе самого поэта. Кто создавал славу Пушкина? Три стана создавали эту славу: публика, журналисты и друзья, также писатели. Публика могла выражать себя в „шепот чтеца“, друзья, т.-е. Жуковский, Вяземский, Плетнев, Дельвиг не много сдѣлали для этой славы: они мало и редко говорили в печати о Пушкине; таким образом, и они большей частью ограничивались одним „шепотом чтеца“. Журналисты же одобряли и гнали; и действительно, не много ума было в их одобрениях, не много сдѣлала современная Пушкину критика для уяснения истинного духа его созданий; гонение на великого поэта, конечно, было и невежественно, и низко. Пушкин, сознавший свою силу, достоинство и значение, должен был относиться отрицательно к суждениям современной ему критики. Он не чувствовал к ней простого уважения, тем более, когда она обнаруживала иногда побуждения не только чуждым литературѣ, но

¹⁾ IV. Египетск. Ночи. Гл. I и черновой набросок (стр. 398—400). См. Записки Павлицева, по авторитетному показанию которого Чарский есть самъ Пушкинъ. 287 и дальше.

нравственно непозволительныя. Пушкинъ говоритъ объ отношеніяхъ своего героя къ современнымъ литераторамъ въ такихъ пренебрежительныхъ выраженіяхъ: „Онъ не любилъ общества своей братьи-литераторовъ. Онъ, кромѣ весьма немногихъ, находилъ въ нихъ слишкомъ много притязаній, у однихъ на колкость ума, у другихъ на пылеость воображенія, у третьихъ на чувствительность, у четвертыхъ на меланхолію...“

..Иные казались ему скучными по своей глупости; другіе несносными по своему тону; третьи гадкими по своей подлости; четвертые опасными по своему двойному ремеслу, вообще слишкомъ самолюбивыми и занятыми исключительно собою, да своими сочиненіями“ ¹⁾). Кромѣ всѣхъ недостатковъ своихъ, они не имѣли никакого благородства и скромности. Такие-то люди судили и гнали поэта. Характеристика немного преувеличена; дальше приводимыя мною матеріалы ее освѣтятъ въ мѣрѣ ея дѣйствительнаго значенія. Они укажутъ и на то, что не изъ аристократической спеси отдалялся отъ журналистовъ Пушкинъ; болѣе того, что никакой собственно спеси въ Пушкинѣ и не было. Когда поднялось на него гоненіе, онъ не сохранилъ даже спокойствія „пророка“, но раздраженно, человѣческимъ возмущеніемъ отвѣтилъ на гоненія; когда стали замѣчать, какъ широко и повластно распространяется вліяніе невѣжественныхъ и низкихъ людей на тотъ народъ, которому онъ хотѣлъ служить своимъ поэтическимъ откровеніемъ, онъ взялся за оружіе общественнаго бойца и упрекалъ тѣхъ писателей, которые считали это предосудительнымъ для аристократическаго достоинства. На этотъ отвѣтъ отвѣтили ему еще сильнѣйшимъ гоненіемъ; разница въ общественныхъ убѣжденіяхъ все болѣе обостряла борьбу; враги пользовались и клеветой, и доносами: послѣднее слово во всякомъ случаѣ оставалось за ними. Но и тогда, когда вопросы не выходили изъ области чисто литературной, критика пользовалась всѣми средствами развѣнчанія и униженія поэта, его творчества. Таково было положеніе Пушкина въ журналистикѣ около 30 года, когда начала издаваться „Лит. Газета“. Въ журналѣ своего друга поэтъ рѣшилъ выступить какъ публицистическій критикъ. Это положеніе подорвало окончательно его авторитетъ. Когда поэтъ самъ сталъ задѣвать своихъ враговъ, они уже совершенно перестали стѣсняться средствами.

Три врага шли одинъ за другимъ, ссылаясь одинъ на дру-

¹⁾ IV. 400. О Надеждинѣ поэтъ выразился: „Его критики были глупо написаны...“ О Полевомъ: „Онъ скученъ, педантъ и невѣжда...“

гого. Первый изъ нихъ Надеждинъ, появившійся въ литературѣ въ 1828 г. на сѣромъ фонѣ литературнаго старовѣрія Каченовскаго и предъявившій русской литературѣ новыя высшія требованія, которымъ великій поэтъ, по убѣжденіямъ новаго критика, не удовлетворялъ. Надеждинъ стоялъ на чисто литературной почвѣ, два другіе противника Пушкина перешли на почву общественныхъ пристрастій и личныхъ счетовъ: одинъ былъ призванный журнальный боецъ, другой низкій журнальный плутъ: такимъ образомъ составляли они странный, сомнительный союзъ. Въ лѣтописяхъ русской жизни едва ли найдется что-нибудь болѣе тяжелое, чѣмъ статьи Надеждина о Пушкинѣ. Мы привыкли осуждать до униженія Булгарина, между тѣмъ невозможно и сравнивать сознательную дѣятельность просвѣщеннѣйшаго критика и темное ремесло журналиста, руководимаго однимъ расчетомъ и страстями; одинъ былъ видный исключительныхъ способностей профессоръ и писатель, другой былъ страшенъ лишь по своимъ литературно-торговымъ способностямъ и огромному вліянію на общество, осужденное имѣть одну булгаринскую газету. Его литературныя критики никого не трогали. Его враждебныя отношенія къ Пушкину начались собственно съ недоразумѣнія, которое было обращено Булгаринимъ въ гоненіе на поэта; послѣдній, въ свою очередь, воспользовался этимъ недоразумѣніемъ, чтобы вступить въ борьбу съ огромнымъ вліяніемъ журналиста, вносящимъ пошлость въ литературную и общественную жизнь. Другое дѣло — Надеждинъ. Прежде всего онъ продолжалъ Каченовскаго; онъ появился въ его журналѣ и сталъ писать ему въ тонъ. Но Каченовскій былъ „тупъ и скученъ“, Каченовскаго презирало новое поколѣніе писателей. Надеждинъ выступилъ во всеоружіи моднаго образованія и точно опредѣленной идеи. Онъ поднялъ гоненіе на Пушкина не за одни грубыя выраженія, не за разрывъ съ классицизмомъ и отелоненіе отъ всѣхъ почтенныхъ дѣдовскихъ правилъ, какъ прежняя критика „Вѣст. Европы“. Оружіе Надеждина было острѣе: онъ предъявилъ русской литературѣ требованіе идейности и, приложивъ къ творчеству поэта эту новую мѣрку, не нашелъ въ немъ присутствіе идеи. Это было дѣйствительно обидой. Начались издѣвательства, которыя намъ кажутся теперь возмутительными потому, что мы видимъ въ созданіяхъ нашего великаго поэта не только присутствіе идей, но живую идейную глубину. Надеждинъ сталъ безъ пощады повторять, что онъ видитъ въ талантѣ поэта одну внѣшнюю изобразительную способность и живую насмѣшливость, „пародіальный геній“.

Надеждинъ имѣлъ роковой порокъ: онъ не имѣлъ чувства мѣры, не имѣлъ вкуса, поэтому онъ во всякомъ случаѣ не могъ быть истиннымъ литературнымъ критикомъ. Онъ былъ теоретикъ и его теоретическія разсужденія имѣли твердую и опредѣленную почву; съ этимъ онъ подошелъ и къ русской литературѣ и поставилъ ей требованіе идейности: — здѣсь его заслуга. Но отсутствіе вкуса закрывало ему глаза на смыслъ пушкинскаго творчества: — здѣсь его слабость. Отсутствие вкуса въ немъ было изумительно. Оно было конечно виной и его безвкусныхъ критическихъ діалоговъ, иногда болѣе похожихъ на бредъ, чѣмъ на литературный разговоръ. Повидимому, онъ самъ увлекался, своимъ дурнымъ краснорѣчіемъ и тупыми шутками, которыя нравились его неразборчивому вкусу. Все это писалось особеннымъ напряженнымъ и вычурнымъ стилемъ, языкомъ смѣшаннымъ изъ славянскихъ реченій и философскихъ терминовъ. Наконецъ, въ дѣятельности Надеждина отмѣчаютъ черту, разъясняющую недоумѣніе, которое производятъ его первыя статьи, съ ихъ разнузданнымъ образомъ выраженія и стилемъ, но зато и совершенно подозрительную въ нравственномъ смыслѣ. Выступивъ въ журналѣ Каченовскаго, онъ писалъ въ согласіи съ его вкусами и убѣжденіями; разставшись съ нимъ, онъ измѣнился вполнѣ; разница бросалась въ глаза и современникамъ; перемѣнился не только стиль на болѣе благородный и отчетливый, но и самыя отношенія. До 30 года, года прекращенія „Вѣст. Европы“, онъ былъ открытымъ врагомъ Пушкина; съ 31 г., выступивъ въ своемъ „Телескопѣ“, поднялъ голосъ за Пушкина; такимъ образомъ можно подозрѣвать, что онъ былъ не вполнѣ искрененъ на страницахъ „Вѣст. Европы“. На эту неискренность указываетъ еще Кс. Полевой. „Надеждинъ явился въ Москву съ цѣлью получить мѣсто профессора и нуждался въ чѣмъ-нибудь ходатайствѣ за свою диссертацию; разгадавъ характеръ Каченовскаго, онъ притворился его приверженцемъ. Каченовскій же давно злобствовалъ противъ Пушкина за его сочиненія, которыхъ не цѣнилъ, и больше всего за эпиграммы, но по слабости здоровья не могъ выступать журнальнымъ борцомъ. Надеждинъ предложилъ ему свои услуги и поднялъ свое гоненіе“... „Сначала мы думали — свидѣтельствуешь Полевой — что подъ завѣсой новаго псевдонима пишетъ самъ Каченовскій: такъ умѣлъ Надеждинъ перенять у него взгляды, мнѣнія и даже слогъ“. Но диссертациа прошла въ фавулетѣ, „Вѣст. Европы“ палъ, Надеждинъ выступилъ самостоятельно и здѣсь измѣнилъ себѣ — тому Никодиму Недоумѣ, которымъ онъ

выступалъ въ „Вѣст. Европы“. ¹⁾ Биографъ Погодина склоняется къ убѣжденію Полевого, „не имѣя духа“ говорить о „возмутительной критикѣ“ безъ глубокаго негодованія ²⁾. Но такое обвиненіе, устраняющее присутствіе всякаго серьезнаго убѣжденія въ обличительно-критическихъ статьяхъ Недоумки, должно быть ограничено. Правда, основавъ свой „Телескопъ“, Надеждинъ сразу призналъ значеніе „Бориса Годунова“, между тѣмъ какъ въ „Вѣст. Европы“ совѣтовалъ его сжечь. Но, во-первыхъ, Надеждинъ и раньше относился къ Пушкину не совершенно отрицательно, признавая въ немъ лишь яркаго жанриста, безъ всякой глубины и высоты полета, — эта мысль слишкомъ очевидно проходитъ во всѣхъ статьяхъ Недоумки наряду съ другими излюбленными теоретическими и обличительными мыслями критика; во-вторыхъ, въ новомъ журналѣ онъ отрекся отъ развѣнчиванія лишь „Бориса Годунова“, а это не было собственно въ прямомъ противорѣчьи съ прежними взглядами критика на поэта. „Борисъ Годуновъ“ вызвалъ подобную же перемѣну въ отношеніяхъ къ пушкинскому творчеству и въ другомъ шеллингянцѣ — Веневитиновѣ. Всѣ шеллингянцы сходились на томъ, что въ своей трагедіи поэтъ сдѣлалъ рѣшительное сближеніе съ народностью. Народность была точкой опоры и Надеждина. Критики „Моск. Вѣст.“ были, конечно, тоньше и разборчивѣе, они разгадали и въ „Полтавѣ“ начало новаго періода; но они слышали уже трагедію, когда судили о „Полтавѣ“. Кромѣ того и Веневитиновъ, несмотря на свою тонкость, не понялъ первой главы „Онѣгина“, перенесъ подражаніе съ героя на писателя. Когда же появились первые выходы Надеждина, одинъ изъ друзей и приверженцевъ Пушкина — Погодинъ писалъ Шевыреву. „Надеждинъ вооружился противъ Пушкина и говорилъ много дѣла между прочимъ, хотя и семинарскимъ тономъ“ ³⁾. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и должно заключить, что Надеждинъ, сотрудничая въ „Вѣст. Европы“, могъ заискивать у Каченовскаго и для того усилить свое отрицательное отношеніе къ направленію пушкинскаго творчества и въ усердіи или въ увлеченіи и не замѣтить, не признать народности въ „Полтавѣ“ и даже предложить сжечь трагедію, которая ему нравилась; только отъ послѣдняго предложенія и отрекся Надеждинъ въ „Телескопѣ“, повторивъ, что онъ

¹⁾ Записки Кс. Полевого. 255—257.

²⁾ Барсуковъ. II. 341—344, 349. То же мнѣніе поддерживаетъ г. Ив. Ивановъ.

³⁾ Барсуковъ. II, 346.

никогда не отрицалъ огромнаго таланта Пушкина, предъявлялъ ему лишь высшія требованія.

Появленіе статей Надеждина предшествовала непріязненная статья въ „Атенѣ“, о которой самъ поэтъ вспоминалъ именно въ этомъ смыслѣ¹⁾. Это былъ отзывъ о 4 и 5 главахъ „Онѣгина“; критикъ писалъ: „Прошло, кажется, счастливое время, когда критикъ, рассматривая какое-нибудь стихотвореніе, развертывалъ благоговѣнно курсъ Пинтики, отыскивалъ родъ и видъ, къ которому сочиненіе по названію принадлежало, сличалъ правила съ произведеніемъ и, по количеству точекъ соприкосновенія, произносилъ приговоръ свой. Въ нашъ вѣкъ работа критика сдѣлалась труднѣе: онъ часто имѣетъ дѣло съ такимъ сочиненіемъ, о которомъ ни авторъ не можетъ дать отчета, почему оно такъ написано, ни читатель—объяснить себѣ, почему оно ему нравится. Названіе романтическое вручаетъ стихотвореніе отъ всѣхъ притязаній здраваго смысла и законныхъ требованій вкуса... По изданнымъ пяти главамъ „Онѣгина“, конечно, мы не въ правѣ еще заключить о качествѣ плана цѣлаго; но можемъ видѣть качество характеровъ, выведенныхъ для дѣйствія, и способъ, какъ это дѣйствіе раскрывается... Какіе характеры созданы въ „Онѣгинѣ“? Евгенийъ избалованный, вѣтренный... читаетъ предлинное наставленіе Татьянѣ, въ которомъ нѣтъ и тѣни языка разговорнаго. Катонъ съ одной сестрой, онъ въ то же время Ольгѣ, невѣстѣ своего пріятеля „...наклонясь шепчетъ нѣжно какой-то пошлый мадригалъ и руку жметъ“. Тихій, мечтательный Ленскій за то, что другъ его провальсировалъ лишній разъ съ его невѣстой „выходитъ съ нимъ на дуэль“. Безстрастная Ольга, помолвленная за Ленскаго, послѣ того, какъ „Владиміръ сладостной неволѣ предался полною душой и пр.“, наканунѣ почти свадьбы, при первой ласкѣ Онѣгина, забываетъ жениха... Печальная Татьяна, разъ и то мелькомъ, видѣвши молодого мужчину, пишетъ ему, спустя полгода, самое жалкое письмо, увѣряя, что Онѣгинъ посланъ ей Богомъ! Естественно ли все это? Нѣтъ характеровъ: нѣтъ и дѣйствія. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляетъ нѣсколько оное. Отъ этого и эти двѣ главы, подобно предшествовавшимъ, сбиваются просто на описаніе то особы Онѣгина, то утомительныхъ подробностей деревенской жизни его, то занятій Ленскаго, то опять авторъ принимается за характеръ Татьяны, хотя объ ней слишкомъ ужъ много было толковано и во второй главѣ, то

¹⁾ V 126.

возвращается къ природѣ: описываетъ осень, зиму. Отъ этого такая говорливость у него; такъ много замѣтныхъ повтореній“ и пр. пр. Статья кончается мелочными придирками къ ошибкамъ въ языкѣ и къ отдѣльнымъ мыслямъ „и сотня другихъ мелочей, которыя такъ заживо цѣпляють людей, учившихся по старымъ грамматикамъ“ (заключительныя слова статьи) ¹⁾. Въ этой статьѣ какъ будто пробудился духъ первыхъ нападеній на Пушкина. Но, въ сравненіи съ обличеніями Надеждина, она кажется дѣтскимъ лепетомъ.

Въ статьяхъ Надеждина въ Вѣст. Европы“ можно выдѣлить общія литературныя требованія, предъявленныя критикомъ, и обличенія Пушкина, какъ крупнаго таланта, не удовлетворявшаго этимъ требованіямъ. Первая статья его появилась въ „Вѣст. Европы“ въ 1828 г. № 21 и 22:—Литературныя опасенія за будущій годъ; вторая—въ 1829 г. № 1 и 2:—Сонмище нигилистовъ. Это статьи довольно общаго характера, лишь намекающія на Пушкина, но въ нихъ выражены всѣ основы надеждинской критики. Первая представлена въ разговорѣ автора съ „Тлѣвскимъ“. На романтическія представленія о творческомъ геніи своего собесѣдника, воспитаннаго на „нѣмецкихъ есеетическихъ теоріяхъ“, авторъ отвѣчаетъ: „Потрудись указать мнѣ въ толпѣ безчисленныхъ метеоровъ, возгорающихся и блуждающихъ въ нашей литературной атмосферѣ, хоть одинъ, въ коемъ бы открывалось сіе таинственное пареніе генія въ горную страну вѣчныхъ идеаловъ, о которомъ прожужжали намъ всѣ уши велеумные журналисты съ братіей?.. По сую пору близорукій взоръ мой, преслѣдуя неизслѣдимыя орбиты хвостатыхъ и безхвостыхъ кометъ, кружащихся на нашемъ небосклонѣ, свозъ сбывающій ихъ чадъ, могъ различить только одно, что всѣ онѣ влекутся силою собственнаго тяготѣнія въ туманную бездну пустоты или въ оный, созданный гигантской фантазіей Байрона страшный хаосъ“... „Поэзія есть не что иное, какъ величайшее самоизступленіе, есть безуміе — возражаетъ Тлѣвскій — отсутствіе связи порядка и цѣли въ новой поэзіи принадлежитъ природѣ“...—Ты провозглашаешь природу образцомъ безсвязія, беспорядка, безцѣльности — продолжаетъ свою рѣчь критикъ — потому, что взоръ твой не силенъ подвести безпредѣльную полноту ея подъ одинъ всеобъемлющій пунктъ зрѣнія. Между тѣмъ въ природѣ „въ дольнемъ мірѣ“ великая гармонія; ея слышалъ еще „тонкій слухъ Пизагора“... Дѣло

¹⁾ Зелинскій. II. 81. Атены. 1828 г. № 4.

искусства подслушивать таинственные отголоски сей вѣчной гармоніи и представлять ихъ внятными для нашего слуха въ согласныхъ рѣмическихъ аккордахъ. Это должно составлять первоначальную и существенную тему всякой поэзіи... Отъ чего мраморъ, одушевленный подъ рѣзцомъ Фидіевъ и Лусіпловъ, расширяетъ души зрителей сладкимъ восторгомъ?.. Отъ того, что рука художника, совокупивъ въ немъ различныя черты, коихъ союзъ неощутителенъ въ природѣ, освѣтила ихъ магическимъ свѣтомъ, пробуждающимъ предъощущеніе ихъ внутренняго сокровеннаго единства!.. И чѣмъ легче, чѣмъ свободнѣе душа наша подразумѣваетъ сіе единство, тѣмъ совершеннѣе произведеніе! Это-то называется на мистическомъ языкѣ Нѣмецкихъ эстетиковъ идеализированіемъ или твореніемъ по идеаламъ!.. Идеаль у нихъ означаетъ фантастическую цѣлостъ идеи, воплощаемой художникомъ въ его творческомъ произведеніи.—Теперь спрашиваю тебя: замѣчательно ли подобное возвышенное идеализированіе въ хламѣ мелочныхъ орүемованныхъ блестяшекъ, засоривающихъ безпрестанно Парнасъ нашъ?... Имѣютъ ли многіе изъ записныхъ писаекъ нашихъ, бредящихъ безпрестанно идеалами, хотя малѣйшее предощущеніе объ нихъ въ то время, когда разрождаются безъ всякихъ болѣзней и трудовъ недоношенными своими произведеніями?.. Сіи маленькія желтенькія, синенькія и зелененькія поемки, составляющія теперь главный питическій приплодъ нашъ несмотря на щеголеватую наружность, въ коей онѣ обыкновенно являются не суть ли только ефемерныя призраки, возникающіе изъ ничего и для ничего по прихотямъ зѣвающей отъ бездѣлья фантазіи?.. Это и не удивительно! лзя ли ожидать чего-нибудь дѣльнаго, связнаго и цѣльнаго отъ произведеній, являющихся рапсодическими влочками, спитыми кое-какъ на живую нитку, и свѣтащихся насквозь отъ множества—ни то искусственныхъ, ни то естественныхъ—сважинъ и щелей, нисколько не затыкаемыхъ безчисленными тире и точками? Не безсовѣстно ли требовать отъ творенія единства и сообразности съ идеей, когда самъ творецъ не имѣетъ часто въ головѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что онъ хочетъ писать, а просто пишетъ то, что на умъ взбредеть? Таковы-то едва ли не всѣ нынѣшнія питическія произведенія, въ коихъ услужливые журналисты усиливаются отгрызать таинственное стремленіе въ страну идеаловъ“. Въ № 22 (продолженіе) на вопросъ собесѣдника: „ты, конечно, читалъ новую поэму Залетина — Евгеній Четвертинскій?“ критикъ раздраженно отвѣ-

чаетъ: „Признаюся, Богъ еще миловаль!.. Меня и такъ уже тошнить съ этихъ Евгеніевъ, которыхъ по справедливости надлежало бы назвать Какогеніями или вырожденками добраго вкуса“... — Совѣтую тебѣ прочесть новую поэму со вниманіемъ и безъ предубѣжденія — возражаетъ собесѣдникъ. — „Нечего чатать, любезный! видно сову по полету и ворону по перьямъ. О бѣдная, бѣдная наша поэзія! Долго ли будетъ ей скитаться по Нерчинскимъ острогамъ, цыганскимъ шатрамъ и разбойничьимъ вертепамъ? Неужели въ области ея исключительно принадлежатъ однѣ мрачныя сцены распутства, ожесточенія и злодѣйства?.. Что за рѣшительная антипатія во всему доброму, свѣтлому, мелодическому, радующему и возвышающему душу?.. Вотъ предметы поэзіи! великіе подвиги и невинныя наслажденія человѣчества... „Изнанка вещественной жизни нашей“ также входитъ въ область поэтическаго изображенія, но „въ идеальномъ свѣтѣ состраданія и несообразности ихъ съ нашимъ достоинствомъ и назначеніемъ... Нынѣ же поэзія бродитъ по вертепамъ злодѣяній, омрачающихъ природу человѣческую; съ какою-то безстыдной патлостью срываетъ покровъ съ ея слабостей и заблужденій и любитъ изведенной на позоръ срамотой наилучшаго созданія Божія“... Не таково первоначальное назначеніе поэзіи, когда тигры укрощались Орфеевымъ пѣніемъ и камни воздвигались въ храмы; нынѣ — не то, — „наши пѣвцы воздыхаютъ тоскливо о блаженномъ состояніи первобытной дикости, услаждаются живописаніемъ бурныхъ порывовъ неистовства, покушаются ниспровергнуть до основанія священный оплотъ общественнаго порядка и благоустройства. Богъ судья покойнику Байрону... Онъ виной подобныхъ настроеній, хотя и былъ самъ по себѣ великой самобытной силой. Можно ли поэтому горевать, что сія исполинская сила, душа, для которой рамы дѣйствительности были столѣтѣсны, не просвѣтлялась яснымъ взоромъ на вселенную и не согрѣвалась вротвой теплотой братской любви къ своимъ земнымъ спутникамъ“. Это былъ одинокій колоссальный Полуфемъ. Какъ бы ни была ужасна его поэзія, она была исключительнымъ явленіемъ по своей самобытности, поэтому она навсегда останется „великимъ, хотя и злодѣющимъ свѣтиломъ. Но въ томъ бѣда, что сія грозная комета увлекла за собой всѣ безчисленные атомы, вращающіеся въ литературной атмосферѣ, и образовала изъ нихъ хвостъ свой“. Этотъ хвостъ составляютъ „всѣ наши доморощенные стиходѣи à la Ваугон. Расплодилось огромное множество поэмъ, воихъ вся твань, исполненная близень и перетыкъ, соплетена изъ низкихъ распутствъ или ужас-

ныхъ преступленій. Всѣ ихъ герои суть или ожесточенные изверги или заматорѣлые въ бездѣльничествѣ повѣсы. Главнѣйшими изъ пружинъ, приводящими въ движеніе весь пѣтическій механизмъ ихъ, обыкновенно бываютъ: пуншъ, ай, бордо, дамскія ножки, будуарное удалство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствій составляютъ: Муромскіе дѣса подвижные бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овиновъ и бань, спаленные закоулки и еермопилы. Оригинальные костюмы ихъ: „копыта, хоботы кривые, хвосты хохлатые, клыки, усы, кровавыя языки, рога и пальцы костяные“. Торжественный оркестръ ихъ: „визгъ, хохоть, пѣнье, свистъ и хлопъ, людская молвь и конскій топъ“. Коротко сказать—главный и почти единственный фондъ, безразсечно издаваемый нашими байронистами, составляетъ все, что только можно выдумать самаго чудовищнаго, отвратительнаго и грязнаго,—всѣ изгаринны и подонки природы“... На возраженіе собесѣдника, что геній свободенъ въ выборѣ любыхъ чертъ природы для своихъ поэтическихъ возсозданій; никакія умозрительныя или нравственно-общественныя предубѣжденія не могутъ останавливать его; все исполненное кипящей живнью предоставлено его творческой способности ¹⁾, критикъ смѣется: „Какъ, для генія не должно существовать никакой узды, никакого мѣрила, никакого правила дѣйствования?.. Всѣ явленія жизни имѣютъ для него равную цѣну? Удивительно ли послѣ того, что мастерское изображеніе влюбленнаго кота, въ пылу неистоваго вскипѣнія страсти цап-царапствующаго свою любимицу, могло составить занимательную эпизодическую картину въ одномъ изъ пресловутѣйшихъ пѣтическихъ нашихъ произведеній?.. „Мы соревнуемъ природѣ!“— вопіютъ удалые: природа—единственный образецъ нашъ!“— Нѣтъ, мил. гос., вы не соревнуете природѣ, а ее передразниваете... Безъ сомнѣнія, великая картина природы составлена изъ смѣшенія свѣта съ тѣнями; часто также заблужденія и страсти людскія покрываютъ ее мрачными пятнами. Но развѣ сіи-то тѣни и пятна должны служить первообразами для соревнующаго ей генія? Изрядное соревнованіе!.. Изображайте природу, но неспачканную собственнымъ нашимъ тщаніемъ и трудами, а—въ ея первообразной красотѣ и лучезарности!.. Вамъ не запрещается, конечно, и оттѣнять ваши эскизы, по примѣру великой первохудожницы—природы; но не забывайте, однако,

¹⁾ Въ этихъ возраженіяхъ собесѣдника имѣлись въ виду критическіе взгляды Полевого.

что изящество картинъ составляетъ изъ свѣтло-тѣни, а не изъ одной только тѣни, мутной и грязной.. И у Гете выводятся на сцену „Цыгане“, но у него это лишь эпизодъ въ великой идеализированной картинѣ (Гецъ); притомъ и „въ сіи—такъ сказать—отребья рода человѣческаго“ поэтъ умѣлъ заронить искры нравственнаго достоинства, свидѣтельствующія о неизгладимости величія природы человѣческой подъ самымъ позорнѣйшимъ клеймомъ униженія“... Во второй статьѣ—Сонмище нигилистовъ Надеждиныхъ развиваетъ мысль о роковой пустотѣ, т.-е. ничтожествѣ и безсодержательности современныхъ поэтовъ, которые представились поэтому его воображенію сонмищемъ нигилистовъ. Эти нигилисты вдругъ ворвались въ комнату, въ которой онъ пировалъ со своимъ другомъ Конторкинымъ, въ сопровожденіи Тлѣвскаго (собесѣдника перваго разговора). Критикъ въ ужасѣ бѣжитъ отъ нихъ, изъ дому на улицу, не разбирая дороги, и думаетъ: „Исчадія Хаоса суть безобразный Еревъ и мрачная Ночь! Да и можетъ ли быть иначе? Чего другого ожидать отъ этихъ головъ, представляющихъ собою опытное доказательство стариннаго философическаго парадокса о пустомъ пространствѣ?.. Упоеніе, производимое Ипокреною вдовы Кликю или Моэта, часто, конечно, возбуждаетъ броженіе въ сихъ новыхъ Тогувабогу; но это — фальшивыя потуги! Еще со времени Фалеса ведется философическая поговорка: изъ ничего ничего не бываетъ! Она оправдывается теперь непреложными опытами. Нашъ литературный хаосъ, осѣменяемый мрачною философіей ничтожества, раздражается Нулиными! — Множить ли, дѣлать нули на нули—они всегда остаются нулями!“..

Графъ Нулинъ съ присоединеніемъ „Бала“ Баратынскаго, изданныхъ одной книгой, сталъ предметомъ отдѣльной статьи Недумки въ слѣдующемъ номерѣ „Вѣст. Европы“¹⁾. Здѣсь и были приложены литературныя требованія критика въ „корифею нашей поэзіи“ особенно разнузданнымъ тономъ, которымъ статьи и производятъ впечатлѣнія преднамѣреннаго гоненія—изъ расчета или недоброжелательства. Критикъ писалъ: „Отважимся бросить скромный взглядъ на сіе драгоцѣнное произведеніе, въ которомъ, какъ въ микрокосмѣ, отпечатлѣвается типъ всего поэтическаго міра, имъ сотвореннаго! Но съ чего начать обзоръ нашъ?“ Графъ Нулинъ не имѣетъ центрального мѣста: „это есть кружочекъ, коего окружность—вездѣ, а центръ—нигдѣ!.. Если имя поэта (ποιητης) должно оставаться всегда вѣрнымъ

¹⁾ Вѣст. Евр., № 3. 1829 г. Зелинскій. II, 194—201.

своей этимологии, по которой оно означало у древних греков творение из ничего, то пѣвец Пулина есть *par excellence* поэтъ. Онъ сотворилъ чисто изъ ничего сію поэму. Но зато и оправдалась надъ ней во всей силѣ древняя аксіома іонійской философической школы .., что изъ ничего ничего не бываетъ... Графъ Нулинъ есть нуль, во всей математической полнотѣ значенія сего слова... Онъ не возбуждаетъ никакихъ ожиданій, кромѣ чисто нулевыхъ. И мы, не безъ сердечнаго, конечно, раскаянія, въ позволяемомъ себѣ кощунствѣ, можемъ сказать языкомъ великаго Галлера: „Взгромождаю нули на нули, умножаю ихъ, возвышаю въ безчисленныя степени: и ты, нуль! остаешься всегда весь, всегда равенъ себѣ предо мною!...“ Что тутъ анатомировать?... Мыльный пузырь, блистающій столь прелестно всѣми радужными цвѣтами, разлетается въ прахъ отъ малѣйшаго дуновенія... Что же тогда останется?... Тотъ же нуль, но вдобавокъ еще безцвѣтный...“ Вотъ первое ложное положеніе критика по отношенію къ Пушкину: случайная поэтическая бездѣлка, возникшая изъ шутиваго намѣренія, была сочтена типическимъ выраженіемъ творческой мысли поэта. Это искусственное обобщеніе понадобилось Надеждину, конечно. затѣмъ, чтобы ярче выдвинуть свою мысль о бесодержательности русской литературы. Вторымъ положеніемъ критикъ вступалъ въ борьбу съ основнымъ пристрастіемъ пушкинской мысли, съ основной литературной идеей; это было мѣстомъ дѣйствительнаго столкновенія двухъ несогласныхъ точекъ зрѣнія.

Еще въ Литературныхъ опасеніяхъ Надеждинъ высказался противъ реализма въ поэзій, предлагая взамѣнъ идеализацію дѣйствительности; теперь онъ, признавая въ Пушкинѣ исключительную способность поэтической изобразительности, во „фламандскомъ“ вкусѣ, отрицалъ такой реализмъ совершенно и противъ него направлялъ свою насмѣшку. Исходя изъ этого, критикъ обвинялъ Пушкина въ томъ самомъ, въ чемъ обвинялъ его, при появленіи первой поэмы, „Вѣстникъ Европы“ и другіе журналы подобныхъ же сочувствій — въ непристойностяхъ. Пушкинъ не стѣснялся ими въ свободномъ отношеніи къ дѣйствительности, въ стремленіи быть вѣрнымъ ей. Надеждинъ отрицалъ ихъ въ борьбѣ съ реализмомъ. „Никто не можетъ отрицать пальму поэтическаго живописца у пѣвца Пулина—пишетъ Надеждинъ въ той же статьѣ. Его произведенія—и кто не знаетъ ихъ наизусть!—исполнены картинами, схваченными съ природы рукою мастерскою, одушевленною и—даже иногда слыш-

комъ вѣрною Графъ Нулинъ представляетъ непрерывную галерею подобныхъ картинъ. Самое начало повѣсти есть образецъ живописи, коей не постыдились бы знаменитѣйшіе мастера Фламандской школы: (выписано: „Пора! пора, рога трубятъ и пр.“). Не правда ли прекрасно?...“ Послѣ слѣдующихъ стиховъ: „Межь тѣмъ печально подъ окномъ индѣйки съ крикомъ выступали во слѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ; три утки полоскались въ лужѣ. Шла баба черезъ грязный дворъ бѣлье повѣсить на заборъ...“ критикъ продолжаетъ: „это уже—не первой (картинѣ) чета! Здѣсь изображена природа во всей наготѣ своей à l'antique! Жаль только, что сія мастерская картина не совсѣмъ дописана. Неужели въ широкой рамѣ чернаго барскаго двора не умѣстились бы двѣ, три хавроньи, кои, разметавшись по-султански на пышныхъ диванахъ топучей грязи, въ блаженномъ самодовольствѣ и въ совершенной Епикурейской беззаботности о всемъ окружающемъ ихъ, могли бы даже сообщить нѣчто занимательное изображенному зрѣлищу?... Почему поэтъ, представляя бабу, идущую развѣшивать бѣлье черезъ грязный дворъ, уклонился нѣсколько отъ вѣрности, позабывъ изобразить, какъ она со всѣмъ деревенскимъ жеманствомъ приподнимала выстроченный подолъ своей пестрой понявы, „чтобы ей воскрылій не омочить усмеленною грязнаго моря волною?... Это едва извинительно въ живописцѣ великомъ и всеобъемлющемъ!...“ И, наконецъ, послѣ упрековъ въ непристойности, которая является слѣдствіемъ такой нестысенной вѣрности природѣ, критикъ говоритъ: „Мало ли въ натурѣ есть вещей, которыя совсѣмъ нейдутъ для показу?... Дай себѣ волю.. пожалуй, залетишь и — Богъ вѣсть — куда! — отъ спальни недалеко до дѣвичьей; отъ дѣвичьей до передней; отъ передней до сѣней; отъ сѣней—дальше и дальше!... Мало ли есть мѣстъ и предметовъ еще болѣе вдохновительныхъ, могущихъ представить новое неразработанное и неистощимое поле для трудолюбивыхъ дѣлателей!... Немудрено дожидаться, что насъ поведутъ и туда со временемъ!—...Сцена, происшедшая между графомъ и Нат. Павловной, безъ сомнѣнія, очень смѣшна, критикъ и самъ смѣялся“. — „Но каково покажется это моему почтенному дядюшкѣ, которому ступнуло уже пятьдесятъ, или моей двоюродной сестрѣ, которой невступно еще шестнадцать; если сія послѣдняя (чего Боже упаси!), соблазненная демономъ дѣвческаго любопытства, вытащитъ потихоньку изъ незапирающагося моего бюро это сокровище?... Грѣха не оберешься..“

Въ статьѣ о Полтавѣ въ № 8 и 9 за 1829 г. Надеждинъ вы-

сказывается о Пушкинѣ окончательно ¹⁾: „Никто больше меня не любитъся цвѣтущею игривостью воображенія, доставшагося Пушкину въ столь роскошномъ изобиліи!.. Его картины, не смотря на грязныя пятна, воими онѣ обыкновенно бываютъ запачканы, обнаруживаютъ талантъ мощный, богатый...“ Но критикъ не можетъ согласиться, что Пушкинъ — гений. „Отличительная черта генія есть оригинальная самобытность. Его солнце есть идеаль въѣчной красоты! Онъ можетъ составлять звено въ планетной системѣ геніевъ, обращающихся вокругъ одного средоточнаго начала; но никогда не можетъ и не долженъ быть сопутникомъ другого генія!“ Пушкинъ же „обращается не окрестъ себя, а окрестъ высшаго солнца“ т.-е. Байрона. Гений это — „творческій, зиждительный духъ, воззывающій изъ нѣдръ своихъ собственныя, самородныя и самообразныя изящныя формы для воплощенія въѣчныхъ идей, созерцаемыхъ имъ во всей небесной ихъ лѣпотѣ!“ Съ этой точки зрѣнія, неумѣстно употреблять выраженія: творить и созидать, когда дѣло идетъ о произведеніяхъ Пушкина.

„Ахъ! любезные друзья мои! для генія не довольно смастерить Евгенія!“ Пушкина невозможно сравнивать съ геніальнымъ Байрономъ: „онъ не переросъ еще скудной мѣры человѣчества: и душа его даже слишкомъ дружна съ земной жизнью... Его герои—въ самыхъ мрачнѣйшихъ произведеніяхъ его фантазіи—каковы: „Братья разбойники“ и „Цыгане“—суть не дьяволы, а бѣсенята“... Такъ и въ послѣдней поэмѣ „Мазепа“ „есть не что иное, какъ лицемѣрный, бездушный старикашка“... Поэтъ взялся не за свое дѣло,—не по силамъ; и за этимъ утвержденіемъ Надеждинъ произноситъ свое рѣшительное опредѣленіе „музы Пушкина.“ „Это есть, по моему мнѣнію, рѣзвая шалуныя, для которой весь міръ ни въ копѣйку. Ея стихія—пересмѣхать все—худое и хорошее... не изъ злости или презрѣнія, а просто—изъ охоты позубоскалить... Поэзія Пушкина есть просто—пародія. Нечего Бога гнѣвить!.. что правда, то правда!.. мастеръ посмѣяться и посмѣшить, когда только, разумѣется, знаетъ честь и мѣру!.. И ежели можно быть великимъ въ малыхъ дѣлахъ, то Пушкина можно назвать по всѣмъ правамъ геніемъ на карикатурѣ!.. Лучшее его твореніе есть графъ Нулинъ!.. Здѣсь поэтъ находится въ своей стихіи: и его пародіальный гений является во всемъ своемъ арлекинскомъ величіи!.. Привыкнуши зубоскалить, мудрено сохранить долго важный видъ, не измѣ-

¹⁾ Зелинскій. II, 167—185.

ная самому себѣ: вѣроломныя гримасы прорываются украдкой сквозь личину поддѣльной сановитости. За примѣрами не за чѣмъ ходить далеко: развернемъ „Полтаву“!.. „Весь механизмъ поэмы движется на „усахъ Мазепы“! Въ поэмѣ нѣтъ и духа народности. „Друзья мои!—восклицаетъ критикъ — народность не состоитъ въ искусствѣ накидывать русскія пословицы и поговорки, гдѣ ни попало!.. Чтобы быть народнымъ, надобно уловить духъ народный: а онъ — не продается, подобно газамъ въ бутылкахъ!..“ Вся поэма есть актъ Пушкинскаго паденія во всякомъ отношеніи: „и въ отношеніи къ наружной отдѣлкѣ его „Полтава“ несравненно ниже всѣхъ прочихъ его произведеній“... Въ слѣдующей статьѣ по поводу седьмой главы „Евг. Онѣгина“¹⁾ Надеждинъ опять настойчиво повторяетъ, что его цѣль дать настоящее безпристрастное опредѣленіе высокаго таланта Пушкина: „Стихотворческій талантъ Пушкина есть сокровище неподдѣльное, съ котораго цѣна никогда спастись не можетъ! Не усиливайся только онъ придавать ему фальшиваго блеска насильственной примѣсью веществъ чуждыхъ. Ввались опять въ свою колею — иди своей дорогой: и я увѣренъ, что Пушкинъ заиграетъ опять блестящей звѣздой на горизонтѣ нашей словесности“... Для этого должно „разбайрониться добровольно и добросовѣстно. Сжечь Годунова и докончить Онѣгина“... Въ одномъ Онѣгинѣ только—послѣ „Руслана и Людмилы“—видить критикъ талантъ Пушкина на своемъ мѣстѣ: „ему не дано видѣть и изображать природу поэтически съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія: онъ можетъ только мастерски выворачивать ее на изнанку“.

Все, что есть въ поэзи Пушкина-фламандскаго, Гогартовскаго, то превосходно, „прелестно, неподобно“. Такъ привѣтствовалъ Надеждинъ пушкинскій реализмъ... Слѣдующей статьѣй было признаніе „Бориса Годунова“, который не имѣетъ успѣха въ публикѣ, потому что поэтъ „перемѣнилъ тонъ и сдѣлался постепеннѣе... онъ теперь гудитъ, а не щебечетъ“²⁾. Такимъ образомъ, Надеждинъ переусердствовалъ въ „Вѣст. Европы“. Но гоненіе было уже поднято, чья-то цѣль была достигнута. Съ этихъ поръ наступило рѣшительное охлажденіе къ великому поэту.

При появленіи первыхъ статей Надеждина, Пушкинъ отвѣтилъ нѣсколькими эпиграммами противъ Каченовскаго. Надеж-

¹⁾ „Вѣст. Евр.“, 1830 г. № 7. Зелинскій III, 18—37.

²⁾ Телескопъ, 1831 г., № 4. Зелинскій III, 74—92.

динь упомянулъ о нихъ въ статьѣ о „Полтавѣ“: „Полтава“ есть настоящая Полтава для Пушкина! Ему назначено было здѣсь испытать судьбу Карла XII!.. И — какая чудная аналогія! Сѣверный Александръ, проигравъ Полтавское сраженіе, пустился въ ребяческіе фарсы, недостойные его генія и славы... Карль XII литературнаго нашего міра точно такъ же изволить забавляться послѣ Полтавы: онъ ударился въ язвительныя стишонки и ругательства! „Два, три камешка, пущенные имъ изъ телеграфической пращи“, такъ называетъ дальше критикъ двѣ эпиграммы, напечатанныя Пушкинымъ въ то время ¹⁾). Отвѣтомъ на эти упоминанія послужила еще одна эпиграмма Пушкина: „Какъ сатирой безымянной и проч.“. Затѣмъ явилось еще двѣ эпиграммы. ²⁾) Не можетъ быть сомнѣнія, что статьи Надеждина произвели на поэта впечатлѣніе тягостное, отразившееся вскорѣ на его отношеніи къ „толпѣ“. Стихотвореніе „Поэту“, въ которомъ говорится о судѣ глупца и о смѣхѣ толпы холодной, относится именно къ этому времени (1830 г.). Павлищевъ передаетъ со словъ матери два разговора съ нею Пушкина. По возвращеніи изъ ссылки, поэтъ вообще былъ въ тяжеломъ настроеніи, предаваясь грустнымъ предчувствіямъ, мечтая покинуть Петербургъ. Прочитавъ сестрѣ свое стихотвореніе: „Даръ напрасный, даръ случайный“... онъ сказалъ: „Хуже горькой полыни напрокутило мнѣ житье на землѣ; нечего сказать, знаменитъ день рожденія, который вчера отпраздновалъ: родился въ маѣ и вѣкъ буду маяться“. При этомъ Пушкинъ зарыдалъ; сестра стала утѣшать его: „Не будь бабой, Александръ, перестань плакать, и спрашивается изъ-за чего? Изъ-за какихъ-нибудь пошлостей журнальной ракальи?“ ³⁾). Если, дѣйствительно, этотъ разговоръ относится къ 27 мая 1828 года, то сестра поэта не могла имѣть въ виду статей Надеждина, которыя появились лишь въ ноябрѣ того же года, но, можетъ быть, ту статью въ Атенеѣ, о которой Пушкинъ вспоминалъ, какъ о первой непріязненной статьѣ, направленной на него впервые послѣ долгаго одобренія. Такимъ образомъ, уже этотъ несочувственный отзывъ подѣйствовалъ на поэта тягостно (если племянникъ не ошибается въ показаніи); но, разумѣется, онъ не могъ идти въ сравненіе съ обличеніями Надоумки, появившимися въ концѣ года. Павлищевъ разговоръ поэта съ сестрой записываетъ отъ этого времени. Зимой 1829 года она стала замѣчать не только

¹⁾ М. Т. 1829 г. № 7 и 8; „Полсиѣжникъ“ 1829 г.; Соч. II, 78—79.

²⁾ II, 80—81.

³⁾ Записки Павлищева, 98.

грустное, но и желчное настроеніе брата. Она увѣщевала его: „напрасно, Александръ, портишь свою кровь эпиграммами на всякую равалю. Ставь себя, ради Бога, выше ея! Злишься попустому и ничего со злости не ѣшь, а какому-нибудь Каченовскому или Кочерговскому, какъ ты его прозываешь, твои эпиграммы какъ съ гуся вода“¹⁾.

По возвращеніи съ Кавказа Пушкинъ предавался тѣмъ же чувствамъ. „Меня звать поминутно—говорилъ онъ сестрѣ. Именно, мнѣ нѣтъ отдыха, ни срока (ni répit, ni repos). Не говорю уже—извини за выраженіе—о подлецѣ-банальѣ критикѣ моей „Полтавы“, критикѣ, который приплелъ сюда такого же дурака, какъ самъ онъ, Пахома Силича Правдина. Пошлый, пошлый дуракъ вмѣстѣ со своимъ Пахомомъ. Не понимаю также, что за плюху закатилъ тому же воилу мой графъ Нулинъ? Вѣрно графъ Нулинъ, получивъ пощечину отъ Нат. Павл., разсердился, да съ досады и залѣпилъ этому господину, въ свою очередь, плюху во все ухо“!..²⁾. Такъ раздраженно относился поэтъ къ гоненію, поднявшемуся на него; поэтому тотъ сдержанный, спокойный тонъ, которымъ онъ говоритъ самъ въ своихъ замѣткахъ о тѣхъ же обстоятельствахъ, не долженъ обманывать насъ: какъ въ тѣхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ Страховъ почувствовалъ болѣзненное горькое чувство обиды за образами и выраженіями, даже величественными, такъ и въ критическихъ замѣткахъ, касающихся этихъ обидъ, не трудно услышать кипѣніе горькихъ чувствъ.

Въ 30-мъ году, вынужденный просидѣть безвыѣздно нѣсколько мѣсяцевъ въ Болдинѣ, Пушкинъ написалъ рядъ критическихъ замѣтокъ, въ которыхъ объясняетъ свои отношенія къ критикѣ и отвѣчаетъ на нѣкоторые нападки, наиболѣе остановившіе его вниманіе³⁾. Не отвѣчать на критики поэтъ считаетъ „обыкновеніемъ весьма вреднымъ, обидой и недостойной гордостью“... „Будучи русскимъ писателемъ—признается великій поэтъ—я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные и, вѣроятно, искренніе знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы самые непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего противника и слѣдовать за его сужденіями, не

¹⁾ Тамъ же, 104—105.

²⁾ Тамъ же, 162.

³⁾ V, 110 и пр.

отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ авторскимъ самоотверженіемъ; къ несчастью замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали. Что касается до критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлью оскорбить меня какимъ бы то ни было образомъ, скажу только, что онѣ очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты, и что слѣдственно сочинители оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали. Если въ теченіе 16-ти лѣтней авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (не говорю ужъ о ругательствахъ), то сіе происходило, конечно, не изъ презрѣнія. Состояніе критики само по себѣ доказываетъ степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику значило бы презирать публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесность съ гордостью можетъ выставить передъ Европой исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи, такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ состояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло... Можно не удостоивать отвѣта своихъ критиковъ, когда нападенія суть чисто литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ, къ несчастью, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія“... ¹⁾).

Затѣмъ поэтъ отражаетъ нападенія. Разборъ въ „Атенеѣ“ удивилъ его „хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностью привязокъ“; критикъ не понимаетъ „самыхъ обыкновенныхъ риторическихъ фигуръ“; кромѣ того ему недостаетъ знанія народнаго языка; и поэтъ обращаетъ критика къ „изученію старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п.“, необходимому „для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка: критики наши напрасно ими презираютъ“ ²⁾).

Надеждину Пушкинъ отвѣчалъ на обвиненіе въ непристойности, которое явилось у критика на почвѣ отрицательныхъ отно-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, 126.

шеній къ литературному реализму, а также на почвѣ пури-танскаго пониманія общественной нравственности ¹⁾. „Бѣдную связку нашли непристойной. Молодой человекъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужас! Какъ смѣть писать тавія отвратительныя гадости?...“ Но если критики не знаютъ западныхъ творцовъ шутивыхъ поэмъ (не говоря уже о древнихъ), ужели по крайней мѣрѣ не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить Душеньку въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать Модную Жену, сей прелестный образецъ легкаго и шуливаго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина? Но, отстранивъ первенство поэтическаго достоинства, „Графъ Нулинъ“ долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутовъ. Эти гг. критики — продолжаетъ Пушкинъ — нашли странный способъ судить о степени нравственности какаго-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-ти-лѣтняя племянница, у другого 15-ти лѣтняя знакомая и все, что по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ... Какъ будто литература и существуетъ только для 16-ти лѣтнихъ дѣвушекъ!...“ Но „Графъ Нулинъ“ не есть сочиненіе безнравственное: „Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлю или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячитъ воображеніе любострастными описаніями, увижаетъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу — въ отвратительную колдунью“. Искреннее и чистое воображеніе создало повѣсть: въ этомъ ея совершенное оправданіе и разница отъ безнравственныхъ сочиненій, основанныхъ на чувственности. „Шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрой воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ — заключаетъ поэтъ — которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ея съ правоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе“. Въ слѣдующей замѣткѣ ²⁾, представивъ въ мнимомъ разборѣ Расиновой Федры живую пародію на критики Надеждина, поэтъ добавляетъ: „Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя кри-

¹⁾ У. 122—123.

²⁾ Тамъ-же 123—126.

тики, хотябъ онѣ были писаны и по-латыни?“ Здѣсь заключается, конечно, намекъ на латинскую диссертацию Надеждина. Въ слѣдующихъ словахъ поэтомъ видимо владѣеть чувство обиды: „Не такъ ли (т.-е. какъ въ пародіи, сочиненной Пушкинымъ), хотя и болѣе вудрявымъ слогомъ, разбирають онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глупокомысліемъ“. Однимъ изъ этихъ пріятелей былъ и Погодинъ, находившій, что Надеждинъ говорилъ о Пушкинѣ „много дѣла“. Это осужденіе за неблагопристойность изумительно для Пушкина: „Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости въ петербургской барынѣ, засѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки“?.. ¹⁾ Поэтъ, уже высказавшійся однажды за первобытную грубость выраженій, сродную духу народному, высказывается теперь въ томъ смыслѣ, что „вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность... Отверженные оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ, какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные“. Такимъ образомъ, поэтъ желалъ ввести въ литературныя отношенія не истинный аристократизмъ взамѣнъ поддѣльнаго, но благородство тона, свободнаго, естественнаго и искреннаго. „Недавно одинъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней нашихъ дамъ отъ fashionable tales и историческихъ записокъ. Что же? Газета важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находится слова ужасныя: сувинъ сынъ. Возможно ли? Что скажутъ дамы, если, паче, чаянія, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что бы онѣ сказали Фонъ-Визину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего Недоросля, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простокова бранить Еремѣвну

¹⁾ На этотъ вопросъ Пушкинъ даетъ прежде всего прямой отвѣтъ, который, однако, звучитъ слишкомъ полемически и притомъ едва ли имѣетъ въ виду Надеждина: „Оттого, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежать высшему обществу (high life), что имъ извѣстны его законы; не лучше ли было бы имъ постараться по своему тому и поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société)“? На такомъ приговорѣ надо видѣть отраженіе другихъ полемическихъ отношеній на почвѣ другихъ интересовъ.

собачьей дочерью? Тоже напали на „Графа Нулина“ за неблагопристойность, между тѣмъ какъ „всѣ петербургскія дамы прочли ее и знали дѣлше отрывки наизусть“. Последнія выраженія повторены Пушкинымъ и въ Отрывкахъ романа въ письмахъ: „Я тоже заглянула въ журналы... Смѣшно видѣть, какъ тамъ важно упрекаютъ въ безнравственности и неблагопристойности сочиненія, которые прочли мы всѣ петербургскія недотроги“¹⁾. Смыслъ этихъ выраженій—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ—тотъ, что критика слабѣе и публики. Въ одномъ изъ набросковъ въ Егип. ночамъ есть такой разговоръ: „Чтожь это за черта?“—Не могу, мудроно рассказать.—„А что развѣ неблагопристойно?“—Да, какъ почти все, что живо рисуетъ ужасные нравы древности.—„Ахъ, расскажите, расскажите!“—Ахъ, нѣтъ не рассказывайте, прервала Вольская, вдова по разводу, опустивъ чопорно огненные свои глаза.—„Полноте, вскричала хозяйка съ нетерпѣнiемъ. Qui est-ce donc que l'on trompe ici? Вчера мы смотрѣли Antony, а вонъ тамъ, у меня на каминѣ, валяется la Physiologie du Mariage. Нашли чѣмъ насъ пугать... Неблагопристойно! Перестаньте насъ морочить, Алексѣй Ивановичъ! вы не журналистъ... Расскажите просто, что знаете про Клеопатру; однако, будьте благопристойны, если можно.“²⁾. Въ этомъ разговорѣ кратко и здраво выражено все отношенiе Пушкина къ этому предмету: „расскажите просто все, что знаете... будьте благопристойны, если можно“... Сюжетъ Егип. ночей, какъ рисующій „ужасные нравы древности“, потребовалъ пренебреженiя условной благопристойностью для достиженiя истины, правды въ искусствѣ,—и поэтъ пренебрегъ...

Легко понять, сопоставивъ склонность Пушкина къ реализму и склонность Надеждина къ идеализаціи природы въ искусствѣ, почему одинъ допускалъ то, чего не допускалъ другой. Идеализація ограничивала область природы тѣмъ, что признавала въ ней лишь соответствующее идеалу, который созданъ былъ идеологической, теоретической мыслью. И какъ ни странно, но эта идеализація природы, конечно, въ просвѣщенномъ, въ углубленномъ видѣ, сходилась съ „подражанiемъ изящной природѣ“, которая также исключала изъ области искусства то, что не отвѣчало изящному вкусу, идеальному критерию академической эпохи: ложный классицизмъ и романтизмъ (въ извѣстномъ своемъ типѣ) совпали. Любопытно, напр., что и та, и другая

¹⁾ IV, 353.

²⁾ IV, 401.

точка зрѣнія послѣдовательно привела къ требованію благопрістойности, т.-е. исповѣдывала мораль въ томъ же ограниченномъ пониманіи: Надеждинъ имѣлъ съ Каченовскимъ дѣйствительныя точки соприкосновенія. Противоположность Пушкинскихъ вкусовъ вкусамъ и того, и другого слишкомъ очевидна изъ всего, что было сказано о реализмѣ Пушкина.

Пушкинъ долженъ былъ быть настоящимъ противникомъ Надеждина не потому только, что критикъ предъявилъ поэту высшія требованія, (такія же требованія предъявилъ и Веневитиновъ и не упалъ отъ того во мнѣніи Пушкина); не потому, что Надеждинъ поднималъ беззастѣнчивыя гоненія на него: поэтъ простилъ ихъ, когда критикъ, основавъ свой журналъ, принялъ другой, болѣе доброжелательный тонъ; но, и простивъ, Пушкинъ никогда не сошелся съ нимъ, навсегда остался чуждъ ему: они стояли на двухъ противоположныхъ точкахъ зрѣнія.

II.

Виднѣйшимъ представителемъ тогдашней журнальной черни былъ Булгаринъ, который сталъ вторымъ, сильнѣйшимъ и упорнѣйшимъ, врагомъ Пушкина, истиннымъ гонителемъ его.

Судьба этого второго литературнаго врага Пушкина замѣчательна. Полную характеристику его даетъ Гречъ, въ справедливости которой можно не сомнѣваться: если бы даже онъ скрылъ или умалилъ кое-какія темныя черты своего друга, портретъ достаточно непривлекателенъ¹⁾. Булгаринъ былъ польскаго происхожденія, имѣлъ большія способности и учился хорошо; по окончаніи курса въ корпусѣ поступилъ въ гвардію. Служа офицеромъ, онъ былъ принятъ во многихъ хорошихъ домахъ въ Петербургѣ, особенно — въ польскихъ. Онъ участвовалъ въ трехъ походахъ и хвастался потомъ своей храбростью, но, кажется, безъ основанія. Въ Кенигсбергскомъ лазаретѣ, гдѣ лежалъ онъ раненый, поляки наполеоновой арміи соблазняли его перейти на сторону французовъ, но Булгаринъ не согласился. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ сталъ свучать гарнизонной службой и вести себя слишкомъ вольно, за что подвергался частымъ взысканіямъ. Наконецъ, вышедши въ отставку, онъ пріѣхалъ въ Варшаву и передался тамъ на сторону французовъ, что по тогдашнимъ политическимъ условіямъ — говорить Гречъ въ оправданіе своего друга — не

¹⁾ Записки о моей жизни. Греча. XII. 435 и дальше.

было вполне измѣной: „Россія была тогда съ Франціей въ дружбѣ и въ союзѣ“. Но „благородные товарищи Булгарина“ не могли простить ему этого, и „честный Кошкуль“ назвалъ его подлецомъ; Грець соглашается съ приговоромъ товарищей, „если судить судомъ совѣсти и по общему закону чести...“ Такимъ судомъ судимъ, конечно, и мы. Дальнѣйшая судьба Булгарина становится еще замѣчательнѣе. По окончаніи войны съ Франціей, Булгаринъ, по волѣ вел. кн. Константина Павловича, былъ принятъ ласково въ странѣ, которой измѣнилъ. Вернувшись въ Россію, Булгаринъ приобщился къ общему движенію умовъ Александровской эпохи. Онъ былъ въ то время не тѣмъ, чѣмъ сталъ послѣ: онъ былъ уменъ, любезенъ, гостепріименъ; онъ искалъ дружбы, людей благородныхъ; однако, и тогда не пренебрегалъ онъ людьми другого рода и не того движенія, къ которому примкнулъ: сошелся съ Магницкимъ, Руничемъ, съ Аракчеевымъ и приближенными къ нему. До 1823 г. Булгаринъ велъ процессъ, очень продолжительный и путанный, который и развратилъ окончательно его душу, приучивъ къ „низкопоклонству, лести, хвастовству и хлѣбосольству съ определенной цѣлью“. Эти отношенія, обусловленные обстоятельствами его жизни и свойствомъ его занятій, „произвели въ его умѣ смѣшанную теорію правилъ войны, сугажничества и литературы“. Вскорѣ онъ обратился и къ самой литературѣ, видя въ ней средство приобрести извѣстность и деньги; слѣдовательно его занятія литературой были вызваны побужденіемъ корыстнымъ. Онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ: онъ былъ добръ и сострадателенъ; онъ былъ уменъ, его дружбу раздѣляли такіе люди, какъ Грибоѣдовъ или Рылѣевъ. Но добрыя свойства его съ каждымъ годомъ все уходили, а дурныя развивались. „Въ самой основѣ его характера—говорить его другъ—лежало что-то дикое и звѣрское. Иногда вдругъ онъ ни съ того, ни съ сего, или по самому ничтожному поводу впадалъ въ какое-то изступленіе, сердился, бранился, обижалъ встрѣчнаго и поперечнаго, доходилъ до бѣшенства. Когда, бывало, такое изступленное состояніе овладѣетъ имъ, онъ пуститъ себѣ кровь, ослабѣетъ, и потомъ войдетъ въ нормальное состояніе“¹⁾. Образование его было ничтожное; въ 1820 г. онъ еще не вполне владѣлъ русскимъ языкомъ и бумаги писалъ съ помощью подъячихъ. Начавъ издавать Сѣв. Архивъ²⁾, онъ обнаружилъ въ одно время и журнальную сно-

¹⁾ Съ 1829 г. журналъ былъ соединенъ съ Сѣномъ От. Греца.

²⁾ Записки Греца. 448.

ровеу и большое невѣжество: помѣщаль любопытныя статьи и смѣшивалъ событія. Потомъ небольшіе сатирическіе очерки составили ему имя; Грець сглаживалъ ихъ слогъ. Съ 1825 г. въ сотрудничествѣ съ Гречемъ онъ предпринялъ изданіе Сѣв. Пчелы, политической газеты. Поощренный успѣхомъ своихъ сатирическихъ очерковъ, задумалъ Ив. Ив. Выжигина, романъ нравовъ. Онъ писалъ его „долго и рачительно“ и имѣлъ успѣхъ; въ 1830 г. издалъ онъ Дмитрія Самозванца; затѣмъ по завѣзу книгопродавца, обольщеннаго успѣхомъ Ив. Ив. Выжигина, сочинилъ Петра Выжигина, но романъ „не принесъ выгоды“. Начавъ изданіе Сѣв. Пчелы, Булгаринъ вступилъ скоро въ непріязненныя отношенія какъ съ представителями художественной литературы, такъ и съ журналистами: сперва съ Полевымъ, затѣмъ съ Дельвигомъ; разрывъ съ послѣднимъ и сталъ поводомъ острой полемики съ Пушкинымъ.

Необузданный Булгаринъ постоянно ссорился съ своими сотрудниками. Въ числѣ ихъ былъ О. М. Сомовъ, человекъ небольшого таланта, но благородный и образованный. Онъ чрезвычайно нуждался въ заработкѣ и усердно писалъ для Сѣв. Пчелы два года. Вдругъ Булгаринъ разсердился на него, раскричался и прогналъ отъ себя. Сомовъ обратился за работой къ Дельвигу, который началъ издавать Литературную Газету; Дельвигъ далъ ему мѣсто въ редакціи. Булгаринъ испугался, опасаясь расплаты за свой поступокъ. Встрѣтивъ какъ-то Сомова, онъ спросилъ его: „Правда ли, Сомычъ, что вы пристали къ Дельвигу?“ — Правда! — „И вы будете меня ругать?“ — Держись... „Эти слова какъ искры взорвали подкопъ въ сердцѣ и въ головѣ Оадаея. Воротившись домой, онъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ статью на объявленіе о Лит. Газ., сталъ бранить и унижать ее еще до выхода перваго №“ ¹⁾). Съ того же времени сталъ его врагомъ и Пушкинъ, столъ близко стоявшій къ Дельвигу и его Л. Газетѣ. Подробности этихъ отношеній передаются Гречемъ лишь приблизительно; болѣе точно изложено дѣло у акад. Сухомлинова, однако, не полностью ²⁾). Вотъ ходъ этихъ отношеній во всѣхъ подробностяхъ, какъ они развивались шагъ за шагомъ, за весь этотъ знаменательный годъ, въ который столкнулись всѣ партіи и всѣ страсти, когда противъ Пушкина соединились въ одномъ сомнительномъ союзѣ Булгаринъ и Полевой. Самъ Пушкинъ впервые открыто выступилъ журналъ-

¹⁾ Записки Греца, 454—455.

²⁾ Изслѣд. и Статьи. II т. Полемиц. статьи Пушкина.

нымъ бойцомъ въ журналѣ, предпринятомъ имъ и его друзьями, изъ которыхъ Дельвигъ стоялъ во главѣ изданія, съ цѣлью подорвать вліяніе неприванныхъ и корыстныхъ служителей литературы и общества. Въ томъ же году обличалъ Пушкина въ безсодержательности и легкомысліи Надеждинъ (о чемъ шла уже рѣчь въ предыдущей главѣ); Надеждинъ былъ, конечно, литературнымъ врагомъ и Булгарина, и Полевого. Полевой имѣлъ даже особенно враждебныя отношенія съ самимъ Каченовскимъ; но тѣмъ не менѣе всякій по своему поднялся противъ поэта.

Разговоръ Булгарина съ Сомовымъ, приводимый Гречемъ, любопытенъ лишь тѣмъ, что указываетъ на начало борьбы; однако, при выходѣ № 1 Лит. Газ. Булгаринъ отозвался о ней довольно сдержанно и безъ особаго недоброжелательства: „Ограничиваемся на первый случай изъясненіемъ искренняго пожеланія Бар. Дельвигу всѣхъ возможныхъ успѣховъ на поприщѣ журналиста: благоволенія публики, мира съ собратіями и занимательности листковъ. При семъ долгомъ поставляемъ пояснить недоумѣніе, вкрапившееся въ объявленіе объ изданіи сей Газеты. Тамъ сказано: „Писатели, помѣщавшіе въ продолженіи шести лѣтъ свои произведенія въ Сѣв. Цвѣтахъ, будутъ постоянно участвовать и въ Лит. Газ.“. Въ первомъ объявленіи, разосланномъ по городамъ, слова сіи были безъ оговорки; въ объявленіи же, приложенномъ къ первому номеру Лит. Газ., пояснено, что издатели журналовъ, разумѣется, не могутъ участвовать въ Лит. Газ.“. Теперь мы получили письма отъ двухъ писателей, прозаика и поэта, не журналистовъ, которые поручаютъ намъ оповѣстить публику, что и они не могутъ участвовать въ Лит. Газ., хотя и помѣщали свои статьи въ Сѣв. Цвѣтахъ, ибо участвуютъ въ другомъ изданіи. Просимъ Г. Бар. Дельвига не принять этого въ дурную сторону и не думать, чтобы мы хотѣли вредить его изданію, объявляя, что у него не будетъ столько сотрудниковъ, сколько именъ сочинителей въ Сѣв. Цвѣтахъ“¹⁾... Въ 4 № газетъ Булгарина помѣщена была рецензія на Сѣв. Цвѣты 30 г.; „Никогда книжка не была такъ тонка, какъ нынѣ, говоритъ рецензентъ, но зато малъ золотникъ да дорогъ... Почти всѣ прозаическія статьи и стихи прекрасны; но издатели, какъ видно, опасаясь повредить читателямъ слишкомъ сильнымъ приѣмомъ Изящнаго, развили составъ на водѣ, подмѣшавъ въ книжку ровно третью часть знаменитаго обзорѣнія русской словесности

¹⁾ Сѣверная Пчела 1830 г. № 3.

О. М. Сомова. Мы не перемѣнились и, говоривъ явно Г. Сомову, когда онъ онъ былъ нашимъ сотрудникомъ, что онъ не мастеръ этого дѣла, повторяемъ и теперь то же самое съ новымъ замѣчаніемъ. Г. Сомовъ, бывъ сотрудникомъ въ редакціи Сѣв. Пчелы и С. От., слишкомъ хвалилъ сочиненія издателей, а нынѣ, не будучи сотрудникомъ, принялся бранить. Журналовъ онъ не могъ еще тронуть, ибо ему стали бы отвѣчать... Г. Сомовъ восхваляетъ до небесъ журналы Сѣв. Пч. и С. От. и бранить кого?—Извѣстно Выжигина... Если этотъ Выжигинъ живъ еще въ Крыму, то онъ поблагодаритъ Г. Сомова за доставленіе ему для его записокъ оригинальныя черты журнальной пріязни. Теперь прихлопнулъ Выжигина, а въ будущемъ году пристукнетъ журналы! И дѣльно"!.. Слѣдуетъ бранчивый разборъ Обозрѣнія, преимущественно касающійся нападокъ на Выжигина; отзывъ о Пушкинѣ самый благосклонный: „Отрывокъ изъ Лит. лѣтоп. сочиненіе А. С. Пушкина: это полемическая статья о бывшей распри съ Вѣст. Еврп. въ Моск. Тел. Остроумно и забавно“. Въ № 11—12 Сѣв. Пч. Булгаринъ грубо нападаетъ на Обоз. Рус. Слов. 1829 г. Кирѣевского (помѣщенное въ Денницѣ), оскорбленный отзывомъ Кирѣевского, приравнивавшего сочиненія Булгарина „Соннику и книгѣ О клопахъ“¹⁾.

Рѣзкій отзывъ о Баратынскомъ, Языковѣ и др. Булгаринъ насмѣшливо заключаетъ: „Жаль, что смертные не станутъ читать этого Альманаха“. Къ этимъ словамъ относится слѣдующая выноска: „Въ этомъ же Альманахѣ находится прекуръезное письмо кн. П. А. Вяземскаго... Въ этой статьѣ обруганы всѣ авторы (разумѣется, исключая автора Письма и его друзей), и вся русская литература смѣшана съ грязью. Мы будемъ имѣть честь отвѣчать отдѣльно Его Сіятельству. Полно молчать!“ Въ № 13 Булгаринъ возражаетъ Воейкову: „Другую несправедливость сказали вы, объявивъ, что всѣ прозаики и поэты дѣятельно участвуютъ въ изданіи Лит. Газ. Мы уже говорили, въ Сѣв. Пч., что это несправедливо. Не всѣ, далеко не всѣ участвуютъ въ этой Газетѣ! Довозательство—самая газета“. Далѣе опять упоминается кн. Вяземскій съ той же тенденціей: „Кн. Вяземскій, хотя и писалъ разборы, но это были только панегирики своимъ друзьямъ и филиппики противъ несогласныхъ съ нимъ во мнѣніяхъ“. (Эти нападки на кн. Вяземскаго и звывали замѣтку Пушкина въ № 10 Лит. Газеты, гдѣ онъ защищаетъ своего друга, особенно отмѣчая въ его статьяхъ благо-

¹⁾ Сочинен. Ив. Кирѣевского. I. 42—43.

родство литературных приемов, конечно, в противоположение Булгарину). Но настоящая ссора Сѣв. Пч. съ Лит. Газ. началась по особому случаю.

Булгаринъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о своихъ литературныхъ способностяхъ; осужденіе своихъ сочиненій принималъ онъ едва ли не за личную обиду: это можно видѣть изъ многихъ его статей, въ которыхъ онъ говоритъ о несочувственныхъ отзывахъ по поводу своихъ романовъ. Самъ онъ относился въ своимъ сочиненіямъ съ полной авторской беззащитностью, прибѣгая ко всякимъ средствамъ для ихъ распространенія. Прежде всего о каждомъ изъ его романовъ помѣщались сочувственныя объявленія и отзывы въ самой Сѣв. Пч., послѣ чего газета напряженно слѣдила за успѣхомъ романовъ въ журналахъ, и каждый неблагопріятный отзывъ былъ относимъ къ личному недоброжелательству: авторъ, повидимому, не допускалъ, что его сочиненія могли нравиться, помимо всякихъ предубѣжденій. Поэтому понятно, что неблагопріятный отзывъ, о Дмитріи Самозванцѣ, напечатанный въ Лит. Газ., былъ принятъ ¹⁾ Булгаринымъ за оскорбленіе, тѣмъ болѣе, что онъ ждалъ слѣдствій разрыва съ Сомовымъ. Но роковымъ недоразумѣніемъ было въ этомъ случаѣ то, что отзывъ Лит. Газ., напечатанный безъ подписи Бар. Дельвига, которому онъ принадлежалъ, Булгаринъ приписалъ Пушкину. Онъ имѣлъ основаніе заподозрѣвать въ этомъ Пушкина. Дѣло въ томъ, что еще до появленія романа распространился слухъ, что авторъ заимствовалъ матеріалы для своего сочиненія изъ Бориса Годунова (который тогда еще не былъ напечатанъ). Булгаринъ зналъ объ этихъ слухахъ и тревожно писалъ по этому поводу Пушкину: „Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина, будто вы говорите, что я ограбилъ вашу трагедію Бор. Год., переложилъ ваши стихи въ прозу и взялъ изъ вашей трагедіи сцены для моего романа! Александръ Сергѣевичъ, поберегите свою славу! Можно ли возводить на меня такіа небылицы? Я не читалъ вашей трагедіи кромѣ отрывковъ печатныхъ, я слышалъ только о ея составѣ отъ читающихъ и отъ васъ. Мнѣ рассказывали содержаніе, и я, признаюсь, не соглашался во многомъ. Говорятъ, что вы хотите напечатать въ Литературной Газетѣ, что я обокралъ вашу трагедію!... Для меня непостижимо, чтобы въ литературѣ можно было дойти до такой степени... Съ истиннымъ уваженіемъ и любовью есмь вашъ навѣки Ѳ. Булгаринъ“. (18 февраля 1830 г. ²⁾).

¹⁾ Сочин. Ив. Кирѣевскаго I. 42 — 43.

²⁾ Бумаги Пушкина, I. 29; Сухомлиновъ, II, 267 — 268.

Въ тотъ же день въ № 21 Сѣв. Пчелы появилось объявленіе о выходѣ романа; въ № 22 (февр. 20) было напечатано пріѣтствіе ему, гдѣ, между прочимъ, говорится такъ: „Благосклонность, которою пользуется авторъ Дм. Самозванца у русской и иностранной публики, должна вознаградить его за литературныя тернія. Духъ литературныхъ партій, существовавшихъ и существующихъ вездѣ, и положеніе г. Булгарина, какъ журналиста и читаемаго автора, лишаютъ его удовольствія выслушать въ Россіи печатный справедливый приговоръ своимъ трудамъ. Кромѣ того, авторъ Дм. Самозванца не употребляетъ никакихъ извѣстныхъ мѣръ для пріуготовленія мнѣнія общества и большого свѣта въ свою пользу: не читаетъ предварительно своихъ сочиненій въ рукописи въ собраніяхъ, не задобриваетъ сужденія тѣхъ, которые имѣютъ у насъ въ обществѣ значеніе, но трудится въ тишинѣ кабинета, печатаетъ и отдаетъ свои сочиненія на судъ безпристрастной публики“. Затѣмъ, оговорившись, что „неприлично говорить что-либо о сочиненіяхъ одного изъ издателей“, рецензентъ выписываетъ предисловіе и осторожно хвалитъ мелко самый романъ; подписано: „Сотрудникъ Сѣв. Пчелы“. Черезъ три недѣли послѣ письма Булгарина Дельвигъ помѣстилъ въ своей Л. Газетѣ разборъ Дм. Самозванца (№ 14, марта 7). Дельвигъ оцѣнилъ посредственный романъ по справедливости, безъ всякаго раздраженія, отмѣчая всѣ его слабости. Кромѣ того—въ разборѣ была еще подробность, относящаяся къ происхожденію Булгарина, которая не могла быть пріятна ему. „Не поименованныхъ куколь, одѣтыхъ въ мундиры и чинно разставленныхъ между раскрашенными кулисами, желаетъ видѣть въ картинѣ любитель живописи, писалъ между прочимъ Дельвигъ; онъ ищетъ людей живыхъ и мыслящихъ и вслѣдствіе ихъ жизни и мысли дѣйствующихъ; а мѣсто и одежда ихъ должны только довершать очарованіе искусствомъ обманутаго воображенія. То же самое желали бы мы найти и въ романѣ г. Булгарина... Въ настоящей жизни, въ людяхъ, окружающихъ насъ, мы можемъ не любить дурныхъ характеровъ, остерегаться людей подозрительныхъ, презирать глупыхъ и злыхъ, избѣгать вредныхъ, но въ романѣ виноватъ сочинитель, если характеры намъ не нравятся, ибо отъ характеровъ романа требуется одной естественности. Кому бы пришло въ голову сердиться на романиста за то, что онъ представилъ злодѣевъ, извѣстныхъ въ исторіи злодѣями? Мы еще болѣе будемъ снисходительны къ роману Дм. Самозванецъ: мы извинимъ въ немъ повсюду выказывающееся пристрастное предпочтеніе народа поль-

скаго передъ русскимъ. Намъ ли, гордящимся вѣротерпимостью, открыты гоненіе противу не нашихъ чувствъ и мыслей? Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ... Итакъ мы не требуемъ невозможнаго, но просимъ должнаго. Мы желали бы, чтобъ авторъ, не принимаясь еще за перо, обдумалъ хорошенько свой предметъ, измѣрилъ свои силы. Тогда бы романъ его имѣлъ интересъ романа и не походилъ на скучный, беспорядочный сборъ богатыхъ матеріаловъ, перемѣшанныхъ съ вымыслами ненужными, часто оскорбляющими чувство приличія. (Слѣдуетъ рядъ примѣровъ въ подтвержденіе)... Романъ до излишества наполненъ историческими именами; выдержанныхъ же характеровъ нѣтъ ни одного. Авторъ самъ, какъ видно, чувствовалъ, что по событіямъ, имъ описаннымъ, не узнаешь того времени, и впадалъ поминутно въ ошибку прежнихъ романистовъ, справедливо указанную Вальтеръ-Скоттомъ: онъ прерываетъ ходъ дѣйствія вводными рассказами, всегда скучными "... и пр. Этого неодобренія и личнаго намека въ разборѣ, приписанномъ Булгаринымъ Пушкину, было для этого автора достаточно, чтобы отвѣтить прямымъ личнымъ оскорбленіемъ великому поэту, подъ слишкомъ очевидной маской. Съ этого недоразумѣнія и началось Булгаринское гоненіе, на которое поэтъ считалъ нужнымъ отвѣчать тѣмъ же средствомъ борьбы съ низшимъ журналистомъ. Въ № 30 Сѣв. Пч. 11 марта былъ напечатанъ въ отдѣлѣ Смѣсь „Анекдотъ“; вотъ онъ цѣликомъ: „Путешественники гнѣваются на нашу старую Англію (old England), что чернь въ ней невѣжливо обходится съ иноземцами и, вмѣсто бранныхъ словъ, употребляетъ названіе иноземнаго народа. Но подобные невѣжды есть вездѣ и даже въ классѣ людей, имѣющихъ притязаніе на образованность. Tous les gascons ne sont pas en Gascogne! Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ. Мальте-Брунъ, Деспингъ, Гофманъ и другіе служатъ тому примѣромъ. Надлежало имѣть исключеніе изъ правила; и появился какой-то французскій стихотворецъ, который, долго морочивъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику и разобралъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана въ мнѣніи фран-

цuzовъ, злой человекъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности французовъ съ умысломъ для возвышенія своихъ земляковъ-нѣмцевъ. Гофманъ, вмѣсто отвѣта, на ложное обвиненіе и невѣжественный упрекъ, напечаталъ въ одному почтенному французскому литератору письмо слѣдующаго содержанія: „Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженія изъ двухъ писателей: предъ вами предстаютъ на судъ, во-первыхъ, природный французъ служащій болѣе усердно Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины; у котораго сердце холодное и нѣмое существо, какъ устрица, а голова—родъ побрякушки, набитой гремучими рифмами, гдѣ не зародилась ни одна идея; который, подобно изступленнымъ, въ баснѣ Пильная, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ рифмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ; который мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленныхъ листахъ, и у котораго одно господствующее чувство — суетность.

Во-вторыхъ, иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнялъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу и чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи и послѣ присоединенія любитъ вмѣстѣ съ Франціей; который за гостепрѣимство заплатилъ Франціи собственною кровью на полѣ битвы, а нынѣ платитъ ей дань жертвою своего ума, чувствованій и пламеннымъ желаніемъ видѣть ее славною, великою, очищенною отъ всѣхъ моральныхъ недуговъ; который пишетъ только то, что готовъ сказать каждому въ глаза и говорить, что радъ напечатать. Рѣшите, м. г., кто достоинъ болѣе уваженія“. На сіе французскій литераторъ отвѣчалъ слѣдующее: „Въ семьѣ не безъ уroda. Трудитесь на полѣ нашей словесности и не обращайтесь на пасущихся животныхъ, потребныхъ для удобренія почвы. Пристрастная критика есть матеріалъ удобренія; но этотъ матеріалъ—согнивая, не заражаетъ ни зерна, ни плода, а, напротивъ, утучняетъ ниву“. Утѣшься, Джонъ-Буль, не ты одинъ бросаешь камнями и грязью въ дострыхъ иноземцевъ“ (Изъ англійскаго журнала).

Въ № 35 марта 22, Пушкинъ развѣнчивался и какъ поэтъ,

въ рецензiи на 7 главу Онѣгина: „Въ № 3 Моск. Тел. на сей 1830 г. объяснено нынѣшнее состояніе общаго мнѣнія въ литературѣ и, между прочимъ, сказано: „Нынѣ требуютъ отъ писателей не одной подписи знаменитаго имени, но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго“. „Справедливо! медленное, траурное шествіе Лит. Газ. и холодный приемъ, оказанный публикою поэмѣ Полтава (о которой такъ остроумно сказано было въ № 2 Вѣст. Евр.) служатъ яснымъ доказательствомъ, что очарованіе именъ исчезло. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать вниманія публики къ такимъ произведеніямъ, какова, напр., глава 7 Евг. Он.? Мы сперва подумали, что это мистификація, просто шутка или пародія, и не прежде увѣрились, что эта глава 7 есть произведеніе сочинителя Русл. и Людм., пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ... Ни одной мысли въ этой водянистой 7 главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной взрѣнія! Совершенное паденіе, chute complète! Итакъ, надежды наши исчезли!.. Сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину!“ Все содержаніе этой главы въ томъ, что Таню везутъ въ Москву изъ деревни! Всѣ вводныя и вставныя части такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобы можно было печатать такія мелочи!“ Въ продолженіи этой статьи въ № 39 Сѣв. Пч. (1 апр.) рецензентъ писалъ: „...Начинается описаніе Московской жизни и общества. Здѣсь поэтъ взялъ обильную дань изъ Горя отъ ума и, просимъ не прогнѣваться, изъ другой извѣстной книги“... Извѣстная книга была, конечно, Ив. Выжигинъ. Въ № 20 Лит. Газ. Дельвигъ съ достоинствомъ опровергъ это обвиненіе. „Обвинимъ Пушкина и въ другомъ еще важнѣйшемъ похищеніи—насмѣшливо заключаетъ защитникъ поэта — онъ многое заимствовалъ изъ романа Дм. Самозванецъ и сими хищеніями удачно, съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію Бор. Год., хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа г. Булгарина“.

Въ № 18 Лит. Газ. марта 27 — въ статьѣ Нѣсколько словъ о полемикѣ, конечно, вызванной столкновеніемъ Газеты съ Булгаринимъ, высказывается высококомѣрный взглядъ на литературныя отношенія: „У насъ многіе изъ авторовъ худо понимаютъ смыслъ иностранныхъ словъ: Критика и Полемика, по мнѣнію иныхъ одно и то же. Критика—сужденіе или изслѣдованіе, или разборъ творенія. Полемика: письменный споръ

ученый, литературный, теологический. Можно критиковать передъ судомъ публики книгу, какое ни имѣй понятіе о сочинителѣ ея; но не всегда захочешь вступить въ полемику съ сочинителемъ, т.-е. въ споръ, въ преніе, потому что споръ есть разговоръ, а съ инымъ писателемъ разговаривать не можно, т.-е. не должно. Впрочемъ, и полемика полемика, и споръ спору рознь. Между равно благовоспитанными людьми полемика не есть одно и то же, что споръ въ сѣняхъ между лакеями или на улицѣ между черни... По этому соображенію образованный человекъ, застѣнчивый въ отношеніи къ чести своей, не войдетъ въ бой неравный, словесный или письменный, съ противниками, которые не научились въ школѣ общежитія цѣнѣ выраженій и приличіямъ вѣжливости. Пойдетъ ли благородный человекъ, вооруженный шпагою, драться на поединкѣ съ поденщикомъ, владѣющимъ палкою?.. Не отъ страха откажется онъ отъ боя: оружіе его извѣстнѣе; но законы чести, сіи необходимые предразсудки общества, опредѣлили, что бой на шпагахъ благороденъ, а бой на палкахъ унизителенъ. Англійскіе нравы, можетъ быть, хороши въ Англии, но не въ литературѣ: тамъ знатный лордъ долженъ по первому вызову площаднаго витязя засучить рукава и дѣйствовать кулаками. Есть и въ литературѣ аристократія: аристократія талантовъ; есть и въ литературѣ площадные витязи, но по счастью, нѣтъ здѣсь народнаго обычая, повелѣвающаго литературному джентельмену отвѣчать на вызовы Джонъ-Буля"... Въ концѣ статьи авторъ сѣтуетъ на поднявшуюся полемику въ журналахъ: „Большая часть изъ критическихъ или полемическихъ статей журналовъ нашихъ статьи не чисто литературныя... Въ нихъ болѣе содержатся чистыя или печистыя личности. Незнающій ни сплетней нашей литературы, ни частностей домашнихъ тѣхъ или другихъ критикуемыхъ авторовъ, ничего не пойметъ, читая критику на сочиненіе, которое онъ и читалъ. Тутъ говорятъ авторы какъ будто между собой, а не съ читателями, намеками; нарѣчіемъ отдѣльнымъ. Со стороны слышишь, что они бранятся; но за что, но о чемъ, на какомъ языкѣ? не понимаешь"... Эту статью, надо думать, Пушкинъ и имѣлъ въ виду, когда въ томъ же году въ двухъ замѣткахъ говорилъ о необходимости отвѣчать на полемическія нападенія. Вопросъ видимо волновалъ поэта; онъ имѣлъ другой взглядъ на литературныя отношенія, въ которыхъ онъ, какъ и въ самомъ литературномъ творчествѣ, не хотѣлъ видѣть проявленіе чопорного жеманства, но открытое выраженіе чувствъ; такого образа дѣйствій онъ и считалъ нужнымъ держаться — сообразно своему характеру, от-

ервенному и порывистому. „Еслибъ я былъ авторъ—говорить одинъ изъ собесѣдниковъ въ воображаемомъ разговорѣ—то почель бы за малодушіе не отвѣчать на нападеніе, какого бы оно рода ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать въ тебя грязью? Посмотрите на англійскаго лорда: онъ готовъ отвѣчать на учтивый вызовъ gentleman и стрѣляться на кухенрейтерскихъ пистолетахъ или снять съ себя фракъ и вох'овать на перекресткѣ съ извозчикомъ. Это настоящая смѣлость. Но мы и въ литературѣ, и въ общественномъ быту слишкомъ чопорны, слишкомъ дамоподобны“¹⁾. Въ критическихъ замѣткахъ, предназначенныхъ поэтомъ для печати (уже упомянутыхъ), онъ этими мыслями начинаетъ рядъ замѣтокъ—въ отвѣтъ на нападки критики: „Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ насъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ-литераторомъ?.. Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между споромъ и дракой, что, наконецъ, никто-де не въ правѣ требовать, чтобы человѣкъ разговаривалъ съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на сходку, то не прогибайся—какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто, а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость“²⁾...

Возмущенный „Анекдотомъ“ Булгарина Пушкинъ напечаталъ въ № 20 Лит. Газ. (10 апр.) замѣтку о Запискахъ Видока (полицейскаго сыщика). Вотъ въ какомъ видѣ представленъ въ ней Булгаринъ, безъ упоминанія его имени: „Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ несчастныхъ, за которыми, по своему званію, обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнусаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка. Видокъ въ своихъ запискахъ име-

¹⁾ V. 109.

²⁾ V. 110.

нуеть себя патриотомъ, кореннымъ французомъ (un bon français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое-нибудь отечество! Онъ увѣряеть, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейныхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ чловѣкъ услужливый, дѣловой) ¹⁾. Онъ съ удивительной важностью толкуеть о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по расчету: сужденія Видока о Казимирѣ де-ла-Винѣ, о Б. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости. „Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (слогъ г. Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняя ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуеть (не въ шуतेу) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писацѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что чловѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для чловѣческаго рода. — Предлагается важный вопросъ: Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона ²⁾ и проч. не оскорбляютъ ни господствующей религіи, ни правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?“ Замѣтка была чрезвычайно рѣзка; намекъ былъ понятенъ тогдашнему обществу, — всѣ узнали въ Видокѣ Булгарина; цензура стала запрещать статьи о Видокѣ. Во то же время въ городѣ распространилась Пушкинская эпиграмма: „Не то бѣда, что ты полявъ: Костюшка—ляхъ, Мицкевичъ—ляхъ! Пожалуй будь себѣ татаринъ,—и въ томъ не вижу я стыда; будь жидъ,—и это не бѣда; но то бѣда, что ты—Видокъ Фигляринъ“. Булгаринъ въ

¹⁾ Въ № 1 и № 2, С. О. и С. А. помѣщались Булгаринныя Воспоминанія объ А. С. Грибоедовѣ.

²⁾ Рецензія Пушкѣ на О Запискахъ Самсона. Лит. Газ. № 5 21 янв.

расчетъ помѣшать распространенію позорной влички перепечаталъ эпиграмму въ С. От. съ перемѣной двухъ послѣднихъ словъ на—свое имя: Ѡадей Булгаринъ.

Въ чемъ же, однако, былъ смыслъ сравненія Булгарина съ парижскимъ сыщикомъ? Кн. П. П. Вяземскій сообщаетъ, что съ начала 30-хъ годовъ Пушкинъ сталъ мечтать „положить конецъ ненавистной монополіи Греча и Булгарина“. Онъ хлопоталъ разрѣшеніе на изданіе газеты (уже послѣ прекращенія Лит. Газ. въ 1831 г.), но изданіе не осуществилось. Въ октябрѣ 32 г. происходилъ самый оживленный разговоръ о той же „монополіи“ и о необходимости защитить русскую литературу отъ Булгаринской опеки и гнета. (Раздраженіе возбуждалъ Булгаринъ, за Греча раздавались изрѣдка и выраженія сочувствія. Извѣстно, что Гречъ былъ въ союзѣ съ Булгаринимъ по своей сердечной слабости, нуждаясь въ средствахъ для своей большой семьи ¹⁾, и не всегда былъ согласенъ съ нимъ, хотя и поддерживалъ его въ полемическихъ обстоятельствахъ; ни по душевнымъ стоимъ свойствамъ, ни по литературнымъ пріемамъ онъ ничуть не походилъ на своего друга, отличаясь скорѣй благородствомъ и нѣкоторой серьезностью своей журнальной дѣятельности. Но какъ бы то ни было, Гречъ заявлялъ себя сотрудникомъ и вѣрнымъ другомъ Булгарина, и бороться съ Булгаринимъ, значило бороться и съ Гречемъ).

Съ 30 по 33 годъ враждебные голоса противъ Булгарина не умолкали—продолжаетъ кн. Вяземскій—вражда все росла. Однажды мальчикъ Вяземскій спросилъ Пушкина, на чемъ основана эта вражда, дѣйствительно ли она законна? и Пушкинъ тогда рассказъ, что „Булгаринъ, привлеченный къ слѣдствію 14 декабря, выпутался изъ возбужденныхъ противъ него обвиненій, съ триумфомъ настаивая на томъ, что онъ никогда и никакимъ довѣріемъ со стороны подсудимыхъ не пользовался. Въ доказательство же преданности своей онъ указалъ на сношенія племянника своего съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ, и такъ опуталъ своего племянника, что несчастный пострадалъ и, по мнѣнію Пушкина, пострадалъ невинно“. Вообще всѣ нападки на Булгарина, поясняетъ кн. Вяземскій—вертѣлись на его сношеніяхъ съ полиціей... Я помню, какъ отецъ мой потѣшался, увидавъ въ Новосельѣ или въ Сборникѣ ста русс. литераторовъ повѣсть Булгарина, окончивающуюся словами: „Я тогда служилъ въ полиціи“—и затѣмъ подпись Ѡадей Булгаринъ. И впослѣдствіи, когда въ именамъ Греча и Булгарива присоединилось имя Сен-

¹⁾ Записки Греча, XII глава.

ковскаго, я доискивался настоящей причины негодованія на этихъ трехъ публицистовъ, и единственное разъясненіе, котораго я могъ добиться, это то, что Гречъ, Булгаринъ и особенно Сенковскій издѣваются и завидываютъ грязью всё тѣ высшіе политическіе и нравственные идеалы, которымъ служилъ Пушкинъ и его друзья“. Со своей стороны авторъ воспоминаній полагаетъ, что источникъ негодованія заключался въ томъ, что „эти публицисты заподозрѣны были въ намѣреніи нравственно и умственно развращать читающую публику; негодованіе разжигалось убѣжденіемъ, что цензура и графъ Уваровъ во главѣ ея поощряетъ ихъ...“¹⁾

Ав. Сухоминовъ заключаетъ, что статья Булгарина, въ которой, впервые была задѣта личность Пушкина, была, вѣроятно, въ большой мѣрѣ разсчитана на то, чтобы повредить Пушкину въ его отношеніяхъ къ шефу жандармовъ. Есть письмо поэта къ Бенкендорфу, которое выражаетъ тревогу по этому поводу; оно писано 24 марта, т.-е. недѣли черезъ двѣ послѣ появленія въ Сѣв. Пч. Анекдота: „Г. Булгаринъ, имѣющій по его словамъ у васъ вліяніе, сдѣлалъ моимъ жесточайшимъ врагомъ вслѣдствіе критики, которую онъ мнѣ приписываетъ. Послѣ гнусной статьи, написанной имъ обо мнѣ, я считаю его способнымъ на все. Я долженъ предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, ибо онъ могъ бы мнѣ надѣлать безчисленныхъ бѣдъ“²⁾. На это письмо Бенкендорфъ отвѣтилъ, что онъ ничего не слышалъ и не могъ слышать отъ Булгарина, потому что видится съ нимъ не болѣе двухъ — трехъ разъ въ годъ³⁾. Бенкендорфъ могъ быть, конечно, неискрененъ; кромѣ того, если онъ видѣлся рѣдко съ Булгаринимъ, это не значитъ, что онъ не могъ получать отъ него никакихъ сообщеній, нужныхъ шефу жандармовъ, сообщенія могли быть и письменныя, могли доставляться и черезъ третье лицо, если важный чиновникъ не допускалъ къ себѣ слишкомъ близко Булгарина; посредникомъ могла служить и Сѣв. Пч., въ которой обличался Пушкинъ. У Булгарина, во всякомъ случаѣ, были отношенія съ Бенкендорфомъ, благоволившимъ къ нему. Заботами послѣдняго Булгаринъ вступилъ въ 26 г. на русскую службу, избавившись отъ званія „франц. капитана“; его же ходатайствомъ

¹⁾ Бумаги Пушкина, II. 1 и далѣе; также отдѣльная брошюра: Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива.

²⁾ См. также записки Павлицева (207), подтверждающаго мнѣніе академика; Сухоминовъ, II. 272.

³⁾ Сухоминовъ, II. 273

Булгарияв получили брилліантовый перстень по преподнесеніи государю Ив. Выжигина ¹⁾. Всѣ эти данныя не даютъ еще права утверждать, что Булгаринъ достигалъ своей цѣли повредить Пушкину въ глазахъ Бенкендорфа. Сомнительно и то, чтобы Булгаринъ могъ доставить въ полицію свѣдѣнія дѣйствительно опасныя для Пушкина, какъ тревожился Пушкинъ. Не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ общихъ обличеній поэта въ безнравственности или въ либерализмѣ его молодыхъ годовъ, обличеній, которыя не давали, конечно, никакого оружія противъ Пушкина Бенкендорфу, Булгаринъ своими происками, надо думать, добивался только личныхъ выгодъ, для чего онъ и считалъ нужнымъ и хорошимъ средствомъ — унижать Пушкина, пользовавшагося любовью государя, противопоставляя себя, будто бы обиженнаго и обойденнаго, несмотря на всѣ свои болѣе существенныя заслуги; объ этомъ свидѣтельствуетъ его письмо къ Дубельту, напечатанное у Сухомлинова ²⁾. Важнѣйшей изъ этихъ достигнутыхъ Булгаринымъ выгодъ было то совершенно исключительное, независимое и неприкосновенное положеніе его, какъ журнальнаго дѣятеля, въ глазахъ полиціи и цензуры.

Непріятное для Пушкина, прочное положеніе Булгарина укрѣплялось еще тѣмъ, что къ нему благоволилъ личный врагъ поэта, гр. С. С. Уваровъ, министр. народн. просв., вѣдавшій по тогдашнему порядку цензуру. Булгарину позволялось многое цензурой, что не позволялось другимъ, въ числѣ ихъ — благороднымъ друзьямъ поэта (самъ онъ подлежалъ вѣдѣнію Бенкендорфа ³⁾). Такъ при трудныхъ условіяхъ тогдашней литературной жизни создавалась булгаринская „монополія“, особенно въ области публицистической мысли. Цензура давала свободу Булгарину, тѣмъ самымъ открывая ему широкое вліяніе на общество, и стѣсняла движеніе высшаго искусства и благородной мысли. Переметный, корыстный и низкій полякъ, изолгавшійся, измѣнившій своему отечеству, — подъ рукой вліятельнаго нѣмца былъ благонамѣреннымъ достойнымъ гражданиномъ; великій писатель, связанный всѣмъ существомъ своимъ съ корнями нашей исторической жизни, любившій свой народъ, признательный за ласку своему государю, человекъ независимыхъ мнѣній, отвѣчавшихъ во многомъ видамъ государя, оставался подозрительнымъ вольнодумцемъ. Естественно, что всѣ усилія Пушкина обратились на то, чтобы ниспровергнуть, унижить въ

¹⁾ Сухомлиновъ II. 274—281.

²⁾ Тамъ же, 282.

³⁾ Пушкинъ по документ. Остафьевск. архива.

глазахъ общества человѣка столь жалкихъ качествъ и столь широкого вліянія, притомъ лично враждебнаго ему, игравшаго въ руку его врагамъ или оффиціальнымъ опекунамъ, которые создавали ему зависимое, часто невыносимо тяжелое положеніе въ жизни. Отвѣчая своимъ врагамъ, вступая въ борьбу съ ними Пушкинъ, конечно, самъ увеличивалъ тяжесть этого положенія.

Сношенія Булгарина съ Бенкендорфомъ послужили Пушкину темой для его первого полемическаго отвѣта Булгарину, — враждебныя отношенія гр. Уварова къ Пушкину дали Булгарину новый поводъ полемически задѣть Пушкина, коснувшись его происхожденія. Гречъ сообщаетъ, что однажды въ гостяхъ у Оленина Уваровъ насмѣшливо сказалъ, что Пушкинъ „хвалится своимъ происхожденіемъ отъ негра Ганнибала, котораго продали въ Кронштадтѣ Петру Великому за бутылку рома!“¹⁾ Булгаринъ, услышавъ это, съ удовольствіемъ повторилъ это, конечно, подъ масками въ Сѣв. Пч. (№ 94 — см. слѣд. главу); Пушкинъ написалъ въ отвѣтъ извѣстную „Родословную“, гдѣ говоритъ о своемъ благородномъ и древнемъ происхожденіи, противопоставляя свое заслуженное и забвенное дворянство ново-рожденной и сильной знати, (подразумѣвая подъ этой новой знатью, конечно, и Уварова). Но, помимо полемическаго отвѣта своимъ врагамъ, эти строфы имѣютъ опредѣленную положительную почву — общественные идеалы поэта, которые уже почти всецѣло обусловливали враждебныя столкновенія съ третьимъ литературнымъ противникомъ его, съ Полевымъ. Этихъ идеаловъ и умѣстно будетъ здѣсь воснуться, прежде чѣмъ представить весь ходъ полемики въ 30 году: Полевой вступилъ въ этомъ году въ союзъ съ Булгаринимъ, и полемическія отношенія Пушкина къ послѣднему переплелись съ отношеніями къ Полевому.

Въ общественныхъ идеалахъ Пушкина мысль о значеніи перваго сословія, о дворянствѣ, составляла крупнѣйшее зерно. Она выражалась имъ въ разныхъ наброскахъ нѣсколько разъ, занимая его особенно въ 30—31 годахъ, безъ сомнѣнія подъ возбужденіемъ возникшей полемики съ Булгаринимъ и Полевымъ, тѣсно связанной съ его гордостью своимъ происхожденіемъ. — Она упоминается въ отрывкахъ изъ неоконченныхъ повѣстей и схематически изложена въ программѣ статьи, которую имѣлъ въ виду написать Пушкинъ. „Что такое потомственное дворянство? — ставить вопросъ программа. — Сословіе народа выс-

¹⁾ Записки Греча, 456.

шее, т.-е. награжденное большими преимуществами, касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ или его представителями.—Съ какою цѣлью?—Съ цѣлью имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей.—Какіе люди составляютъ сіе сословіе?—Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами.—Кто сіи люди?—Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.—Почему такъ?—Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain*; образъ жизни, т.-е. не ремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ—отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей...—Что составляетъ дворянство въ республикѣ?—Богатые люди, которыми народъ кормится.—А въ государствѣ?—Военные люди, которые составляютъ войско государево.—Чѣмъ кончается (погибаетъ) дворянство въ республикѣ?—Аристократіей правъ.—А въ государствѣ?—Рабствомъ народа... Наслѣдственные преимущества высшихъ классовъ общества суть условія ихъ незасисимости. Въ противномъ случаѣ классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности¹⁾. Въ отрывкахъ изъ романа въ письмахъ говорится: „Небреженіе, въ которомъ мы оставляемъ нашихъ крестьянъ, непростительно. Чѣмъ болѣе имѣемъ мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обязанностей въ ихъ отношеніи. Мы оставляемъ ихъ на произволъ плута прикащика, который ихъ притѣсняетъ, а насъ обрадываетъ; мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы и разоряемся; старость насъ застаётъ въ нуждѣ и хлопотахъ. Вотъ причина быстрого упадка нашего дворянства: дѣдъ былъ богатъ, сынъ нуждается, внукъ идетъ по міру. Древняя фамилія приходитъ въ нищенство, новыя поднимаются и въ третьемъ поколѣніи исчезаютъ опять. Къ чему ведетъ такой матеріализмъ?.. Я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожить, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. И какой гордости воспоминавій ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникахъ: „Гражданину Минину и Кн. Пожарскому“. Какой кн. Пожарскій? Что такое гражданинъ Мининъ? Былъ у насъ окольниковій князь Дм. Мих. Пожарскій и былъ Козьма Мининъ

¹⁾ V. 169.

Сухорукой, выборный земли русской. Но отечество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Пропедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ“¹⁾). Поэтъ видитъ въ этомъ недостатокъ глубокаго культурнаго чувства. — „Образованный французъ или англичанинъ дорожить строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, павшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшее, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздой двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т.-е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода—именно достоинство личное. Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ, перевѣсятъ можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами“²⁾). Въ отрывкѣ другой повѣсти: „Древнее русское дворянство... упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго состоянія; дворянская чернь... считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы—вотъ ихъ родоначальники“...³⁾). Последнее выражено и въ насмѣшливыхъ словахъ Моей Родословной.

Эта теорія, которую настойчиво проводилъ Пушкинъ и которую онъ, очевидно, чрезвычайно дорожилъ, создала особый взглядъ на нашу исторію, конечно, пристрастный: поэтъ защищалъ мѣстничество, поддерживавшее значеніе дворянства, осуждая царствованіе Θεодора Іоанновича, въ которое оно было отмѣнено, и наконецъ перешелъ къ отрицанію Петровской реформы, по его мысли—истинно революціонной, пренебрегавшей значеніемъ русскаго родоваго дворянства, замѣнившей его аристократіей правъ. Съ точки зрѣнія такого взгляда на нашу исторію, обусловленнаго общественной теоріей, поэтъ и произносилъ судъ надъ Исторіей Русскаго Народа Полевого, столкновеніе съ которымъ на почвѣ двухъ противоположныхъ общественныхъ

¹⁾ IV. 356.

²⁾ IV. 357.

³⁾ IV. 367.

тенденцій было вообще естественно неизбежнымъ. Естественно также, что съ точки зрѣнія своей теоріи поэтъ долженъ былъ чрезвычайно презирать такихъ лицъ, какъ Булгаринъ, который не имѣлъ не только благороднаго историческаго происхожденія, но даже отечества, чуждый всѣмъ глубокимъ интересамъ русской жизни. Наконецъ Пушкинъ въ связи со своей дворянской теоріей гордился собственной принадлежностью къ одному изъ старѣйшихъ дворянскихъ родовъ,—эта гордость служила поводомъ для Булгаринскихъ издѣвательствъ и сатиры Полевого Булгаринъ, конечно, завидовалъ тому, кто имѣлъ права, болѣе почетныя и вліятельныя, чѣмъ могъ имѣть онъ; но въ такихъ противникахъ аристократическихкихъ сочувствій, какъ Полевой, отношеніе поэта къ своему происхожденію вызывало серьезное осужденіе (какъ раньше осуждалъ Пушкина за то же Рылѣевъ).

Братъ и сотрудникъ Н. А. Полевого передаетъ всѣ подробности перваго знакомства своего брата съ Пушкинымъ и дѣлаетъ заключеніе о причинахъ, по которымъ поэтъ отошелъ отъ издателя лучшаго тогда журнала ¹⁾. До встрѣчи Полевой имѣлъ отъ Пушкина письмо, писанное по полученіи первой книжки Моск. Телеграфа. Пушкинъ давалъ лестный отзывъ о новомъ журналѣ: „М. Г.! Виноватъ передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо: хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телегр. и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи—это непростительно.—Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (вонечно, лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я писалъ кн. Вяземскому, чтобы онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней. Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобы они понравились публикѣ. Свидѣтельствую и пр.“ ²⁾. Ободренный этимъ письмомъ, Полевой ждалъ ласковой встрѣчи и дружбы поэта, и по возвращеніи поэта изъ ссылки явился съ визитомъ къ нему. Здѣсь они встрѣтились впервые. Пушкинъ принялъ журналиста холодно и ни слова не сказалъ о журналѣ. Спустя нѣсколько дней онъ отдалъ визитъ и опять не упоминалъ о журналѣ. Потомъ вскорѣ зашелъ къ Пушкину Ксен. Полевой и на этотъ разъ поэтъ, чѣмъ-то раздраженный, почти съ перваго слова заговорилъ о Моск. Телегр., „въ которомъ находилъ множество недостатковъ, выражаясь объ иныхъ саркастически“. Журналистъ вернулся домой съ убѣжденіемъ, что Пушкинъ за

¹⁾ Кс. Полевой. Записки, 195 и дальше.

²⁾ VII. 143.

что-то предубѣжденъ противъ Телегр. или противъ издателя его. Такое отношеніе въ связи съ лестнымъ отзывомъ въ письмѣ было издателямъ непонятно—пока дѣло не объяснилось для нихъ прежде всего тѣмъ, что Пушкинъ, по слухамъ, задумалъ свой журналъ—Моск. Вѣстникъ, который долженъ былъ выходить какъ бы подъ его высокимъ покровительствомъ, при его постоянномъ сотрудничествѣ, на условіяхъ чрезвычайно выгодныхъ и лестныхъ: имя Пушкина было благословеніемъ журналу, а сотрудничество оплачивалось 10.000 въ годъ (тогда какъ другіе журналы не платили еще въ то время литературнаго вознагражденія). Авторъ Записокъ заключаетъ, что поэтомъ руководилъ расчетъ и самолюбіе, не считая возможнымъ предположить, чтобы Пушкинъ могъ въ такое короткое время понять и оцѣнить тогда еще неизвѣстныхъ молодыхъ литераторовъ. Второй причиной отчужденія Пушкина отъ издателя Моск. Телегр. авторъ Записокъ полагаетъ ту перемѣну, которая совершилась въ поэтѣ внезапно подъ вліяніемъ ласковаго обхожденія императора и его наставленій, о которыхъ его великій подданный всю жизнь отзывался съ благоговѣніемъ; этой внезапной перемѣной будто бы и объясняется измѣненіе отношеній въ издателю передового журнала: поэтъ не хотѣлъ „сближаться съ нимъ по расчету обыкновеннаго и очень понятнаго благоразумія... Живя въ Михайловскомъ, онъ (Пушкинъ) почиталъ его журналъ передовымъ и откровенно хвалилъ его; перенесенный въ Москву, онъ былъ уже не тотъ Пушкинъ, и потому съ первыхъ свиданій встрѣтилъ холодно Н. А. Полевого, и въ первомъ разговорѣ со мной (авторомъ Записокъ) порицалъ между прочимъ неосторожность, съ какою пишутся многія статьи Моск. Телегр.... Это былъ всегдашній припѣвъ его и потомъ, когда мнѣ случалось говорить съ нимъ“...¹⁾ Такимъ образомъ Кс. Полевой рѣшаетъ, что обѣ причины отчужденія Пушкина отъ его брата были обусловлены побужденіями неблагородными или мелкими. Мы не можемъ, конечно, согласиться съ этими соображеніями: отчужденіе Пушкина отъ Полевого объясняется безъ всякой зависимости отъ денежныхъ, самолюбивыхъ и политическихъ расчетовъ. Братья Полевые не знали, прежде всего, что Пушкинъ имѣлъ предубѣжденіе противъ издателя Моск. Телегр. еще въ то время, когда не могло быть мѣста никакимъ подобнымъ расчетамъ, еще до возвращенія изъ ссылки; дѣло въ томъ, что въ ихъ рукахъ было только одно письмо

¹⁾ Записки, 202.

Пушкина къ Н. Полевому, которое заключало въ себѣ вѣжливое одобреніе новому издателю лучшаго изъ всѣхъ русскихъ журналовъ и обѣщаніе своего участія въ немъ. Но могло ли быть какое-нибудь сомнѣніе для просвѣщеннаго человѣка, что Моск. Телегр. былъ въ то время лучшимъ журналомъ? Въ остальныхъ выраженіяхъ письмо Пушкина заключаетъ въ себѣ вѣжливость, принятую Полевымъ въ его благоговѣйномъ отношеніи къ великому поэту за выраженіе особеннаго сочувствія журналу. Кромѣ этого письма къ самому издателю, мы имѣемъ письма къ кн. Вяземскому, ближайшему сотруднику Полевого, въ которыхъ есть отзывы несочувственные для Полевого; поэтъ съ первыхъ шаговъ его на журнальномъ поприщѣ увидѣлъ недостатки Полевого, какъ журналиста, которые и создали нѣкоторое предубѣжденіе противъ него. Зная эти отзывы, легко понять, что Пушкинъ по пріѣздѣ въ Москву не имѣлъ нужды выражать особаго сочувствія журналисту. Вотъ всѣ эти отзывы поэта о Телегр. и его издателѣ. — Л. Пушкину — 1825 г. „Я Телегр. очень доволенъ и мышлю или мыслю поддержать его. Скажи это и Жуковскому“ ¹⁾. Кн. Вяземскому — того же года: „Я было на Полевого очень оцетинился за Невскій Альманахъ и за пародію Жуковскаго, но теперь съ нимъ помирился. Я даже такого мнѣнія, что долженъ непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ“ ²⁾. Кн. Вяземскому — (того же года): „Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полевого. Дѣло въ томъ, что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполняю — слѣдственно и денегъ его мнѣ ненадобно. Да ты смотри за нимъ ради Бога! И ему случается завираться. Напр.: Донъ-Кихоть искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!! — Въ Италиі, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италиі-то и возникъ. Что же такое Аріостъ? А предшественники его, начиная отъ *Buovo d'Antona* до *Orlando innamorato*? Какъ можно писать такъ наобумъ! А ты не пренебрегай журнальными мелочами...“ ³⁾. Кн. Вяземскому — (слѣдующее письмо): „Думаю, что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебѣ попадетъ (кромѣ Онѣгина); если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т.-е. амбиціи: Телеграфъ чловѣкъ порядочный и честный, но вралъ и невѣжда, а вранье и невѣ-

¹⁾ VII, 119.

²⁾ VII, 124.

³⁾ VII, 134.

жество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ“¹⁾. 2-го ав. того же года написано упомянутое письмо Полевому, а 10-го поэтъ писалъ вн. Вяземскому: „Сейчасъ прочель антикритику Полевого... Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ! Разборъ новой пѣитивы басенъ вотъ критика. Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется, а повамѣсть смотри хоть за Полевымъ“²⁾. 15-го сент.— вн. Вяземскому: „Какъ мнѣ жаль, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику!! Онъ длиненъ, скученъ, педантъ и невѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгій мундштукъ и выѣзжай его на досугъ“³⁾. 1826 г. вн. Вяземскому: „Пора бы намъ отослать и Булгарина и Благонамѣреннаго, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того; а ей Богу, когда-нибудь примусь за журналъ“⁴⁾. По возвращеніи изъ Москвы обратно въ Михайловское поэтъ писалъ своему другу въ томъ же смыслѣ по поводу того, что Вяземскій не применилъ въ Москвѣ. Вѣстн., оставшись сотрудничомъ Полевого: „Я ничего не говорилъ тебѣ о твоёмъ рѣшителномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей Богу грустно. Итакъ, никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ. Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнны, чтобы переводить, выписывать, объявлять. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1) знать грамматику русскую; 2) писать со смысломъ, т.-е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ и пр.“ (9 ноября 26 г.⁵⁾). Въ виду этихъ отзывовъ поэта слѣдуетъ согласиться съ заключеніемъ Анненкова о причинѣ холодности Пушкина къ Полевому помимо разницы въ общественныхъ идеалахъ: „Пушкинъ находилъ въ немъ болѣе хлопотливости вокругъ современной науки, чѣмъ изученія какой-либо части ея и не одобрялъ хвастовства всякой чужой системой при первомъ ея появленіи, не дозволявшемъ еще зрѣлаго обсуждения“...⁶⁾. Нѣсколько дальше мы коснемся еще одной причины холодности

1) VII, 134.

2) VII, 146.

3) VII, 154.

4) VII, 181.

5) VII, 187.

6) Матеріалы 175.

Пушвина къ Полевому, какъ литературнаго критика, — причины, не чуждой разницы въ общественныхъ воззрѣнiяхъ.

Что касается денежнаго расчета Пушкина въ дѣлѣ сотрудничества въ Моск. Вѣст., то если онъ и былъ, имъ не исключается, конечно, сочувствiе убѣжденiямъ молодыхъ писателей, которое не измѣнилось и послѣ, тѣмъ болѣе, что въ известной мѣрѣ эти убѣжденiя были близки къ убѣжденiямъ Пушкина. Оцѣнить умъ и характеръ молодыхъ писателей, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ, въ качествѣ сотрудниковъ журнала — не трудно и въ два-три свиданiя, не нужно было и глубоко проникать въ частныя стороны ихъ убѣжденiй, разъ во главѣ журнала былъ поставленъ онъ самъ. Пушкинъ мечталъ издавать свой журналъ уже давно; и невозможно ставить въ упрекъ, что онъ съ радостью принялъ участiе въ планахъ Веневитиновскаго кружка и не соединился съ Полевымъ, отъ чего онъ отказывался и до встрѣчи съ кружкомъ — въ письмѣ къ кн. Вяземскому. Относительно перемѣны въ политическихъ убѣжденiяхъ Пушкина, будто бы повлiявшихъ на отношенiя къ Полевому, то это заключенiе устраняется приведенными отзывами изъ письма, по которымъ перемѣна въ отношенiяхъ произошла уже въ Михайловскомъ, также какъ, вѣроятно, и перемѣна въ политическихъ убѣжденiяхъ. Кс. Полевой правъ лишь въ томъ, что эта послѣдняя перемѣна (когда бы она ни сложилась) и новый образъ мыслей въ большой мѣрѣ имѣли значенiе въ отношенiяхъ поэта съ издателемъ „передового журнала“. Изъ сопоставленiя общественныхъ взглядовъ того и другого вражда становится совершенно понятной.

Публицистическiя сочувствiя Полевого были той почвой, которой почти всецѣло опредѣлялась вся его журнальная дѣятельность. Полевой былъ либераломъ, особенно въ томъ смыслѣ, каковой получило это понятiе нѣсколько позднѣе — въ смыслѣ „сочувствiя общесвободительнымъ и просвѣтительнымъ началамъ для развитiя и процвѣтанiя единой культурной общеевропейской жизни“. Этотъ либерализмъ имѣлъ у Полевого довольно безобидный характеръ, но не былъ идей, усвоенной случайно и поверхностно; онъ лежалъ въ условiяхъ его происхожденiя, слѣдствiя котораго ощутительно были испытаны имъ въ дѣтствѣ и особенно тогда, когда онъ уже выступилъ на поприще просвѣщенной дѣятельности — при столкновенiи съ аристократическими элементами тогдашней общественной жизни. Впечатлѣнiя отъ этихъ столкновенiй и всѣхъ, связанныхъ съ его происхожденiемъ, обстоятельствъ жизни, вызывали въ немъ отношенiе къ

условіямъ, въ которыхъ создавался весь нашъ общественный строй, какъ явленію глубоко несправедливому и внутренне противорѣчивому. Эти впечатлѣнія и создали его идеалы, которые имѣли, такимъ образомъ, твердую и жизненную почву; однако не пройдя сквозь закалъ послѣдовательной и основательной эрудиціи, они приобрѣли образъ, съ одной стороны, искреннихъ и неполнѣ сознательныхъ мнѣній, съ другой стороны—самонадѣянныхъ и приблизительно вѣрныхъ сужденій; въ такомъ видѣ эти коренные идеалы Полевого создавали его литературный характеръ. Эти идеалы проникали каждое литературное сужденіе Полевого, поскольку общественныя тенденціи могли быть допустимы въ неполитическомъ органѣ, тѣмъ болѣе при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ; они отчетливо выразились въ его Исторіи Рус. народа. Изъ самого смысла ихъ очевидна ихъ противоположность Пушкинской теоріи о значеніи дворянства. Полевому принадлежали тѣ „выходки противъ дворянства“, которыя вызвали наконецъ крайній полемическій отпоръ въ Пушкинѣ: поэтъ указалъ на ихъ революціонный характеръ, на ихъ сродство съ криками возмущенной французской черни, взывавшей въ повѣшенію аристократовъ. Этотъ полемическій приемъ великаго поэта легко можетъ казаться предосудительнымъ для благородства поэта. Однако, не слѣдуетъ забывать возбужденность почвы, на которой происходила полемика: столонулись двѣ крайнія общественныя тенденціи, изъ которыхъ та, что выразилась въ указаніи на революціонный характеръ противоположной, имѣла своей основой контрреволюцію. Извѣстны слова, записанные Пушкинымъ въ своемъ дневникѣ по поводу запрещенія журнала Полевого: „Телеграфъ достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большою наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска“¹⁾). Для насъ невразумительно теперь такое грозное названіе—„якобинизмъ“ для такого наивнаго соціального идеализма, каковъ былъ либерализмъ Полевого; но, принявъ въ расчетъ ту почву, на которой былъ произнесенъ этотъ приговоръ, становится понятно, почему онъ могъ предстать глазамъ современниковъ въ такомъ грозномъ видѣ.

Основная мысль Полевого проводилась имъ не только въ исторіи нашего государства и народнаго быта, но и въ исторіи литературы; получалось особое освѣщеніе всего хода нашей

¹⁾ V. 204.

внутренней жизни съ точки зрѣнія демократической общественной тенденціи. Вотъ, напр., въ какомъ видѣ представлено имъ историческое развитіе нашей литературы со времени Петровской реформы въ одной изъ критическихъ статей въ Моск. Телегр., по которой можно судить и о способѣ проведенія Полевымъ его общественной тенденціи. „Начало нынѣшней образованности нашей—говорится тамъ—представляетъ въ лѣтописяхъ міра явленіе необыкновенное. Могущественный геній нашего Преобразователя двинулъ насъ въ Европу и положилъ начало всему, чтò совершается у насъ въ настоящее время. Преемники его, слѣдуя направленію, данному Россіи Петромъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по обстоятельствамъ, довершали силою власти своей то, что въ другихъ государствахъ производилось естественно, и потому они образовывали только приближенныхъ своихъ, или сказать вѣрнѣе, окружали себя людьми образованными. Это имѣло слѣдствіемъ нынѣшнюю утонченность нравовъ нашего высшего общества, безхарактерность нашего образованія вообще и подражательность въ литературѣ, ибо и литература наша образовывалась не естественнымъ развитіемъ умственныхъ силъ, но прививкою или чѣмъ-то похожимъ на лѣпную работу по данному образцу. У насъ были давнымъ давно академія и университеты, а не было народныхъ школъ, и, когда въ высшемъ обществѣ нашемъ спорили о софистическихъ задачахъ Руссо и Гельвеція, мужики наши не имѣли понятія о необходимѣйшихъ житейскихъ отношеніяхъ. Высшія точки нашего общественнаго горизонта были освѣщены яркимъ пламенемъ европейской образованности, а низшія закрыты густымъ мракомъ вѣкового азіатства. Около конца 18-го столѣтія, не ближе (послѣ изданія Высочайшей Грамоты Дворянства) началъ образовываться у насъ классъ среднихъ, между бариномъ и мужикомъ, существъ, т.-е. тѣхъ людей, которые вездѣ составляютъ истинную, прочную основу государствъ. Изъ среды сего-то класса вышелъ Новиковъ... Главную заслугу Новикова полагаемъ мы не въ томъ, что онъ увеличилъ число читателей Моск. Вѣд. и издалъ нѣсколько полезныхъ книгъ, но въ удивительномъ вліяніи, какое имѣлъ онъ на окружающихъ его: онъ первый создалъ отдѣльный отъ свѣтскаго круга образованныхъ молодыхъ людей средняго состоянія, въ которому принадлежалъ и Карамзинъ... Разумѣется, не всѣ сіи молодые люди имѣли дарованія Карамзина, но всѣ они были достойны называться его друзьями. Они-то внесли образованность въ тотъ отдѣлъ нашего общества, гдѣ она про-

изводить многозначущіе, прочныя успѣхи. Въ первый разъ сочиненіями Карамзина и распространеніемъ понятій общихъ ему и сверстникамъ его, русскіе средняго состоянія стали сближаться съ литературою. Это было начальнымъ основаніемъ общей образованности нашей, и съ сего-то времени, таѣъ называемый, низшій кругъ людей началъ сближаться съ высшимъ, разрушивъ преграды, заслонявшія общество русское отъ Академіи и большого свѣта“¹⁾.

На мысль Кирѣевскаго, что многіе недостатки нашей литературы происходятъ отъ того, что литераторы не принадлежатъ къ высшему обществу (мысль помимо ея справедливости или несправедливости, конечно глубоко обидная для Полевого) — авторъ статьи отвѣчаетъ, что свѣтскій кругъ никогда не былъ разсадникомъ дарованій, которыя, напротивъ, всегда воспитывала наука и личное стремленіе къ развитію, — за это говорить вся исторія: „Какое свѣтское общество отражало красоту въ душѣ Клодь-Лоррена, бѣднаго красютера, работника? Черезъ сколько гостинныхъ перешелъ Корреджіо, когда онъ созналъ свой геній и предчувствовалъ созданіе своей Магдалины? Кто образовалъ душу и слогъ Ричардсона, бѣднаго типографщика? Въ какомъ обществѣ возникъ изящный нѣжный Шиллеръ? Не гостинная ли была святилицемъ мизантропа Руссо? Наконецъ, какое высокое дружество породило Шекспира? Какой благородный лордъ дружески взялъ его за руку и объяснилъ ему великія тайны вселенной? Въ которомъ изъ помѣстій своихъ Шекспиръ имѣлъ счастье кормить и поить толпу свѣтскихъ гостей? Нѣтъ, это былъ бѣдный крестьянинъ... У людей знатныхъ съ весьма немногими исключеніями, литература всегда останется дѣломъ постороннимъ: они заняты своимъ честолюбіемъ, своею службою, своими отношеніями. Они всегда смотрѣли и будутъ смотрѣть на литераторовъ, какъ на ремесленниковъ, болѣе ихъ искусныхъ въ своемъ дѣлѣ, но чуждыхъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Они покупаютъ книгу, таѣъ же какъ покупаютъ лампу, кресло, рояль, какъ удобство, но не какъ произведеніе бессмертнаго духа. Напротивъ, для низшаго класса литература есть та стихія, которою они сближаются съ человѣчествомъ. Она просвѣтитъ ихъ умъ, образуетъ ихъ чувства, и покажетъ имъ обязанности ихъ къ Богу, къ Царю, къ Отечеству. Посему, дѣятельность, явно увеличивающаяся въ нашей литературѣ, которая

¹⁾ М. Т. 1830 г. № 2. Взглядъ на два обозрѣнія Рус. Словесности.

перестаетъ быть исключительнымъ занятіемъ немногихъ, радуется, улаживаетъ ихъ, какъ залогъ будущаго благоденствія нашихъ согражданъ“. Подобными тенденціями былъ проникнуть, напр., цѣлый критическій очеркъ о Державинѣ, этими тенденціями объясняется сочувствіе Полевого этому „сыну природы, которой одной былъ онъ всѣмъ обязанъ“, писателю „средняго состоянія“¹⁾. Если, такимъ образомъ, литературныя сочувствія Полевого отражали его демократическія общественныя тенденціи, то на литературныхъ требованіяхъ Пушкина отражались его тенденціи аристократическія. Исслѣдователь отмѣчаетъ присутствіе этого элемента въ литературной мысли поэта, противопоставляя его сочувствію Полевого²⁾. Въ письмахъ поэтъ нѣсколько разъ упоминаетъ то о Вяземскомъ, то о Катенинѣ, которые могли бы забрать въ руки критику, давая направленіе критической мысли. При отсутствіи такого умственнаго центра критика, по мнѣнію поэта, вырождается въ полемику: „У насъ критика никогда не имѣетъ почти никакого вліянія на судьбу какого-нибудь произведенія — говоритъ онъ въ одномъ отрывкѣ. — Но она даетъ понятіе объ отношеніяхъ писателей между собою, о большей или меньшей ихъ извѣстности, наконецъ — о мнѣніяхъ, господствующихъ въ публикѣ“³⁾. Поэтъ признавалъ права существованія и такой критики, какъ проявленія литературной жизни; однако онъ имѣлъ о критикѣ и высшее представленіе, именно: „Если бы всѣ писатели, заслуживающіе уваженіе, довѣренность публики, взяли на себя трудъ управлять общимъ мнѣніемъ, то вскорѣ критика сдѣлалась бы не тѣмъ, чѣмъ она есть“...⁴⁾. Цѣлью основанія Литературной Газеты при участіи всѣхъ друзей Пушкина и было, съ одной стороны, противодѣйствіе всѣмъ непризнаннымъ руководителямъ общественнаго мнѣнія и литературной мысли, съ другой стороны — созданіе изъ лучшихъ писателей центра критико-литературной мысли; противъ послѣдняго съ особенной силой вооружился Полевой.

Главнѣйшимъ поводомъ столкновенія Пушкина съ Полевымъ было изданіе Исторіи Русскаго народа. Полевой предпослалъ появленію перваго тома своего сочиненія разборъ XII тома „Исторіи“ Карамзина, сдержанный, но вполне несочувственный; тогда же была объявлена подписка на „Исторію“ Полевого. Карамзина критиковали въ отрицательномъ смыслѣ и до Полевого; поэтому непри-

¹⁾ М. Т. 1832. № 15 и 16; Очерки рус. лит. II.

²⁾ Матеріалы, 175—176.

³⁾ V, 108.

⁴⁾ V, 109.

язненное возбужденіе, которое вызвалъ этотъ разборъ въ Пушкинѣ и его друзьяхъ, помимо общей почвы приверженности Карамзину, должно быть отнесено къ тому, что разборъ старой Исторіи сопровождался объявленіемъ о подпискѣ на новую, производя, такимъ образомъ, впечатлѣніе рекламы, тѣмъ болѣе, что Исторія еще не была кончена; въ этомъ смыслѣ поступокъ Полевого и былъ собственно понятъ его врагами. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ показаніи его брата, что поступокъ не былъ вызванъ корыстнымъ и неблаговиднымъ расчетомъ. Но и за устраненіемъ расчета, какъ разборъ, такъ и вышедшая вскорѣ Исторія представлялись Пушкину и его друзьямъ пссягательствомъ на „чистую, святую славу Карамзина“.

Пушкинъ примкнулъ ко всѣмъ крайнимъ осужденіямъ Полевого. Онъ сталъ за Карамзина, въ которомъ поэта могло плѣнять не столько политическіе идеалы историка, сколько высокое отношеніе Карамзина къ своему дѣлу, какъ къ призванію, и связанная съ этимъ серьезная политическая убѣжденность. Этихъ качествъ Пушкинъ не видѣлъ въ Полевомъ, который, однако, притязалъ на лавры Карамзина. Униженіе великаго и достойнаго авторитета ¹⁾ раздражало поэта. Общественныя и политическія тенденціи, проведенныя въ Исторіи, противоположныя тенденціямъ Пушкина, усиливали это раздраженіе. Въ отношеніи научной истины современная критика становится за Полевого, противъ Карамзина и его приверженцевъ, не признавая, однако, за Исторіей Русскаго народа значенія глубокаго и плодотворнаго изслѣдованія ²⁾.

III.

Первая полемическая статья Пушкина, написанная въ 1829 г., еще до журнальных столеновеній его съ Полевымъ и напечатанная не въ Лит. Газ., а въ Сѣв. Цѣвтахъ за 1830 г., направлена противъ Каченовскаго въ пользу Полевого. Въ ней насмѣшливо излагается полемика между Полевымъ и Каченовскимъ, обращенная послѣднимъ въ тяжбу. Обстоятельства этой тяжбы рассказаны братомъ Полевого; но во всѣхъ цѣнныхъ подробностяхъ представлены ав. Сухомлиновымъ ³⁾.

Полевой враждовалъ съ Каченовскимъ и не разъ затрагивалъ его въ своемъ журналѣ: ни одинъ живой человѣкъ не могъ,

¹⁾ Матеріалы, 175.

²⁾ Миллюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли.

³⁾ Изслѣд. и Статьи, II, 256—267.

конечно, сочувствовать литературной дѣятельности Каченовскаго; кромѣ Полевого, не говоря уже о Пушкинѣ, съ нимъ враждовалъ и ближайшій сотрудникъ Моск. Телеграфа кн. Вяземскій. Въ 1828 г. въ № 20 (ноябрь) Моск. Телеграфа Полевой напечаталъ дѣйствительно рѣзкую, хотя во многомъ вѣрную оцѣнку 26-ти-лѣтней журнальной и ученой дѣятельности Каченовскаго. Оскорбленный этой оцѣнкой, Каченовскій поступилъ необыкновенно. Въ декабрѣ того же года онъ подалъ въ Моск. цензурный комитетъ жалобу, притомъ не на Полевого, но, глядя, такъ сказать, въ корень дѣла, на цензора, вѣдавшаго Моск. Телеграфъ С. Глинку, требуя удовлетворенія въ томъ, что цензоромъ были допущены къ напечатанію „выраженія укоризненныя относительно къ моему лицу, и, не менѣе того, предосудительныя для мѣста, при которомъ имѣю счастье служить съ честію, съ дипломами на ученые степени и въ званіи ординарнаго профессора“. Комитетъ сдѣлалъ цензору запросъ; цензоръ потребовалъ отъ Каченовскаго доказательствъ его обвиненій, которыя Каченовскій представилъ въ Цензурный Комитетъ. Это былъ перечень выраженій изъ статьи Полевого, „оскорбительныхъ для чиновника, долговременною и безпорочною службою своею, приобрѣтшаго законныя права на уваженіе въ обществѣ, и не менѣе того для профессора, имѣющаго не только право, но и обязанность разсуждать о законахъ словесности и объ исторіи, которыя преподавалъ и донинѣ преподаетъ съ честію, и которыхъ безъ знанія своего дѣла преподавать не можно въ такомъ высшемъ училищѣ, какимъ есть университетъ московскій“. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ выраженій, которыя по жалобѣ Каченовскаго, „купецъ Полевой напечаталъ, а г. цензоръ Глинка одобрилъ“: „Обѣщанія, какія всегда даетъ и не исполняетъ издатель Вѣст. Еврп... Мы напоминаемъ только Вѣст. Еврп., что не такъ должно ему братья за законы словесности... Если бъ онъ старецъ по лѣтамъ признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки... Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣст. Еврп.? Гдѣ права его?.. Юноши, обогнавшіе издателя Вѣст. Еврп., не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель Вѣст. Еврп. засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ“... и пр. Цензора Каченовскій обвинялъ въ пристрастіи, ибо онъ „неодновратно одобрялъ къ напечатанію то, что купецъ Полевой дозволилъ себѣ и сотрудникамъ своимъ“, такимъ образомъ „естественно дѣйствовалъ не по мгновенной оплошности, не по ошибкѣ

или недосмотру, а по пристрастію“. Къ этому обвиненію присоединено обвиненіе въ умышленномъ оскорбленіи со стороны цензора, который не могъ не знать объ умыслѣ купца Полевого; клевета запрещена цензурнымъ закономъ.— Полевой напечаталъ объ издателѣ Вѣст. Европы клевету; напримѣръ, Полевой выразился такъ: „Программа въ этомъ мѣстѣ списана съ обертки Вѣст. Евр. Тамъ каждый годъ г. издатель общаетъ: оды, гимны, отрывки изъ трагедій, и комедій, элегіи, посланія, сатиры и проч. (зри обертку Вѣст. Евр., когда угодно изъ послѣднихъ лѣтъ)... Издатель Вѣст. Евр. не поэтъ и, по недороду поэзіи, не исполняетъ никогда своего обязательства на поставку одъ, гимновъ, элегіи“. „Возводимое на меня здѣсь передъ публикою обвиненіе, — жаловался Каченовскій, — во всегдашнемъ неисполненіи моего обязательства есть одна изъ клеветъ, запрещаемыхъ закономъ. Доказываю прилагаемыми у себя четырьмя обертками, что въ истекшіе два года я не общалъ ни гимновъ, ни элегіи, а въ прежніе годы не могъ общать отрывковъ изъ трагедій и комедій, потому что помѣщеніе ихъ было запрещено передъ симъ лѣтъ за шесть или болѣе; о чемъ вѣдаютъ господа профессора, присутствующіе въ комитетѣ“. Кроме того, слѣдовали и другія доказательства подобнаго же характера. Въ заключеніе „жестоко обиженный передъ публикой“ статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ М. Т. Каченовскій повторялъ свою убѣдительную просьбу, чтобы цензурный комитетъ „принялъ мѣры въ оборонѣ отъ обидъ и къ законному удовлетворенію“. Послѣ объясненія, подданнаго въ цензурный комитетъ обвиняемымъ С. Глинкой, спорное дѣло было рѣшено по настоянію цензора В. В. Измайлова въ пользу Глинки.

Въ статьѣ, озаглавленной „Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей“¹⁾, Пушкинъ съ живымъ остроуміемъ представилъ самую полемику также не въ пользу Каченовскаго. Вначалѣ поэтъ беретъ тонъ осужденія Полевого въ несправедливости его требованій; однако это осужденіе только приѣмъ насмѣшки надъ тѣмъ же Каченовскимъ. На слова Полевого — „Если бы онъ (Вѣст. Евр.), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки и пр.“ — поэтъ возражаетъ: „Странныя требованія! Въ лѣтахъ Вѣст. Европы уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная; а если сознанія, требуемая

¹⁾ У, 63—67.

г. Полевымъ и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?“ На другое осужденіе Полевого (смыслъ котораго очевиденъ изъ самаго опроверженія Пушкина) поэтъ возражаетъ съ нескрываеомой насмѣшкою надъ Каченовскимъ: „Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ теченіе двадцати шести лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискавъ однакожь себѣ безсмертную славу, то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шутку? — Г-нъ Каченовскій просидѣлъ двадцать шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ — согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго — но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ Терезу и Фальдони — что за бѣда?“ Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе цензурной тяжбы и наконецъ защита Полевого отъ упрековъ Каченовскаго въ невысокомъ происхожденіи своего противника: „Полевой доказалъ, что Мих. Троф. нѣсколько разъ позволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя Телеграфа виннымъ заводомъ; что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній купецъ“... Несмотря на свою приверженность къ аристократизму, вліявшему и на его литературныя воззрѣнія, поэтъ не допускаетъ возможности вмѣшивать подобныя пристрастія въ литературу, какъ и вообще всякія частныя личныя отношенія: „Тутъ ужъ мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго родового дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора и Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, частный аудиторъ и странствующій купецъ равны предъ законами критики.“

Въ этомъ и была коренная разница между Пушкинымъ и его литературными врагами. Если въ борьбѣ за свою теорію поэтъ съ излишнимъ пристрастіемъ осудилъ Исторію Русскаго народа, если онъ въ полемическомъ возбужденіи преступилъ черту литературной сдержанности, бросивъ своимъ врагамъ неблагоприятный укоръ въ политической неблагонадежности, — онъ всегда оставался въ границахъ идейной вражды, разжигаемой, конечно, и отношеніями личными; но ни то, ни другое не имѣло вліянія на его литературныя оцѣнки: такъ онъ и до вражды

въ Полевому видѣль основные недостатки его какъ журналиста — и послѣ осложненныхъ враждебныхъ отношеній не переставалъ цѣнить его критической способности: при появленіи въ свѣтъ сочиненій Гоголя онъ съ живымъ любопытствомъ ждалъ отзыва „остренькаго сидѣльца“¹⁾). Враги Пушкина переносили враждебныя отношенія на оцѣнку его великихъ творческихъ созданій, продолжая такимъ образомъ критическое гоненіе Надеждина.

Въ 29 г. отношенія между Пушкинымъ и Полевымъ еще не обострились; Полевой еще высоко цѣнилъ Пушкина и не поднялъ гоненія противъ Карамзина, хотя уже порвалъ съ кн. Вяземскимъ, вступилъ въ союзъ съ Булгаринымъ и началъ задѣвать сотрудниковъ Литературной Газеты. — Въ № 1 былъ помѣщенъ самый благосклонный отзывъ о Сѣв. Цв. за 29 г. Въ № 3 — замѣтка о критикѣ Арцыбашева на Ист. Гос. Рос. Рецензентъ говорить о необходимости ополчиться на Арцыбашева не съ той точки зрѣнія, какъ это дѣлалось до сихъ поръ: „Самую улику въ неприличіи тона его критики слѣдовало бы извлечь изъ положительныхъ доказательствъ великости труда, совершеннаго Карамзинымъ, великости, которую можно доказать во всѣхъ отношеніяхъ: касательно Исторіи собственно, касательно Исторіи его, какъ произведенія литературнаго, и въ отношеніи археографическомъ, географ., этнограф., генеолог., даже палеографъ. Все это показало бы, что не безъ отчета твореніе Карамзина удивляетъ современниковъ. Да иначе и быть не можетъ или надобно бы было назвать невѣждами всѣхъ насъ, уважающихъ Карамзина“. Въ № 7 — эпиграмма Пушкина противъ Каченовскаго по поводу его цензурной тяжбы — „Журналами обиженный жестоко и пр.“; въ томъ же № разборъ Полтавы. „Съ появленіемъ въ свѣтъ сей поэмы Пушкинъ становится на степень столь высокую, что мы не смѣемъ въ краткомъ извѣстіи изрекать приговоръ новому его произведенію (высокій приговоръ былъ произнесенъ въ № 10 М. Т.). Но въ томъ же № рецензія на Ив. Выжигина: „Вотъ истинный подарокъ русской публикѣ! Сей давно ожидаемый романъ есть одно изъ пріятнѣйшихъ явленій въ русск. литературѣ. Умъ, наблюдательность, пріятный разговоръ составляютъ достоинство онаго; самая чистая нравственность дышитъ на каждой страницѣ. Не забудемъ и того, что авторъ шель по пути, совершенно новому, ибо до сихъ поръ, кромѣ попытокъ болѣе или менѣе неудачныхъ, у насъ не было романовъ. Онъ долженъ былъ сотворить даже слогъ для своего сочиненія и въ этомъ

¹⁾ VII, 289.

отношеніи самъ сдѣлался образцомъ. Но не въ одномъ этомъ отношеніи онъ вышелъ побѣдителемъ изъ битвы съ затрудненіями и пр... Предвидимъ, что еще нѣкоторые назовутъ похвалы наши сему роману безусловными, безотчетными. Признаемся, что удовольствие, доставленное чтеніемъ онаго, виною всѣхъ этихъ похвалъ“. Въ № 8 сочувственный отзывъ объ Евг. Онѣгинѣ. Въ № 9—замѣтка о Стих. Бар. Дельвига (Кс. Полевого), вообще сочувственная, въ заключеніи которой сдѣланъ упрекъ автору въ высокой цѣнѣ, назначенной за книгу; въ этомъ упрекѣ уже слышится раздраженіе противъ аристократическихъ замашекъ участниковъ Лит. Газ.—„Авторы надѣются на достаточныхъ людей: надѣйтесь!...“ Въ № 10 статья о Полтавѣ и рецензія на XII томъ Ист. Гос. Рос. Въ послѣдней говорится: „Появленіе въ свѣтъ послѣдняго неоконченнаго тома И. Г. Р раду-етъ и печалитъ истиннаго сына отечества. Кто изъ русскихъ безъ наслажденія прочтетъ сіе изящное произведеніе и не пожалѣетъ, что судьбы Всевышняго не допустили Карамзина довершить свой безсмертный трудъ“. Выписавъ безусловныя, благоговѣйныя похвалы издателя труда Карамзина, рецензентъ добавляетъ: „Можемъ ли что-либо прибавить въ выраженныхъ здѣсь чувствамъ? Они принадлежатъ цѣлой Россіи“. Въ № 11 статья Кс. Полевого о стихотв. Дельвига; за Дельвигомъ признается достоинство, какъ авторомъ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсень, но отнюдь не антологическихъ гекзаметровъ; въ томъ же № по поводу второго изданія стихотвореній Пушкина говорится: „Новое доказательство противъ осуждающихъ Пушкина находится передъ нами: это первый томъ полнаго собранія мелкихъ его стихотвореній. Если человѣкъ можетъ гордиться чѣмъ-либо, то конечно своей способностью совершенствоваться. Исторія человѣчества есть не иное что, какъ исторія его совершенствованія: только оно и отличаетъ насъ отъ всѣхъ другихъ существъ. Нашъ русскій поэтъ со славою поддерживаетъ достоинство своего народа въ кругу человѣчества. Какой шагъ сдѣлалъ онъ самъ и заставилъ сдѣлать другихъ, со времени своего появленія на литературномъ поприщѣ! Говорятъ, что въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ онъ такъ же хорошъ, какъ въ послѣднихъ; касательно стихосложенія это нѣкоторымъ образомъ и справедливо. Природа наградила Пушкина такою гармоническою душою, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ онъ не могъ писать дурныхъ стиховъ. Но поэтическій даръ его, его взглядъ на предметы, его кругозоръ, во время пятнадцатилѣтней службы музамъ увеличился удивительно.

Живая, пламенная душа чего, глубокая пронизательность ума, необыкновенная способность и ненасытимое стремление его къ ученію оправдываетъ русскую поговорку, что человекъ можетъ, по крайней мѣрѣ нравственно, расти не по годамъ, а по часамъ. Пушкина можно назвать нынѣ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей въ Россіи, и вмѣстѣ первымъ поэтомъ своего народа“. Въ № 12 былъ помѣщенъ роковой разборъ XII тома Ист. Гос. Рос., который въ связи съ появившимся вмѣстѣ съ разборомъ объявленіемъ о подпискѣ на Ист. Рус. Нар., такъ раздражилъ противниковъ Полевого: сочувственные отзывы объ Исторіи Карамзина, недавно помѣщаемые въ Моск. Телегр. были, конечно, у всѣхъ въ памяти. Но самый разборъ написанъ со сдержанностью и благородствомъ, и не представлялъ поводовъ для подозрѣній самъ по себѣ: критикъ давалъ историческое значеніе труду Карамзина. Въ № 13—самая дружественная статья о сочиненіи Ѳ. Булгарина“. Въ заключеніи статьи сказано: „Исполнилъ ли ожиданія своихъ читателей г-нъ Булгаринъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Онъ написалъ имъ сочиненіе, какого не было въ русской литературѣ и съ которымъ невозможно сравнить похитокъ его предшественниковъ. Скажемъ въ заключеніе одну черту сего писателя, составляющую главное его достоинство. Онъ идетъ всегда впереди нашей публики и угадываетъ ея требованія, потому-то французскій богъ *dire de la prophes* всегда награждаетъ его успѣхомъ. Писателей можно раздѣлить на два рода: одни возвышаютъ публику до себя, другіе наклоняются до публики. Не достигая высоты своихъ европейскихъ собратій по литературѣ, онъ самый сильный изъ русскихъ литераторовъ. Публика наша едва достигаетъ до высоты Булгарина. Если бы онъ поднялся еще выше, то наши читатели не увидали бы его и онъ не производилъ бы на нихъ впечатлѣнія“.

Съ 1830 г. стала издаваться Лит. Газ. и Моск. Тел. вступилъ сразу во враждебныя отношенія съ нею, и со всѣми ея сотрудниками безъ исключенія: Полевой не сочувствовалъ аристократическому направленію Лит. Газ., которого она дѣйствительно не была чужда и которое чрезвычайно раздражало Полевого. Несочувствіе его общему направленію новаго журнала переносилось и на тѣхъ сотрудниковъ, которые не вполнѣ соглашались со всѣми частностями этого направленія; а эти частности, какъ постоянно бываетъ въ возбужденномъ спорѣ, принимались за существенное. Какъ бы то ни было, въ полемическія отношенія въ Лит. Газетѣ замѣшались и переплелись столь разныя соображенія, общія и частныя, что совершенно ясно

усвоить себѣ эту полемику, въ которой принималъ такое близкое участіе Пушкинъ, возможно лишь прослѣдивъ подробно ея ходъ, не исключая изъ него никакихъ частныхъ. Начало полемики съ Булгаринымъ, уже представленное въ отдѣльной группѣ, значительно облегчаетъ дѣло; а всѣ только-что опредѣленныя тенденціи двухъ сторонъ должны имѣться въ виду въ каждомъ случаѣ, гдѣ есть малѣйшее соприкосновеніе съ ними.

1830 годъ.

М. Т. № 1 Янв. Непріязненный отзывъ о Сѣв. Цв. за 1830 г.; нападки на кн. Вяземскаго, который ратуеть противъ полемики, а самъ „первый довелъ брани журнальныя до послѣдней крайности“.; о статьѣ Пушкина „Отр. изъ литерат. лѣтоп.“ сказано: „Рады, что шутливый Бенигна доставилъ А. С. Пушкину случай написать столь милую шутку, и можетъ быть вскорѣ Бенигна доставить ему новый случай къ такой же статейкѣ, гдѣ вмѣсто Вѣст. Евр. второе лицо составятъ совсѣмъ другія, и, можетъ быть, болѣе значительныя, знаменитыя въ литературѣ лица. Будетъ ли только поэтъ такъ же безпристрастенъ тогда, какъ теперь?“... М. Т. № 2 Янв. Взглядъ на два обзорѣнія рус. словесности. — „По мнѣнію г-на Кирѣевскаго ¹⁾ Русская литература XIX столѣтія раздѣляется на три эпохи: Характеръ первой опредѣляется вліяніемъ Карамзина; средоточіемъ второй была муза Жуковскаго; Пушкинъ можетъ быть названъ представителемъ третьей. Все это представительство отзывается аристократствомъ, неумѣстнымъ въ литературѣ и несправедливымъ. Можно ли сравнивать вліяніе Карамзина, преобразователя всей литературы своего времени, съ вліяніемъ Жуковскаго, дѣйствовавшаго на одну поэзію, который донинѣ оставался образцомъ въ одномъ своемъ родѣ, слѣдовательно, такъ же не могъ имѣть вліянія на литературу вообще?... Жуковский и Пушкинъ были преобразователями въ поэзіи, но едва ли малѣйшее вліяніе имѣли они на общій духъ нашей литературы, едва ли сколько-нибудь возбуждали они дѣятельность въ современныхъ прозаикахъ, ибо поэзія не составлялъ еще всей литературы. Вліяніе писателя на литературу возможно только тогда, когда сочиненія его образуютъ какую-нибудь эстетику: такъ

¹⁾ Въ Деницѣ—Обзорѣніе рус. словесности за 1829 г. Ив. Кирѣевскаго, въ которомъ находится приравненіе Булгаринскаго романа Соннику и книгъ о клопахъ и въ которомъ о музѣ Дельвига сказано: „ея вѣчная краса не вынесла бы холода мрачнаго сѣвера, если бы поэтъ не приерылъ ея нашей народной одеждой, если бы на ея классическія формы онъ не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унінія“. Сочин. I, 37.

Карамзинъ былъ истиннымъ свѣтиломъ русскихъ литераторовъ его времени. Въ Письмахъ Рус. Пут. онъ явился и критикомъ, и поэтомъ, и собственно эстетикомъ; въ послѣдующихъ сочиненіяхъ своихъ онъ былъ образцомъ почти во всѣхъ родахъ: и мы понимаемъ его вліяніе на литературу. Напротивъ, Жуковскій и Пушкинъ превосходные поэты, но частные представители въ литературѣ не могли подвинуть впередъ эстетики общества... Послѣ Карамзина у насъ не было уже ни одного писателя, увлекавшаго за собою всю литературу и съ нею публику; но долгъ справедливости и благодарности требуетъ замѣтить въ числѣ людей достойныхъ воспоминанія, оживлявшихъ въ свое время литературу нашу—Н. И. Греча. Сей умный образованный, изящный писатель оказалъ словесности нашей услуги важныя. Онъ первый началъ говорить языкомъ правды и безпристрастія съ писателями русскими. Братство, кумовство и ложная знаменитость доходили у насъ до смѣшного. Гречъ возсталъ противъ нихъ, и показалъ первый примѣръ благородной смѣлости въ критикѣ на грамматики Рос. Акад. Въ теченіе десяти лѣтъ Гречъ почти одинъ оживлялъ журнальную и критическую часть нашей литературы. Вокругъ него образовалась семья петербургскихъ литераторовъ, дотолѣ незамѣтная, ибо для нея не было органа прежде появленія Греча. Но важнѣйшая заслуга, оказанная симъ писателемъ, состоитъ съ его изысканій касательно русскаго языка. Не однѣ Грамматики Греча, но его почти 20 лѣтнія изданія журналовъ, всегда представлявшихъ образецъ правильного прекраснаго слога, его грамматическія битвы чрезвычайно много способствовали очищенію и усовершенствованію русскаго языка. Не забудемъ и того, что онъ образовалъ многихъ литераторовъ, бывшихъ сначала его сотрудниками. Въ доказательство сего назовемъ г. Булгарина, съ признательностью сказавшаго публикѣ (въ предисловіи къ своимъ сочиненіямъ), что познаніями въ русской литературѣ онъ обязанъ Гречу".—Въ томъ же № М. Т. читаемъ: „Писали, и неоднократно, что издатель Телегр. заключилъ вѣчный миръ и союзъ съ Н. И. Гречемъ и Ѳ. В. Булгаринымъ и что вслѣдствіе сего все издаваемое издателями Сѣв. Пч. будетъ хвалимо въ Тел., а все издаваемое издателемъ Тел. будетъ превозносимо въ Сѣв. Пч. Правда, что издатели Сѣв. Пч. и издатель Тел. рѣшительно прекратили пустыя перепалки журнальныя; но надобно быть А. Ѳ. Воейковымъ, дабы предполагать, что этотъ миръ ведетъ къ системѣ взаимнаго хваленія. Пусть Лит. Газ., Славянинъ и Карманная Книжка, какъ имъ угодно

перехваливаются; Грець, Булгаринъ и Полевой никогда не будутъ говорить другъ о другѣ того, въ чемъ не убѣждены разсудкомъ, никогда не скажутъ того, чего въ самомъ дѣлѣ не чувствуютъ, и если бы кто-нибудь изъ нихъ что-нибудь издалъ, то похвала всегда будетъ вуплена только достоинствомъ сочиненія или перевода“.

Сѣв. Пч. № 4, янв. 9. — Сочувственное оповѣщеніе объ Исторіи Рус. народа. Исторія названа первымъ опытомъ исторіи „въ духѣ критическо-философскомъ“. — „Взглядъ у него вѣрный. множество заблужденій гаснетъ предъ его критическимъ свѣтильникомъ... Кто желаетъ знать отечественную исторію, тотъ непременно долженъ прочесть книгу Полевого“.

Сынъ От. № 2, янв. 11. — „Вышелъ первый томъ Исторіи Рус. Нар. г. Полевого, книга достойная вниманія отечественной публики. Г. Полевой является намъ въ ней умнымъ, безпристрастнымъ и проникательнымъ критикомъ“... Въ заключеніи замѣтки: „Критика ожидаетъ теперь самого г. Полевого: любопытно будетъ видѣть, въ какомъ образѣ появится сія критика въ нѣкоторыхъ журналахъ. Посмотримъ. А шуму будетъ довольно!“

Л. Г. № 3, янв. 10. — Замѣтка Пушкина, — (не подписанная его именемъ, какъ и всѣ статьи и замѣтки его въ Л. Г.). — Указывая на необходимость появленія Л. Г. въ виду необходимости создать у насъ критику, въ самыхъ широкихъ ея предложеніяхъ, поэтъ отмѣчаетъ въ заключеніе частную необходимость появленія газеты: „Впрочемъ, Лит. Газ. была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ“ ¹⁾. Л. Г. № 4, янв. 16. — Первая статья Пушкина противъ Исторіи Полевого ²⁾.

Лит. Газ. № 5, янв. 21. — Сочувственный отзывъ Пушкина о Юріи Милославскомъ ³⁾; въ томъ же №. — О запискахъ Самсона ⁴⁾.

Моск. Т. № 3, февр. — „Понятія о литературной знаменитости нынѣ совсѣмъ перепутались. Прежде идея о ней была

¹⁾ V, 72—73.

²⁾ 73—76. Въ изданіи Лит. Фон. обозначено, что первая статья была помѣщена въ № 4, 12, 32, а вторая 51, 54, 61, 65.—ошибочно. Статьи Пушкина объ Исторіи Р. Н. помѣщены лишь въ 4 и 12 №№, въ 61 вовсе нѣтъ статьи объ Ист. Рус. Нар., а въ остальныхъ №№—не принадлежать Пушкину.

³⁾ V, 84—85.

⁴⁾ V, 85—86.

весьма ясна и проста. Русскіе критики составляли триумвиратъ: Жуковский, Батюшковъ, кн. Вяземскій. О сихъ писателяхъ никто и ничего, кромѣ похвалъ, говорить не смѣлъ. Послѣ нихъ слѣдовалъ другой триумвиратъ, юная надежда наша: Пушкинъ, Баратынскій, бар. Дельвигъ. А затѣмъ шла остальная многочисленная дружина. Теперь Батюшковъ похищенъ у насъ горестными обстоятельствами; Пушкинъ шагнулъ выше и далѣе и товарищей и стараго триумвирата. Какъ же и и что составило созвѣздіе знаменитыхъ? Явились многіе вновь (Языковъ, Шевыревъ, Погорѣльскій, Погодинъ, Хомяковъ, Тютчевъ, Деларю)... Явились люди, рѣшительно не принадлежащіе къ знаменитымъ... Иные изъ старыхъ (напр. Воейковъ) получили отставку изъ знаменитыхъ. Несмотря на неблагоклонность знаменитыхъ людей, нынѣ говорятъ, что, напр.: Булгаринъ, Вронченко, Козловъ суть отличные писатели наши, не уступающіе весьма превозносимымъ писателямъ; что, несмотря на всѣ усилія, старый аристократизмъ — который установился-было въ нашей литературѣ, распался, сдѣлался смѣшонъ, исчезъ, и—навсегда. Скажемъ ли?.. Стихи кн. Вяземскаго, Баратынскаго, и самого Пушкина перестали быть безусловнымъ, всегда драгоцѣннымъ украшеніемъ и подкрѣпленіемъ Альманаховъ и Журналовъ; дерзкіе требуютъ отъ нихъ не одной подписи знаменитаго имени, но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго. Критика сдѣлалась откровеннѣе, строже. Многимъ изъ знаменитыхъ все это куда какъ не нравится; но возраженія ихъ pochodятъ болѣе на крикъ оскорбленной гордости, нежели на голосъ правды и сознанія въ собственныхъ достоинствахъ“.

Лит. Газ. № 10, февр. 15.—Замѣтка Пушкина о статьяхъ кн. Вяземскаго, въ которой поэтъ защищаетъ своего друга отъ нападеній, поднявшихъ на него въ журналахъ: „Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто несоглаголаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онѣ невольно увлекаютъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостью самого софизма. Эпиграмматическіе разборы его могутъ казаться обидными самолюбію авторскому, но кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена; они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній, и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованія члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? Не ду-

маемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предрасудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному алеуту поединокъ двухъ французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ. — Доказательствомъ, что журналы наши нивогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служить ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и тонкаго знанія общежитія¹⁾. Лит. Газ. № 12 февр. 25. — Вторая статья Пушкина объ исторіи рус. народа²⁾. Непосредственно за ней напечатана его же замѣтка — „О варикатурѣ въ Англіи“: „Англія есть отечество карикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное происшествіе даетъ поводъ къ сатирической картинѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Вальтеръ-Скотту показывали однажды стихи, будто бы имъ сочиненные. „Стихи, вѣжется, мои“, отвѣчалъ онъ смѣясь: „я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься отъ этой безсмыслицы!“ — Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ. Сей родъ шутовъ требуетъ рѣдвой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва ли и однимъ. Впрочемъ, и у насъ есть очень удачный опытъ: г-нъ Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри“³⁾. (Пушкинъ, пользуясь случаемъ бросить косвенный упрекъ Исторіи Полевого, имѣетъ въ виду пародіи на стихотворенія Пушкина, Дельвига, Вяземскаго, Баратынскаго подъ псевдонимами Θεокритова, Шолье-Андреева и пр., пародіи дѣйствительно вполне безцвѣтныя).

М. Т. № 5, мартъ. — Прочему прославляютъ „Монастырку“ Погорьльскаго въ Лит. Газ.? задаетъ вопросъ рецензентъ М. Т. — „Чѣмъ хуже „Монастырки“ Федора, повѣсть г. Сумарокова? Занимательности въ ней еще болѣе. Слогъ не современный?.. Но неужели за то прославляютъ „Монастырку“, что она гладенько

¹⁾ V, 87—88.

²⁾ V, 76—78.

³⁾ V, 88.

написана?.. Неужели отъ того молчать о „Федорѣ“ или не хватать ее, что слогъ ея устарѣлъ для нашего времени? Нѣтъ, истинная причина... „но вы умны: смекайте сами!“ Если бы у сочинителя Федоры были пріятельскія сношенія съ какими-нибудь Теоокритами подъ душегрѣйкой новѣйшаго унынія, то давно бы—давно гремѣла труба хвалы о Федорѣ между нѣсколькими десятками читателей какой нибудь новой газеты. Но видно эта участь досталась „Монастырѣѣ“: счастье ея!.. По выходѣ въ свѣтъ окончанія сего романа мы надѣемся поговорить о немъ подробнѣе. Но теперь упомянемъ еще объ одномъ достоинствѣ книги Г. Погорѣльскаго. Она напечатана чрезвычайно красиво, со всею исправностью типографіи Г-на Греча, и такъ просторно, что развѣ только двухъ-срочныя страницы въ Сочиненіяхъ Бар. Дельвига перещеголяютъ ее въ семь отношеніи... Изданіе Федоры довольно бѣдно“.

Въ Новомъ Живописцѣ (при томъ же №—М. Т.). „Первый поэтъ современный издаетъ прелестную поэмю; публика въ восторгѣ. Черезъ пять лѣтъ тотъ же поэтъ издаетъ окончаніе поэмы и столь же прелестное: публика холодна. Отчего? Тотъ отстаеъ, кто сидитъ на одномъ мѣстѣ. Въ десять лѣтъ и на Наполеона прошла мода; въ 1804 году народы звали его короноваться въ Миланъ; въ 1815 г. онъ самъ ушелъ на Беллерфонтъ“.

(Сѣв. Пч. № 30, мартъ 11—уже упомянутая первая статья Булгарина, направленная противъ личности Пушкина—Анекдотъ).

М. Т. № 6 мартъ. Рецензіи, напечатанныя одна за другою—на Дм. Самозванца Булгарина, на Евг. Онѣгина, и на Грамматику Греча. Въ первой послѣ введенія сказано: „Приступаю къ рассмотрѣнію романа „Дм. Самозванецъ“, сочиненнаго моимъ короткимъ пріателемъ Фад. Венед. Булгаринимъ, и о сихъ моихъ сношеніяхъ съ авторомъ предварительно увѣдомляю всѣхъ, острящихъ жало на новое произведеніе моего друга... Да! новое произведеніе автора Ив. Выжигина оживило нашу бѣдную словесность и рѣшительно перевѣшиваетъ всѣ тридцати или двадцати страничныя поэмочки знаменитыхъ, всѣ альманачныя отрывки, всѣ посланія въ тому и другому, всѣ стихи въ альбомы княженъ и графинь, даже все то, что скромная любопытательность доселѣ предложила слуху, любознательному, не услаждающемуся брацаніемъ кимваловъ и мѣди звенящей“. Во всей статьѣ разсыпаны похвалы автору романа: „Булгаринъ мастерски воспользовался сими противорѣчіями... Авторъ въ повѣствованіи своемъ очень вѣрно слѣ-

довалъ за исторіей.. Для обозначенія характеровъ, Булгаринъ употреблялъ то же самое мастерство, которое бываетъ такъ цѣнно въ произведеніяхъ знаменитыхъ живописцевъ...“ Въ заключеніи статьи: „Повторяю еще разъ: романъ Булгарина есть произведеніе истинно европейское, свидѣтельствующее объ успѣхахъ просвѣщенія нашего отечества“. Рецензія на Онѣгина: „Стихотворенія А. С. Пушкина въ нашей литературѣ можно уподобить сѣверному сіянію среди мрака полярныхъ странъ. ... Среди нынѣшнихъ нашихъ льдовъ и снѣговъ Пушкинъ есть явленіе утѣшительное. Жалѣемъ объ одномъ: зачѣмъ столь блестящее дарованіе окружено обстоятельствами, самыми неблагоприятными? Освободиться отъ нихъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно. Будь Пушкинъ въ такой литературѣ, въ такомъ обществѣ, гдѣ все перечувствовано, все объяснено, все, что обстоятельства заставляютъ его вносить въ свою поэзію: онъ сталъ бы на весьма высокой степени... Конечно, Байронъ не увлекъ бы съ собою вѣка, если бы онъ выражалъ только то, что соотечественникъ его читаетъ въ Шекспирѣ, или чувствуетъ въ парламентѣ, или презираетъ въ собраніяхъ фашіонеблей и на шумныхъ сборищахъ лондонской черни. Но у насъ все это ново, все это насъ поражаетъ, какъ поражаютъ дѣтей всеневныя дѣянія людей взрослыхъ. Мы еще дѣти и въ гражданскомъ быту, и въ поэтическихъ ощущеніяхъ. Пушкинъ не можетъ освободиться отъ русскихъ чувствъ при взглядѣ на жизнь общественную, и потому-то онъ кажется такъ слабъ въ сравненіи съ Байрономъ, изображавшимъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ то же, что представляетъ намъ Пушкинъ въ Онѣгинѣ. „Гостинья, дѣвы и модники, герои деревень, городовъ и баловъ. Какой подвигъ взглянуть на нихъ сардонически!“ Вотъ господствующая мысль въ Онѣгинѣ, которую, можетъ быть, и самъ творецъ сего романа худо объясняетъ себѣ, ибо иначе онъ увидѣлъ бы, что тѣсниться вокругъ нея въ семи стихотворныхъ главахъ утомительно и для него, и для читателей. Первая глава Онѣгина и двѣ-три послѣдовавшія за нею, нравились и плѣнили, какъ превосходный опытъ поэтическаго изображенія общественныхъ причудъ, какъ доказательство, что и нашъ гордый языкъ, наши московитскія куклы могутъ при отзывахъ поэзіи пробуждаться и составлять стройное, гармоническое цѣлое. Но опытъ все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы, и картина все та же. Цѣна новости исчезла—и тотъ же Онѣгинъ нравится уже не такъ, какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 7-ой главы

Онѣгина онъ даже повторяетъ самъ себя... Нельзя указать на рѣшительныя повторенія, но перевернутыхъ и вмѣстѣ одинаковыхъ намековъ и мыслей есть довольно... Онѣгинъ есть собраніе* отдѣльныхъ безсвязныхъ замѣтокъ и мыслей о томъ о семъ, вставленныхъ въ одну раму, изъ которыхъ авторъ не составитъ ничего, имѣющаго свое отдѣльное значеніе. Онѣгинъ будетъ поэтическій Лабрюеръ, рудникъ для эпитафювъ, а не органическое существо, котораго части взаимно необходимы одна для другой“. Въ той же рецензїи опровергаются обвиненія, находящіяся въ связи съ замѣткой Пушкина въ № 12. Лит. Газ.:

„Какой-то—видно умный и благонамѣренный человѣкъ!—торжественно возгласилъ, что въ Тел. печатаются пародїи на стихотворенія Пушкина, Неудбно ли Г. Возглашателю указать хоть на одну пародїю? Или неудобно ли ему самому написать пародїю, напр., на Онѣгина? А мы отказываемся отъ этого, ибо до сихъ поръ еще не замѣтили въ Пушкинѣ тѣхъ сторонъ, которыя могли бы отражаться въ зеркалѣ насмѣшки. Если въ Тел. и печатаются пародїи, если въ нихъ и узнаютъ своихъ дѣтищъ нѣкоторые поэты, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тамъ же были и пародїи на Пушкина.“

(Лит. Газ. № 20. апр. 6—статья Пушкина—О Запискахъ Видова). Лит. Газ. № 20, замѣтка Пушкина О личностяхъ въ критикѣ: „Требуется ли публика извѣщенія, что такой-то журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ то поэтомъ или прозаикомъ? Конечно нѣтъ; но журналисты объ этомъ публикуютъ, чтобы его товарищъ, получающій по прїязни даромъ листки его (къ которому бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ), узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ такія извѣщенія излагаютъ иногда съ нѣкоторою дипломатическою важностію. Въ одномъ московскомъ журналѣ вотъ какъ отзываются о книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей: „Она не блеститъ именами знаменитаго созвѣздія русскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Жалѣть ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ мы не пожалѣемъ“. Эти господа „мы“ другъ друга вѣрно понимаютъ, но довѣрчивому скромному и благомыслящему читателю понять здѣсь нечего, Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человѣкомъ съ отличнымъ талантомъ? Навонецъ всего смѣшнѣе, что и самъ критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, которой ему не хотѣлось бы осуждать, нѣтъ ни одной статьи

путной: въ 1-ой статьѣ нѣтъ общности; во 2-ой авторъ не умѣетъ разсказывать; 3-ю читать скучно; 4-я старая пѣсня; въ 5-й надоѣдаютъ офицеры съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и такъ далѣе. Вотъ какого противорѣчія доводятъ личности. Ужели названія порядочнаго и здравомыслящаго человѣка лишились въ наше время цѣны своей? ¹⁾

Лит. Газ. № 23, апр. 21. „Всѣ благоразумные люди предвидѣли, что дружбѣ Тел. съ Сын. От. не долго здобровать; никто не могъ угадать, что сей недавно заключенный союзъ рушится такъ скоро. Вотъ слова изъ Сын. От. (№ 15, стр. 165), которыя какъ бомба, пущенная въ непріятельскій станъ, возвѣстили крутой неожиданный разрывъ перемирія: „Нынѣ нѣкто г-нъ Николай Полевой въ сочинительскомъ пылу о дарованіяхъ и знаніяхъ своихъ возмечтавъ, первый томъ Ист. Рус. Нар. напечаталъ и тамъ равномѣрно свои суесловія о происхожденіи Руссовъ помѣстил“. Лит. Газ. конечно сочувствуетъ мнѣнію Греча также какъ и совѣстливому молчанію о романѣ „Дм. Самозванецъ, но не можетъ одобрить „личностей и непристойныхъ выходовъ, хотя бы предметами оныхъ и были люди, воихъ мнѣнія и литературныя дѣйствія въ совершенномъ противорѣчіи съ нашими. Выраженіе: „нѣкто г-нъ Николай Полевой“ есть выраженіе не литераторское, невѣжливое. Осуждайте твореніе, но имѣйте всегда уваженіе къ лицу“.

Въ томъ же № „О духѣ партій; о литературной аристократіи“. Статья кн. Вяземскаго ²⁾.— „Если вѣрить нѣкоторымъ указаніямъ, то въ литературѣ нашей существуетъ какой-то духъ партій; онъ силится возстановить какую-то аристократію именъ. Указанія эти повторяются отголосками журнальными; но нигдѣ не объясняются убѣдительными доказательствами, а мнѣнія безъ ясныхъ уликъ остаются предубѣжденіями, предразсудками, не заслуживающими вѣры... У насъ можно опредѣлить двѣ главныя партіи, два главные духа, если непременно хотѣтъ ввести междоусобіе въ домашній кругъ литературы нашей... Къ первому разряду принадлежатъ литераторы съ талантомъ, къ другому литераторы безталанные. Мудрено ли, что люди возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомысліемъ и сочувствіемъ?.. Союзъ людей возвышенныхъ по своимъ дарованіямъ и нравственности скрѣпленъ и освя-

¹⁾ V, 93 — 94.

²⁾ Сочин. кн. Вяземскаго II, 156—159.

щенъ самой природою: они — союзники, а противники — ихъ общины. Сообщество сихъ послѣднихъ невѣрно, непрочное, какъ страсти, личныя выгоды, расчеты корысти, служащія зыбимымъ основаніемъ симъ случайнымъ сдѣлкамъ... Не говоримъ уже о несостоятельности отношеній сихъ задорныхъ мирмидоновъ въ лицамъ, которыя стоятъ на вершинѣ для нихъ недосыгаемой, въ лицамъ, предъ которыми то повергаются они на колѣни, то въ забавномъ напряженіи выдаютъ передъ ними дѣтскую свою рукавичку. Нѣтъ! слѣдуйте за движеніями ихъ отдѣльныхъ и частныхъ междоусобій, читайте журналы, сіи обличительныя хроники анархической литературы нашей, въ коихъ написанное за годъ, за недѣлю, въ явномъ противорѣчій съ написаннымъ сегодня, въ которыхъ вчерашній врагъ готовится въ завтрашніе друзья, и наоборотъ, и вы увидите на которой сторонѣ заводятся партіи, заключаются и разстраиваются союзы. Мы уже сказали, разумѣется, есть аристократія дарованій. Природа дѣйствуетъ также въ смыслѣ нѣкотораго монархическаго порядка: совершеннаго равенства не существуетъ нигдѣ... „Лукавство, пронырство, ничѣмъ не возмущаемое упрямство, никакими средствами не пренебрегающая дерзость, вырывали иногда случайную побѣду изъ рукъ менѣе дѣятельнаго, болѣе безкорыстнаго достоинства. И тѣ, которые у насъ болѣе другихъ говорятъ объ аристократическомъ союзѣ, будто существующемъ въ литературѣ нашей, твердо знаютъ, что этотъ союзъ не опасенъ выгодамъ ихъ, ибо не онъ занимается текущими дѣлами литературы, не онъ старается всякими происками, явными и тайными, овладѣть источниками ежедневныхъ успѣховъ и преклонить къ себѣ, если не уваженіе, то благосклонность, которая гораздо податливѣе пераго.. Справьтесь съ вѣдомостями нашей книжной торговли, и вы увидите, что если одна сторона литературы нашей умѣетъ писать, то другая умѣетъ печатать, съ цѣлью скорѣе продать напечатанное. А это умѣнье родъ майората, безъ коего аристократія не можетъ быть могущественной. Мы живемъ въ вѣкъ промышленности: теорія уступила поле практикѣ; надежды — наличнымъ итогам... Невинность публики идетъ своимъ чередомъ; но воздайте и каждому свое: припишите часть успѣховъ снаровѣ и ловкости писателей. Нѣкоторые изъ нихъ были уже заранѣе провозглашены друзьями своими и ловкими товарищами. Напр. „Ист. Рус. Нар.“ и „Ив. Выжигинъ“, сіи книжныя близнецы нашего времени, сіи Иванъ и Марья въ царствѣ литературнаго прозябанія, имѣли гораздо болѣе расхода, чѣмъ нѣсколько другихъ твореній, за-

служивающих истинное уваженіе. Такимъ образомъ литературной промышленности, которая есть существенная аристократія нашего вѣка, нечего попустому заботиться и кричать о такъ называемой аристократіи, которая чужда оборотовъ промышленности“.

С О. № 16. Апр. 19. — Опять литературный крючекъ. — „Издатель Л. Г. въ общемъ собраніи своихъ сотрудниковъ уже давно рѣшилъ, что всѣ сочиненія г-на Булгарина нигде не годятся именно потому, что этотъ г-нъ Булгаринъ имѣетъ весьма дурной вкусъ, не восхищается рубленной прозой, называемой пріятелями сочинителей стихами, подражаніемъ древнимъ, прикрытымъ душегрѣйкой новѣйшаго унынія и смѣло говорить, что кто не знаетъ не только греческаго и латинскаго языка, ни даже нѣмецкаго, тотъ не подражаетъ древнимъ а передразниваетъ ихъ“... „Г-нъ Булгаринъ сущій литературный еретикъ!.. Этотъ г. Булгаринъ даже не любитъ неудачныхъ подражаній Байрона и—о дерзость!—требуешь отъ своихъ сотрудниковъ прилежанія и безпристрастныхъ извѣстій о книгахъ... Дѣло рѣшенное: г-на Булгарина надобно согнать съ литературнаго поприща, заставить публику не читать его сочиненій и не вѣрить его критикамъ, потому что онъ повлялся быть безпристрастнымъ и не признаетъ литературной аристократіи. Какъ же это исполнить? Бранить въ Л. Г. (Выноска: „Которая сама сказала о себѣ, что издается не для публики, но только для нѣкотораго числа писателей и, сознаемъ, держитъ вѣрно слово). Все, что онъ напишетъ въ каждомъ №, стрѣлять въ него впрямъ или вкось. Похвально!—Повторять все, что будетъ сказано дурного въ пяти частяхъ свѣта объ его сочиненіяхъ и умалчивать, о хорошемъ. Если же гдѣ либо сказано будетъ двусмысленно или хорошее перемѣшано съ дурнымъ, то выбирать одно дурное. Рѣшено и приговоръ приведенъ въ исполненіе посредствомъ нижней земской литературной полиціи“... „Съ какою цѣлью Л. Г. выписала одну фразу изъ нѣмецкой рецензіи въ предсужденіе г. Булгарину и умолчала о томъ, что говорится хорошаго объ его сочиненіяхъ? Хорошо ли такимъ образомъ выдергивать рѣченія безъ послѣдующаго смысла? Пусть на это отвѣчаютъ сами читатели. Любопытно однакоже знать, чтобы сказали строгіе нѣмецкіе критики, если бы перевести на нѣм. языкъ существующія въ русскомъ языкѣ разныя пошлыя идилли: напр. Дамонъ, Куальницы, Титиръ и Зоя? Чтобы сказали ученые нѣмцы объ этихъ стихахъ, будто бы въ подражаніе древнимъ, стихахъ, которые за недосугомъ подби-

рать рифмы, превратились въ древній размѣръ?.. Если бы нѣмцы знали по-русски, то сказали бы объ этихъ стихахъ тоже самое что Вѣст. Евр.: это стихи—хи, хи, хи!“...

Л. Г. № 24. Апр. 26. — „Въ № 18 Л. Г. мы выписали начало статьи о переводѣ сочиненій г. Булгарина на нѣм. языкъ... Издатели С. О. напечатали конецъ той же статьи нѣм. журн., въ которомъ рецензентъ хвалитъ не разсказъ г. Булгарина, а подвигъ русскихъ войскъ при переходѣ черезъ Кваркенъ. Желая не лишать читателей всей статьи о сочиненіяхъ г. Булгарина, для полноты оной мы выписываемъ то, что составляетъ середину ея, т.-е. что было недосказано въ Л. Г. и пропущено въ С. О.“... Середина, дѣйствительно, неслетная для Булгарина.

С. О. № 17. Апр. 26. — „Смѣсь“. — „Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда для раздачи любопытствующимъ эпиграмма одного извѣстнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоценное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ, печатаемъ оное: „Не то бѣда, что ты полякъ, Костюшка ляхъ, Мицкевичъ ляхъ, пожалуй будь себѣ татаринъ,—и въ томъ не вижу я стыда; будь жидъ и это не бѣда, но то бѣда, что ты Оаддей Булгаринъ (Выноска: „Правда бѣда—но кому? не литературнымъ ли трудностямъ, Цапхалинымъ, Задушатынымъ и т. п.“ Примѣчаніе наборщика). Л. Г. № 26. Мая 6.—Разговоръ въ книжной лавкѣ.— „Разводить и у васъ разсадникъ свой Британецъ. Что скажешь ты: ваковъ нашъ Дмитрій Самозванецъ?“ — Худое слово мнѣ сазать о немъ грѣшно: а ты что думаешь?“ — „О вовсе не одно!“ — Да ты читалъ его?“ — „Къ несчастью!“ — То другое: я—нѣтъ и въ споръ нейдю: ты правъ; но правъ я вдвое“. — Въ томъ же № „Смѣсь“ — „Несносная книга! безконечные, скучные монологи, безхарактерныя лица! Нѣтъ ни исторической правды въ нравахъ, ни даже хорошаго живого слога! И все это такъ длинно, длинно, длинно!“ — Вскрикиваетъ въ нетерпѣливой досадѣ читатель,—и съ розмаху бросаетъ подъ столъ недочитанный первый томъ новаго романа. Повѣрятъ ли? Авторское самолюбіе (или употребимъ точнѣе) авторское самохвальство умѣетъ и здѣсь перетолковать слова и дѣла въ свою пользу: быстрый полетъ тучнаго романа подъ столъ называетъ онъ жаркимъ ему приѣмомъ отъ читающей публики. Он est toujours un peu Gascon!“ (Изъ: Le nouveau Trilby).

Лит. Газ. № 30. Мая 26 было помѣщено стихотвореніе

Пушвина. Посланіе къ К. Н. Б. Ю*** (извѣстное по Собраніямъ Сочиненій подъ заглавіемъ къ Вельможѣ).

М. Т. № 10. Май. Новый Живоп. общества и литер.— „Утро въ кабинетѣ знатнаго барина“.— Къ князю невѣжественному и извѣженному человѣку, только что вышедшему изъ своей спальни въ дурномъ настроеніи, изъ за письма, полученнаго имъ отъ своей любовницы. Секретарь Подлецовъ подаетъ ему дѣла для разсмотрѣнія. Князь, скучая, подписываетъ. Выслушавъ послѣднее прошеніе о пенсіи, онъ нетерпѣливо обращается къ секретарю: „Ну, ее къ чорту—давай скорѣй (подписываетъ)—но болѣе ничего не подавай мнѣ (Подлецовъ хладнокровно складываетъ бумаги)... Скажи, что у тебя смѣшнаго? Подл.: Вотъ листокъ какой-то печатный, кажется, стихи Вашему Сіятельству. Кн.: (взглянувъ). Какъ? стихи мнѣ? А!—это того стихотворца... Что онъ вретъ тамъ? Подл.: Да, что то много. Стихотворецъ хвалитъ васъ; говоритъ, что вы мудрецъ: умѣете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствамъ, ѣздили въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ; что вы пили кофе съ Вольтеромъ и играли въ шахи съ какимъ то Бомарше... Кн.: Нѣтъ? Такъ онъ не даромъ у меня обѣдалъ (беретъ листокъ). Какъ жаль, что по русски! (читаетъ). Не дурно, но что то много, скучно читать. Вели перевести это по французски, и переписать экземпляровъ пять; я пошлю кое кому, а стихотворцу скажи, что по четвергамъ я принимаю его всегда обѣдать у себя. Только не слишкомъ вѣжливо обходишь съ нимъ; вѣдь эти люди забывчивы; ихъ надобно держать въ черномъ тѣлѣ.—Послушай ка—братецъ! притвори дверь, и подойди поближе. Скажи, что ты узналъ о моей вѣтренницѣ? и пр.“.—Эта сцена продолжала цѣлый рядъ подобныхъ, въ которыхъ высмѣивалась ничтожность высшаго общества. Приведенная сцена оканчивается комическимъ шаржемъ, выставляющимъ въ жалкомъ видѣ князя; заключительныя слова камердинера выражаютъ ея тенденцію: „Неужели у многихъ баръ такъ проходитъ утро въ кабинетѣ? (смѣется). Не знаю! мы люди темные“ ...

Л. Г. № 31. Мая 31. Рецензія на Ист. Рус. Нар. Въ заключеніи сказано: „Нельзя же думать, что трудъ новаго историка еще не совершенъ, что II обѣщанныхъ томовъ пока таятся еще въ головѣ автора тогда, когда они уже проданы не книгопродавцу, который можетъ пуститься на удачу предпріятія и такъ сказать на волю Божію, но частнымъ подписчикамъ, которые подписываются на наличное. Такое предположеніе было

бы легкомысленно и оскорбительно для добросовѣстности автора. Дай Богъ автору и всѣмъ авторамъ здоровья и долготѣтя; но въ добрый часъ молвить, а на худой промолчать: вѣдь жизнь ихъ не застрахована на такой то срокъ. Во всѣхъ образованныхъ земляхъ, у всѣхъ честныхъ людей открывается подписка и собираются съ подписчиковъ деньги, когда сочиненіе уже написано и готово къ печати. Сочиненіе можетъ быть допечатано послѣ жизни автора, если онъ умретъ въ это время; смерть его оплакивается ближними и добрыми людьми; по крайней мѣрѣ не сбывается пословица: плавали денежки. А между тѣмъ и второго тома еще нѣтъ: друзья автора распускаютъ извѣстіе, что онъ сжегъ второй томъ, бывъ недоволенъ трудомъ своимъ. Это огненное очищеніе, этотъ Божій судъ среднихъ вѣковъ приносить честь уничиженію авторскому, но тутъ слѣдуютъ два вопроса: Отчего не сожженъ и первый томъ, и причемъ останутся подписчики? При одномъ пеплѣ, что ли“?

Лит. Газ. № 32. Іюня 5.—Эпиграмма Баратынскаго. „Онъ вамъ знакомъ. Скажите кстати: Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати“? Затѣмъ, что онъ не дворянинъ. „Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ! Но почему чужая слава его такъ бѣситъ“?—Потому, что славы хочется ему, а на нее Богъ не далъ права; что не хвалилъ его никто, что плоскій авторъ онъ.—„Вотъ что“!

Лит. Газ. № 34. Іюня 16.—Рецензія Дельвига на нѣмецкій переводъ Ив. Выжигина; рецензентъ, не сочувствуя тому, что романъ переведенъ, говоритъ, что иностранцы не найдутъ въ немъ „ни характеровъ, ни нравовъ, ниже нравственности, и сатиры, обѣщанныхъ на листѣ; не отыщутъ даже интереса романовъ Коцебу, Списса, Дюкре-Дюменила и прочихъ своихъ посредственныхъ романистовъ; и только заключать, что въ Россіи нѣтъ еще хорошихъ романовъ, если вѣря предисловію г. переводчика, Ив. Выжигинъ въ семь дней у насъ раскупился. Но и сему объявленію переводчика врядъ ли они повѣрятъ, опытами убѣжденные въ истинѣ пословицы: A bon mentir, qui vient de loin. и пр.“. Въ томъ же №: „Люди недалновидные, но любящіе и привычшіе отдавать себѣ отчетъ во всемъ ими прочитанномъ, осуждали между прочимъ въ Ив. Выжигинѣ неопредѣленность времени, въ которое жили и дѣйствовали герои сего романа. По названію государственныхъ должностей, существующихъ въ Россіи, по одеждѣ и нѣкоторымъ обычаямъ думаешь, что авторъ представляетъ нынѣшнее время Россіи; по войнѣ же небывалой и описаніямъ нравовъ московскихъ и петербургскихъ разувѣряешься совершенно въ первомъ предполо-

женіи. Задача сія разрѣшилась. Авторъ Выжигина съ намѣреніемъ закрывалъ эпоху существованія своихъ дѣйствующихъ лицъ, дабы представляя по своему разумѣнію русскіе нравы, написать исторію цѣлой династіи Выжигиныхъ, т.-е. въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ выдать похождение сына Ив. Выжигина, Петра Ив., и, можетъ быть, внука его Петра Петр., и правнука его Ив. Петр. и такъ далѣе. Мы получили вѣрное извѣстіе что уже двѣ части походовъ Петр. Ив. написаны, а всѣ четыре впередъ запроданы книгопродавцу. Если это семейство Выжигиныхъ попадетъ черезъ сто лѣтъ кому нибудь въ руки, то какое тогдашній читатель возымѣетъ почтеніе къ постоянству нашему въ модахъ и обычаяхъ, видя отца, сына, внука и правнука въ одинакой одеждѣ, съ одинакими привычками и странностями“. Л. Г. № 36. Іюня 25.—Замѣтка Пушкина—извѣстная подъ заглавіемъ: „О неблаговидности нападоу на дворянство“¹⁾. „Съ нѣкоторыхъ поръ журналисты наши упрекають писателей, которымъ не благосклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературной извѣстностію. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne! Замѣчательно, что и у французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ въ Россіи государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности, кажется, ни въ комъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетскія легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія не способенъ ни къ какой службѣ, ежели онъ не довольно знающъ, чтобы выдержать университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаниемъ собственной ничтожности; но выказывать его неблагоуразумно. Что касается до литературной извѣстности, упреки въ оной отъменно простодушны. Извѣстный баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню: „Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя и ядомъ вмгъ его смертельнымъ обливаешь. „Убійца“! онъ вскричалъ: „за что погибнулъ я“?—Ты свѣтишь!—отвѣчаетъ“.

¹⁾ V, 94—95.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій, и червячковъ и козявокъ замѣнить лицами болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму (Баратынскаго), помѣщенную въ 32-мъ № Лит. Газ.“

М. Т. № 13. Іюль.—Въ рецензіи на Сочиненія Фонъ-Визина, въ которомъ предположено было присоединить жизнеописаніе писателя, составленное кн. Вяземскимъ, связано по этому поводу: „Надобно сперва выучиться говорить, а потомъ думать; вотъ правило несомнительно вѣрное! Наши литераторы его не знаютъ и идутъ наоборотъ: сперва думаютъ, а потомъ говорятъ. Гдѣ же надобно учиться говорить? Разумѣется не въ пыльномъ кабинетѣ, не изъ книгъ, но въ свѣтѣ, и—прибавимъ, большомъ свѣтѣ, куда наши литераторы не заглядываютъ. Какъ же хотѣть, чтобы русскія книги читалъ ктонибудь, кромѣ мужиковъ и гостиннодворскихъ сидѣльцевъ? Только тогда, когда писатели свѣтскіе, люди высшаго тона стануть писать, заставятъ читать дамъ и свѣтскихъ людей; когда въ промежуткахъ мазурокъ и востильоновъ литература будетъ составлять предметъ разговора; когда русская книга будетъ лежать и въ диванной красавицы и на туалетѣ щеголя, не пугая ихъ ни Сибирской наружностью, ни грубымъ не свѣтскимъ языкомъ—тогда только можно общать успѣхъ литературѣ. Этого-то мы ждемъ отъ труда кн. Вяземскаго“. Въ заключеніи рецензентъ выражаетъ нетерпѣливое ожиданіе жизнеописанія Фонъ-Визина,—„явленія достопамятнаго не менѣе идиллій нашего Θεокрита-Дельвига, пѣсенъ нашего Беранже-Языкова и Посланія Пушкина къ К. Н. Б. Ю.“.

Сѣв. Пч. № 90. 29 іюль.—„Писатели занимаются болѣе своей враждой, нежели выгодною публики.. Безпрерывная брань и выстрѣлы тупословія въ одни и тѣ же лица надобли публикѣ, и всѣ журналы, которые возьмутъ въ примѣръ нашу печальную Лит. Газ. кончатъ какъ она. Requiem!“... „Въ Лит. Газ. объявили уже во всенародное услышаніе, что Издатели получили вѣрное извѣстіе, будто я написалъ уже два тома новаго романа, а по благосклонности своей къ автору напередъ разругали это нерожденное дѣтище. Честь и слава прорицанію Л. Г. Любопытно однако знать, какъ прочла она въ головѣ моей два романа, и кто могъ сообщить вѣрное извѣстіе, кромѣ меня? Право, мнѣ досадно, что противники мои такъ неловки и вмѣсто того, чтобы вредить мнѣ, служатъ мнѣ усердно, вызывая безвременно личное пристрастіе и гнѣвъ... и пр.“

С. П. № 94. 7 авг. „Второе письмо изъ Карлова на Камен-

ный остров". . . . „Иногда залетаютъ въ намъ вѣсти изъ Германіи и даже изъ Парижа. Такъ напр. въ нашемъ городѣ получено письмо изъ Парижа, въ которомъ увѣдомляютъ, что въ чужихъ краяхъ странствуютъ нѣсколько юныхъ Россіянъ, которые выдаютъ себя за первоюклассныхъ русскихъ поэтовъ философовъ и критиковъ и всѣмъ журналистамъ общають сообщать извѣстія о Россіи, а болѣе о русской литературѣ. Тотъ самый почтенный критикъ, который выступилъ на поприще словесности въ нынѣшнемъ году Обозрѣніемъ Словесности, напечатанномъ въ альманахѣ „Денница“ и назвалъ моего бѣднаго Выжигина книгой одного достоинства съ сонниками и гадательными книгами, а читателей Выжигина сравнилъ съ публикой толдеучаго рынка—этотъ самый критикъ, одѣвшій музу нашего добраго издателя Л. Г. (мимоходомъ сказать столь же виноватаго во вздорныхъ критикахъ сей Газ., какъ и предъ Великимъ Моголомъ) въ душегрѣйву новѣйшаго унынія, этотъ самый почтенный критикъ наименованъ въ числѣ первыхъ сотрудниковъ иностранныхъ журналовъ... Другой—авторъ писемъ изъ Италіи, помѣщаемыхъ въ Моск. Вѣст. и соучастникъ по изданію сего журнала. Можешь себѣ представить, каково будетъ доставаться намъ въ этихъ извѣстіяхъ о русской литературѣ, и на какую степень станутъ поэты и прозаики, которыхъ издатель М. Т. въ шутку назвалъ знаменитыми и литературными аристократами! Не могу удержаться отъ смѣха, когда подумаю, что они приняли это за правду и въ отвѣтъ на это заговорили въ своемъ листѣ о дворянствѣ! Жаль, что Мольеръ не живетъ въ наше время. Какая неопѣненная черта для его комедіи: Мѣщанинъ въ дворянствѣ! Добрые люди, мнѣ право жаль ихъ. Какой вздоръ они вскидываютъ сами на себя. Говорятъ, что Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть, какомъ, свели съ ума множество Поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ и всѣ они заговорили о шестисотлѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобъ это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого есть они), однакожь это не сдѣлаетъ глаже и умѣе, ни прозы, ни стиховъ.

Разсказываютъ анекдотъ, что какой-то поэтъ въ Испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ мулата или, не помню, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его негританскій принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хо-

тѣль присвоить, и, что шепиерь доказываль, что онъ бушилъ негра за бутылку рому! Думали ли тогда, что къ этому негру признается стихотворецъ! Vanitus vanitatum!...“ 1).

„Вотъ, что значить писать изъ мѣста, гдѣ нѣтъ новостей! Перо, какъ волшебный жезлъ переносить мысль за тридевять земель, и я изъ Дерпта шагнулъ въ Парижъ, откуда упалъ въ Л. Г. и очнулся въ Аѳрикѣ! Помнишь ли, что въ началѣ года утверждали въ Л. Г., будто музыка и архит. не изящныя искусства и, что слушать музыку есть-то же, что грѣться у печи, или ѣздить верхомъ? 2). Но это сужденіе жемчугъ въ сравненіи съ тѣми, что печатается въ каждомъ листкѣ, и такъ по неволѣ вспомнивъ объ этой Газ. вспомнишь объ Аѳрикѣ! Вотъ какъ мысль соединяетъ два предмета, которые съ перваго взгляда, кажется не имѣютъ между собой ничего общаго...“ Подписано Ѡ. Б.

Л. Г. № 45. 9 авг. — „Въ нынѣшнемъ году С. П. отличалась особенно неблагосклонностью къ гг. Загоскину, Пушкину и Кирѣевскому. Причины сему отыскать не трудно. Г. Загоскинъ издалъ романъ 3), коего успѣхъ могъ повредить ходу историческаго романа г. Булгарина. Строгій приговоръ Дм. Самозванца (См. Л. Г. № 14) былъ приписанъ Пушкину (Выноска: А. С. Пушкину предлагали написать критику истор. романа г. Булгарина. Онъ отказался, говоря, чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь), а въ „Денницѣ“ напечатано было слѣдующее мнѣніе объ Ив. Выжигинѣ: „Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ; вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинства, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу, и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катехизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что Выжигинъ расходится. Но гдѣ же эти люди? спросать меня.—Мы не видимъ ихъ, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются

1) Полемическимъ отвѣтомъ Пушкина на эти слова—была Родословная, которой поэтъ—по свидѣтельству вв. П. П. Вяземскаго—чрезвычайно дорожилъ.

2) Въ № 4. Л. Г. въ статьѣ Катенина О изящныхъ искусствахъ—архит. и музыкѣ не давалось высокаго значенія на ряду съ другими искусствами: „Что можетъ быть высокаго въ музыкѣ отдѣльно отъ словъ? Рядъ стройныхъ звуковъ доставляетъ удовольствіе физическое: приятно грѣться у огня, качаться на качеляхъ, кружиться въ пляскѣ, сказать на лошади, слушать соловья въ лѣсу или Фильда въ вонцертѣ; но благороднѣйшимъ чувствамъ человѣка до всего этого дѣла нѣтъ“. На это было помѣщено возраженіе въ С. О. № 10. 8 марта.

3) Юрій Милославскій.

Сонникомъ и книгою О Клопахъ; но они есть, ибо и Сонникъ и Выжигинъ и О Клопахъ раскупаются во всѣхъ лавкахъ“¹⁾. Замѣтимъ, что намъ не удалось встрѣтить ни одного порядочнаго литератора, ни одного умнаго свѣтскаго человѣка, ни одной образованной женщины, которые бы вполне не согласились съ мнѣніемъ Г. Кирѣевского. — Въ Allgemeine Zeit. нынѣшняго года напечатана статья, въ которой Г. Булгаринъ сравненъ, какъ авторъ, съ Стерномъ, Мерсье и многими другими извѣстными Европейскими писателями. Сочинитель Писемъ изъ Карлова можетъ быть въ слѣдствіе сего спокоенъ, вида, что заказныя похвалы скорѣе доходятъ изъ Россіи къ иностраннымъ журналистамъ, чѣмъ мнѣнія путешествующихъ литераторовъ (см. 2-ое письмо изъ Карлова, напечат. въ № 94. С. П.)“.

Въ томъ же №. Замѣтка Пушкина²⁾. „Новыя выходки противу такъ называемой литературной аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ Сѣв. Пч. помнитъ, кто упрекалъ поминутно г-на Полевого тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если же бы званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутебъ гг. Полевого, Греча и Булгарина — не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами — глупо. Не дворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣлки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей 18 столѣтія (которыхъ впрочемъ ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) приуготовили крики: „аристократовъ къ фонарю“ и ничуть не забавные куплеты съ прищѣвомъ: „повѣсимъ ихъ, повѣсимъ“. Avis au lecteur“. — Въ томъ же №. „Въ газетѣ: Le Figet напечатано извѣстіе изъ Пекина, что нѣкоторый Мандаринъ приказалъ побить палками нѣкакаго журналиста. — Издатель замѣчаетъ, что Мандарину это стыдно, а журналисту здорово. — „Бъ томъ же №. — Въ за-

¹⁾ Выдержка изъ Обзорѣнія рус. словесн., на 1829 г., напечатаннаго въ Денникѣ.

²⁾ V. 95 — 96.

мѣтъѣ, добродушно отражающей нападенія на издателя Лит. Г. сказано: „Издателю Сѣв. Пч. Лит. Г. кажется печальною: создаемъ, что онъ правъ, и самую печальнѣйшую статью находимъ мнѣніе А. С. Пушкина о сочиненіяхъ Видока“.

М. Т. № 14, Іюль. Въ рецензіи на романъ „Купеческій сынокъ“ Полевой, выписавъ замѣту Пушкина изъ № 45. Лит. Газ., говоритъ: „Сомнѣваюсь, можно ли писать недобросовѣстнѣй этого...“ Онъ уважаетъ гражданскій строй своего отечества, уважаетъ и заслуги русскаго дворянства; но конечно не станетъ добиваться дворянскаго званія, во-первыхъ, не признавая для себя униженіемъ свое купеческое званіе, во-вторыхъ, не почитая дворянское— „ручательствомъ за умъ, добродѣтель, а еще менѣе за литературное достоинство человѣка“... „И вотъ за послѣднее то мнѣніе Лит. Газ. ставитъ шутки Полевого на раду съ эпиграммами Маратовъ и французскихъ революціонныхъ газетчиковъ. И издатели Лит. Газ. не стыдятся своего: Avis au lecteur! И это значить у нихъ: Аристократовъ въ фонарю! Какъ назвать такія ничтожныя, бѣдныя средства защиты?..“ „Я только хотѣлъ указать на литературную недобросовѣстность Л. Г. Опроверженія она не стоитъ и не заслуживаетъ. Я почитаю себя выше преній о подобныхъ предметахъ. Дѣло въ томъ, что Лит. Г. есть послѣднее усиліе жалкаго литературнаго аристократства, и вотъ вся загадка! Грамотъ на литературное достоинство герольдія нынѣшней критики не только не утверждаетъ современнымъ литературнымъ аристократамъ, но оспариваетъ оныя и у тѣхъ литературныхъ аристократовъ, которые давно похоронены съ названіемъ бояръ. Теперь не даютъ пропуска на Парнасъ тѣмъ, которые лѣтъ за десятокъ называли себя помѣщиками Парнаскими. Разумѣется, что такимъ помѣщикамъ горько приходится, но что дѣлать? Литературный аристократизмъ довольно шалилъ у насъ!..“ „Прошу литературныхъ аристократовъ вѣрить, что въ числѣ моихъ недостатковъ нѣтъ литературной трусости. Дворянскія грамоты и дипломы ученые не спасутъ отъ меня худыхъ писателей, хотя бы они были самые литературные друзья. Уже нѣсколько лѣтъ тяжба судится публичною, и едва ли рѣшится въ мою невыгоду. По крайней мѣрѣ не литературнымъ аристократамъ выиграть ее...“

Лит. Газ. № 46. 14 авг.—О Сочиненіяхъ Оадея Булгарина.—Статья оцѣниваетъ общую литературную дѣятельность Булгарина не сочувственно, но безъ раздраженія. Лит. Газ. № 47. 19 авг. Продолженіе той же статьи, касающееся подробнѣе содержанія сочиненій Булгарина; написано раздраженнѣе; между

прочимъ сказано: „Страннѣе всего авторская самоувѣренность его въ непогрѣшности своихъ наблюдений и приговоровъ. Не хвалить его сочиненій, значить сдѣлаться завлятымъ его врагомъ и навливать на себя колкости, въ которыхъ личность и намѣренность выраженной часто выходитъ изъ всѣхъ возможныхъ границъ. Истинное дарованіе скромно, а посредственность всегда заносчива“... „Вездѣ посредственность шумить больше прямого достоинства...“

Сѣв. Пч. № 101. 23 авг.—Одиннадцатое письмо съ Камен. остр. въ Карлово. ...„Довольно о соловѣѣ (пѣвицѣ Зонтагъ). Поговоримъ и о другимъ птицахъ. Въ Лит. Г. печатается критика на твои сочиненія. Жаль, что почтенные издатели оной занимаютъ въ своемъ журналѣ столько мѣста для выраженія мысли, которую можно передать двумя стихами: „А намъ хвалить какая статья? Вѣдь онъ не нашего прихода“.—Вся критика состоитъ изъ общихъ мѣствъ, натяжекъ и придировокъ. Тщетно будешь искать доказательствъ, доводовъ, ссылокъ, выписовъ изъ книги критикуемой. Теорія сей статьи заключается въ дипломатическомъ приговорѣ: *Car tel est notre bon plaisir*, а практика изъ варіацій на тему: мы не любимъ Булгарина, слѣдственно, онъ пишетъ дурно“... Лит. Г. № 50. 3 сент.—„Сочинитель письма изъ Рима весьма справедливо замѣтилъ, что чужія литературныя ссоры, кривотолки, пристрастныя и недобросовѣстныя сужденія критиковъ иностранныхъ приносятъ намъ по слабости человѣческой недостойное, но нужное утѣшеніе: „а! и у нихъ тоже“. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ есть что то утѣшительное. Истинные любители поэзіи часто досаждаютъ, видя, какъ наши лже-критики ополчаются всѣми силами своего тупоумія противъ того или другого изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ и умышленно не хотятъ признавать въ немъ истиннаго таланта, признаннаго всѣми просвѣщенными читателями. „Такой утѣшительный примѣръ—можетъ представлять изъ себя приговоръ Эдинбург. Обзор. первымъ произведеніямъ Байрона, которому этотъ журналъ ставилъ въ образецъ превосходные стихи Роджерса. Стихи не были конечно превосходны, „но Роджерсъ, какъ извѣстно богатый банкиръ, живетъ въ ладу со всѣмъ литературнымъ, особливо журнальнымъ міромъ.—„Онъ милый хлѣбосоль, онъ въ дружествѣ способенъ“—говоря стихомъ Баратынскаго; Роджерсъ пышно угощаетъ всѣхъ современныхъ поэтовъ и критиковъ: какъ же стихамъ его не быть превосходными?... Повторимъ еще: а! и у нихъ то же!“

С. О. № 36. 6 сент.—Смѣсь.—Ящикъ.—Продолженіе воз-

никшей полемикѣ съ Л. Г. изъ за сочиненій Масальскаго: „Терпи казакъ“ и „Классикъ и Романтикъ“, въ которыхъ Л. Г. относилась несочувственно. — О Лит. Газъ сказано: „Безпреставно твердя о гостинныхъ и вѣжливостяхъ Газъ. бранить безъ пощады всѣхъ писателей, не имѣющихъ счастья принадлежать въ ея приходу. Чѣмъ охотнѣе читаетъ публика какой либо журналъ или какого либо писателя, тѣмъ болѣе нападаетъ на нихъ безпристрастная Газъ. Выжигинъ и Дм. Самозванецъ погибли отъ ея перуновъ. Даже будущій романъ Булгарина, о которомъ онъ еще и не думалъ, разбраненъ Газъ заблаговременно (Выноска: Въ № 45. Л. Г. сказано, что въ Allg. Zeit. Булгаринъ сравненъ со Стерномъ, Мерсье и многими другими извѣстными Европейскими писателями. Не рѣшаясь обвинить въ пристрастіи Иностраннѣйшій журналъ, Газъ. говоритъ, что похвалы сего журнала Булгарину написаны по заказу. Какъ назвать подобныя обвиненія? Пусть Лит. Газъ. прищеть слово повѣжливѣе. Намъ кажется, что приписывать другому лицу что либо худое безъ всякаго основанія, а по одной личности и неблагорасположенію въ сему лицу, значить клеветать. Просимъ Лит. Газъ. представить доказательства, что похвалы Булгарину въ Allg. Zeit. заказныя, и тогда назовемъ ее благонамѣренною и чуждою клеветы“.

Л. Г. № 51. Сент. 8. — „Второй томъ Ист. Рус. Нар. вышелъ въ свѣтъ и раздается подписавшимся. Сочинителю останется издать въ концѣ нынѣшняго года остальные десять томовъ. Мы увѣрены, что всѣ сїи томы уже написаны и что какія-нибудь типографическія затрудненія замедлили появленіе нынѣ вышедшаго 2-го; увѣрены вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ журналистовъ, что г. Полевой не сталъ бы собирать подписку и деньги за такую книгу, которая у него еще въ умѣ, а не на бумагѣ. Въ противномъ случаѣ, онъ, конечно, поступилъ бы простодушнѣе съ подписчиками своими, и вмѣсто объявленія объ Исторіи. уже готовой и доведенной до Адрианопольскаго трактата, онъ напечаталъ бы свое объявленіе въ слѣдующемъ или подобномъ смыслѣ: „Заплатите мнѣ впередъ деньги, по столько-то за экземпляръ, а я вамъ берусь написать въ теченіе двухъ, трехъ или болѣе лѣтъ, смотря по силамъ и возможности, Ист. Рус. Нар.“ Тогда люди терпѣливые и надѣющіеся дожить до изданія сей Исторіи, конечно, подписались бы на нее; другіе съ такою же откровенностью, какъ и самъ сочинитель, сказали бы ему: „Напишите, сударь, и напечатайте; тогда и деньги вамъ отдадимъ“. Впрочемъ, со всей увѣренностью нашей въ томъ, что г. Полевой выполнить въ точности обязанность свою передъ

публикой, мы все же не можем не подивиться, какъ успѣть напечатать онъ 10 большихъ томовъ въ оставшіеся 4 мѣсяца, если большая половина сихъ еще не набрана и не печатается, или если онъ не считаетъ, что для рожденія Ист. Рус. Нар. какимъ либо чудомъ соединятся два года въ одинъ, подобно какъ для рожденія Геркулеса двѣ noci слились въ одну?... Подождемъ и посмотримъ“.

С. П. № 110 Сент. 13.—Чрезвычайно сочувственный отзывъ объ Исторіи Полевого—Θ. Б. „...Повторяю однажды уже сказанное, что Ист. Рус. Нар.—сочиненіе г. Полевого есть такая книга, которую не только можно, но должно и непременно должно прочесть послѣ Исторіи Карамзина, и что каждый любитель отечественнаго обязанъ даже имѣть ее. Личу себя надеждой, что я заслужилъ довѣренность публики, и что въ этомъ случаѣ она повѣритъ словамъ моимъ болѣе, нежели тѣмъ отвратительнымъ нападкамъ, которыя превращаютъ литературное поприще въ какое-то торжище и унижаютъ званіе литератора. Почтенный, добрый, благородный Карамзинъ сказалъ, что первая потребность писателя есть доброе сердце. Читая въ журналахъ грубую брань, клеветы, сплетни, гнусныя выходки зависти, рядомъ съ преувеличенными похвалами безсмертному исторіографу, поневолѣ выводимъ заключеніе, которое... не идетъ въ печать“. С. П. № 3 Сент. 16— „Въ здѣшнемъ журналѣ Furet мы нашли чрезвычайно остроумную шутку. Издатель, сказавъ, что одинъ изъ знатныхъ читателей жаловался ему, что журналъ его не занимателенъ, напечаталъ въ отвѣтъ рецептъ, какъ дѣлать отличный пуддингъ“.

М. Т. 1830 г. № 17. Сентябрь. Новый Живописецъ Общ. и Лит. „Вольный Мученикъ“. Сатирическій портретъ Увара Сарвиловича Прибыльскаго, ничтожнаго свѣтскаго человѣка, который основываетъ свой успѣхъ въ обществѣ только на знатности своего рода, „одержимый бѣсомъ знатолюбія“. Вся сатира, безъ сомнѣнія, направлена не на Пушкина, но въ слѣдующихъ словахъ есть прямой намекъ на полемику.— „Будь потомокъ хоть Еруслана Лазаревича, будь всѣ твои отцы генералы, а всѣ магушки княгини фонъ и де, и фанъ, сынъ крестьянина украшается передъ тобою звѣздами и лентами, предводитъ поля, засѣдаетъ въ Государственномъ совѣтѣ, правитъ областями, а ты, потомокъ Еруслана, отъ корня добраго гнилой сучекъ, негодный, знай, что мѣстничества въ Россіи нѣтъ и не будетъ, сиди въ своей конурѣ, дуйся, какъ лягушка Езопова, и хлопай длинными ослиными ушами...“

Л. Г. № 55 Сент. 18—Эпиграмма Пушкина — „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь, что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнай: ахъ ты безстыдникъ, ахъ злодѣй! Ты и живыхъ бранишь людей, да и покойниковъ порочишь“. ¹⁾ Въ отдѣлѣ Смѣсь: — „Горестно видѣть, что нѣкоторые критики вмѣшиваютъ въ мелочныя выходки и придирки своего недоброжелательства или зависти къ какому либо извѣстному писателю, намеки и указанія на личныя его свойства, поступки, образъ мыслей и вѣрованіе. Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не можетъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни одѣжи своими странностями. Анекдотъ объ отрубленномъ хвостѣ Алквіадовой собаки всѣмъ извѣстенъ; странныя поговорки, прыжки и увертки Суворова въ живой еще памяти у всѣхъ Русскихъ. — Лордъ Байронъ часто былъ обвиняемъ въ развратности нрава, своекорыстіи, непомѣрномъ эгоизмѣ и безвѣріи: личные непріатели знаменитаго поэта, женщины, лжесвяты-методисты и нѣкоторые благосклонные журналисты безъ умолку таеъ о немъ и трубили, а одинъ присяжный или увѣнчанный поэтъ назвалъ его поэзію сатанинскою“. Опровергнувъ подробностями жизни поэта, чуждой всякаго своекорыстія, эгоизма и низкой чувственности, но исполненной благородства, великодушія и внутренней вѣры, эти обвиненія, авторъ замѣтки заключаетъ: „вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной“.

Л. Г. № 54 Сент. 23—Замѣтка бар. Дельвига — „На сихъ дняхъ Г. О. Б. издатель Сѣв. Пч. обнародовалъ нижеслѣдующую провламацію, которою повелѣваетъ всѣмъ Русскимъ погупать Истор. Рус. Нар. (Выноска: Перепечатываемъ изъ № 110

¹⁾ Относится къ воспоминаніямъ Булгарина о А. С. Грибоѣдовѣ въ С. О. 1830 г. № 1 и 2; упомянуто и въ замѣткѣ о Запискахъ Видока.

С. П. эту официальную бумагу и, по праву издателей газеты, позволяемъ себѣ окружить ее нѣкоторыми замѣчаніями.): „Чуждый зависти и всѣхъ литературныхъ мелочей, я всегда отдавалъ справедливость жесточайшимъ моимъ противникамъ (Выноска — 2: Кто сіи жесточайшіе противники г. Θ. Б? Ужъ не тѣ ли, которымъ не нравится его нравственно-сатирическіе и нравственно-историческіе романы? Въ такомъ случаѣ вмѣсто эпитета: „жесточайшіе“, слѣдовало бы сказать „невольные и многочисленные“. Съ появленія сихъ несчастныхъ сочиненій, издатели С. П. разгнѣвались на всѣхъ писателей, отличныхъ талантами и познаніями, и причислили ихъ къ особому приходу); но теперь съ удовольствіемъ говорю истину о трудѣ писателя самостоятельнаго, благонамѣреннаго и пламеннаго любителя просвѣщенія (Выноска — 3: Рѣчь идетъ объ исторіи Рус. Нар.). Занимаясь съ любовію всю жизнь исторіей и преимущественно Русскою, осмѣливаюсь сказать явно, что я въ состояніи судить объ исторіи (Выноска — 4: Какова логика: я цѣлую жизнь занимаюсь исторіею, и потому могу судить о ней? Къ несчастію, мало заниматься цѣлую жизнь исторіею, чтобъ умѣть судить о ней: надо еще прибавить къ сему одну бездѣлицу: ясный наблюдательный умъ, не всѣмъ и не безъ пристрастія раздаваемый природою и пр.)“. Указавъ въ выноскѣ 4 на недостатки Исторіи Полевого, въ которой „и политика, и философія и критика не узнаютъ себя“. („Вся философія историческая заключается въ томъ одномъ, чтобы никакой философіи не вмѣшивать въ исторію, которая сама въ себѣ заключаетъ вѣчную, ничѣмъ неизмѣняемую философію, распространеніе единой мысли Всесоздателя. Пишите исторію, не мудрствуя лукаво, и въ ясномъ изложеніи событій политика сама собою выкажется. Но для яснаго изложенія исторіи недостаетъ въ нашемъ историкѣ искусства владѣть русскимъ языкомъ, который, къ сожалѣнію, совершенно ему не повинуется, и порядка въ мысляхъ и въ расположеніи оныхъ“). — Дельвигъ отражаетъ нападки собственно на Л. Г. Выноска 5: „Слѣдующія за строгимъ приказаніемъ покупать Ист. Рус. Нар. убѣжденія г. Θ. Б., что словамъ его должно вѣрить, напомнили намъ невыдуманный анекдотъ, кажется, нигдѣ еще не напечатанный: нѣкто, почитающій себя классикомъ, браня романтизмъ, важно говорилъ однажды знакомому молодому поэту: „Ну, послушай, любезный, вѣдь ты меня знаешь, не правда ли? Вѣдь я честный человекъ? Вѣдь мнѣ никакой пользы нѣтъ тебя обманывать? Повѣрь же милый старику, и Шилдербъ

твой и Гёте—не писатели, а дураки!“ Выноска 6: „Забавно читать въ С. П. цитации изъ Карамзина и нападки ея на грубую брань, клеветы, сплетни и пр. и пр. Всѣ сїя качества и притомъ еще неуваженіе въ талантамъ всегда ей принадлежали, принадлежать и вѣроятно будутъ принадлежать. Карамзинъ и по вончинѣ связываетъ между собою узами любви къ таланту своему всѣхъ отличныхъ русскихъ писателей, которыхъ ни Телегр., ни Пч. никакими ругательствами не унижатъ, ибо достоинства ихъ основаны не на модныхъ картинкахъ и тому подобныхъ устоявахъ, но на глубокихъ познаніяхъ отечественнаго языка и на безкорыстной любви, извѣстной однимъ талантамъ, къ своему искусству“.

С. П. № 114. Сент. 25. — Полемика съ Л. Г. изъ-за пѣвицы Зонтагъ, которая давала Булгарину новый поводъ для нападенія на своихъ противниковъ.

С. П. № 116. Окт. 1. — „Не знаю, читаешь ли ты Л. Г. эту лѣтопись скуки. Врядъ ли! Желая обратить на себя вниманіе чѣмъ бы то ни было и видя, что нападки ея на авторовъ не могутъ привлечь читателей, Л. Г. чтобъ какъ нибудь да заставить говорить о себѣ, стала унижать талантъ г-жи Зонтагъ. Бѣдная Л. Г.! Она наконецъ достигла своей цѣли: объ ней заговорили, послѣ брани ея на Зонтагъ. Но что заговорили? Упаси Боже! и пр. и пр.“.

М. Т. № 19. Окт.—Въ Новомъ Жив. Общ. и Лит. „Дѣлать карьеръ“. Грубыя понятія о службѣ какъ о непрекословномъ подчиненіи своему ближайшему начальнику смѣнились не болѣе высокими понятіями о гражданской чести, гражданскихъ обязанностяхъ—главнымъ образомъ понятіемъ „карьеръ“; оно понимается, однако, не одинаково, хотя и стало присуще почти всѣмъ, въ условіяхъ современной жизни.—„Нѣкоторые утверждаютъ, что дѣланье карьера есть не что иное, какъ старинное мѣстничество, выродившееся и переродившееся съ вѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ: какой-то писатель не посовѣстился сказать, что старинное мѣстничество замѣняло у предковъ нашихъ point d'honneur. Прочтите въ С. Цвѣтахъ, сбродъ словъ, названныхъ мыслями (28 г. стр. 216) ¹⁾. Если согласиться съ этимъ, то

¹⁾ Сбв. Цвѣты на 28 г. отрывокъ изъ писемъ, мысли и зам. (Безъ подписи Пушкина).—„Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятія о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности пожертвовать всѣмъ для поддержанія какого нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бодрѣ шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Феодоръ, уничтоживъ сію слѣсивую дворянскую „опозицію, сбѣ-

дѣланье карьера точно есть измѣнившееся мѣстничество“... „Если карьерство распространить свое пагубное вліяніе, если оно замѣнить и простое, безотчетное желаніе служить, бывшее у нашихъ предковъ, и высокое чувство быть полезнымъ отечеству, которое должно одушевлять насъ, безъ всякаго искательства наградъ и почестей, то мы не въ большомъ выигрышѣ останемся отъ своего новаго образованія. Благодаря новому образованію, и безъ того уже мы замѣнили кулачное право нашихъ предковъ ничтожнымъ point d'honneur, которое велитъ драться за неучтливое слово, прерывая бездѣлничество и наглость шпагою или пистолетомъ; мы перестали пить и играемъ въ карты; мы не запираемъ женъ своихъ и промотались на ихъ наряды: обмѣны невыгодны! Промѣнять мѣстничество на карьерство не значить сдѣлаться просвѣщеннѣе своихъ предковъ... Неужели же напрасно сжегъ ты Разрядныя Книги мудрый Θεодоръ? Неужели вотще дѣйствовалъ ты Великій Петръ, служа барабанщикомъ, солдатомъ и матросомъ? Но твоя дубинка еще цѣла и какъ хорошо было бы выгнать ею изъ многихъ головъ жалкую мысль дѣланья карьеровъ“... „Я сказалъ, что дѣланье карьера распространяется нынѣ и въ другихъ отношеніяхъ. Впрочемъ въ литературѣ дѣланье карьеровъ существовало прежде, а теперь оно совѣмъ упадаетъ, ограничиваясь развѣ самою бездѣлкою; дубинка критики неумолима, и отъ нея разлетѣлся уже кругъ знаменитыхъ друзей, высшая точка, до которой достигали на литературномъ карьерѣ“. Въ томъ же Живописцѣ—Литературныя и журнальныя рѣдкости.-- „Давно жалуется наши поэты на недостатокъ предметовъ поэзіи... Въ нынѣшнемъ году, бѣдность поэтическая дошла до послѣдней степени. Поневолѣ мѣста знаменитѣйшихъ поэтовъ нашихъ заступаютъ Г-да Шевыревы и Трилунные. . Что же придумали наши великіе поэты? Они даютъ перепечатывать свое старье, давно напечатанное,

далъ то, на что не рѣшились ни могучій Иоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ“. Тамъ же—въ слѣдующей замѣткѣ поэтъ говоритъ: „Гордиться славой своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе. „Государственное правило—говоритъ Карамзинъ—ставить уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному“. Греки въ самомъ своемъ униженіи помни и славное происхождение свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія. Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистью нѣкоторыхъ философовъ, служитъ только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?.. Среди этихъ же замѣтокъ находится благоговѣнный отзывъ о Карамзинѣ, заключающійся словами: „Повторяю, что Ист. Гос. Рос. есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка“. Сочин. V. 53—59.

не связываютъ журналисту, а тотъ бѣдный принимаетъ старину ихъ за новость! Стихи: Къ Цыганѣ, сочиненіе А. С. Пушкина, Къ П*** сочиненіе В. А. Жуковскаго, Цыганская Пѣсня, сочиненіе А. С. Пушкина (всѣ въ № 1 Славянина, сего 1830 г.); Четверостишіе, сочиненіе г-на Б. (въ № 13 Слав.) выдаются читателямъ за новость... Не совѣстно ли поэтамъ такъ жестоко шутить съ добродушнымъ журналистомъ! И безъ того сколько литературныхъ грѣховъ лежитъ на Славянинѣ и его издателѣ... Напримѣръ, онъ перепечатываетъ стихи изъ Лит. Г. и увѣряетъ, что это дѣлается для ознакомленія публики съ нею. Бѣдная Лит. Г.! Славянинъ принужденъ знакомить тебя съ публикою!“ ...

Л. Г. № 56. Окт. 6. — Шевыревъ отозвался изъ Рима на выходеу Булгарина (въ С. П. № 94), уличая въ недостоверности сообщеній и требуя отчета. Въ томъ же № рецензія на сатирич. романъ Сем. Селивановскаго — „Купеческій сыновъ или слѣдствіе неблагораз. воспитанія“. Рецензентъ приводитъ романъ въ связь съ издателемъ М. Т. — „...Русскій историкъ теряетъ на пустяки драгоценное время, которое бы ему слѣдовало посвятить изученію отечественнаго языка и нужнымъ размышленіямъ; или употребить оное на скорѣйшее изданіе очень запоздалыхъ №№ М. Т. Самонадѣянность заразительна. Мы не смѣемъ подозрѣвать издателя Телегр. въ сочиненіи нравственно-сатирическаго романа „Купеческій сыновъ“; но какъ не согрѣшить и не замѣтить, что сочинитель сей жизни писалъ подъ его вліяніемъ“ ... „Въ 14 № М. Т. дабы намегнуть читателямъ, въ какомъ родѣ эта книжица, помѣщена вмѣсто разбора брань не на нее, а на Л. Г. и кн. Вяземскаго, стараніями коего Тел. былъ поставленъ на степень хорошаго журнала. Но едва кн. Вяземскій пересталъ участвовать, то похвалы ему прекратились и благодарность пропала, которой впрочемъ онъ никогда не требовалъ, равно какъ Л. Г. не ищетъ оправдываться въ обвиненіяхъ Тел., С. П. и С. О. Мы разъ уже сказали и теперь повторимъ, что мы ничего общаго съ сими журналами не имѣемъ. Цѣль нашей газеты не деньги, а Литература. Писатели, участвующіе въ нашемъ изданіи, желали, чтобы издавалась Газета, въ которой бы могли они безпристрастно и нелицеприятно говорить о литературѣ Русской и иностранныхъ, не находя препятствій въ коммерческихъ видахъ издателя. Какъ они желали, такъ и исполнилось“ ...

С. П. № 120. Окт. 7. — „Я чрезвычайно благодаренъ

одной Газетѣ: она усыпляетъ меня ежедневно гораздо скорѣе всѣхъ наркотическихъ средствъ, а это также не малая польза“.

Л. Г. № 58. Окт. 13.—Издатель объявляетъ о подпискѣ на слѣдующій годъ изданія Л. Г., которая будетъ попрежнему выходить въ свѣтъ, несмотря на то, что „нѣсколько журналистовъ, которымъ Лит. Газ. кажется печальною и очень скучною, собираются нанести ей рѣшительный, по ихъ мнѣнью, ударъ: они хотятъ въ концѣ года обрушить на нее страшную громаду брани, доведенной ими до *pes plus ultra* неприличія и грубости и тѣмъ отбить у нея подписчиновъ. „Но издатель“ не будетъ отбраниваться даже и тогда, когда сверхъ всякаго чаянія демонъ корыстолюбія имъ овладѣетъ: ибо вышеупомянутые журналисты безъ всякаго посторонняго участія вредятъ себѣ, ежедневно хвастая передъ читателями положительнымъ своимъ невѣжествомъ и ничуть не любезными душевными качествами“. Лит. Газ. № 59. Окт. 18.—По поводу одной санитарно-гигиенической книжки было сказано слѣдующее: „Здѣсь мѣсто сказать, что отечественная заботливость Монарха, мѣры и распоряженія, принятыя правительствомъ, и обильное снабженіе здѣшной столицы всѣми предохранительными средствами, отстраняютъ отъ насъ, жителей Петербурга, самую тѣнь опасности. Да и опасность не такъ велика, какъ нѣкоторые воображаютъ ее. Жаль, что иногда представляютъ намъ ее въ слишкомъ увеличенномъ видѣ. Въ доказательство приведемъ перечень одного письма изъ Астрахани отъ 18 сент.... Въ № 103 Сѣв. Пч. помѣщено извѣстіе о холерѣ, гдѣ между прочимъ сказано, что въ Астрахани изъ 12 частныхъ приставовъ умерло 8. Откуда гг. издатели почерпнули это свѣдѣнїя, Богъ знаетъ; и какъ можно напечатать, что въ Астр. 12 частей, когда въ Петербургѣ ихъ только 13? Издателямъ С. П. стыдно не знать статистики Рус. Царства; но со всѣмъ тѣмъ, ошибочная статья напечатана во всенародное извѣстіе. Въ Астр. 3 части, столько же частныхъ приставовъ и 12 квартальныхъ надзирателей, изъ сихъ послѣднихъ 8, равно какъ и полицмейстеръ и одинъ част. приставъ точно были больны, но ни одинъ не умеръ“. Затѣмъ опровергается достовѣрность и другихъ цифръ, сообщаемыхъ С. П. „Все это взято мною — заанчивается корреспонденція — изъ официальныхъ бумагъ“...

С. П. № 126. Окт. 21. — Увѣдомленіе. — „С. П., изъ уваженія къ своимъ читателямъ и по чувству собственнаго достоинства, почитаетъ неприличнымъ отвѣчать на брань и нелитературныя выходы, печатаемыя почти въ каждомъ № такъ

называемой Литературной Газ. Но бывают случаи, въ коихъ молчаніе неизвинительно. Такой случай представился нынѣ. Въ № 59 сей Лит. Газ. напечатано письмо, яко бы полученное Издателемъ оной изъ Астр., и въ семь письмѣ увѣдомляютъ ихъ, что извѣстія, помѣщенные въ С. П. о смертности, бывшей въ Астр., ложны. Гг. Издатели Л. Г. присовокупили къ тому собственное свое благонамѣренное замѣчаніе, въ которомъ говорятъ, что С. П. пугаетъ народъ, когда должна его успокоивать. — Издатели С. П. честь имѣютъ объявить, что они не брали и нивогда не возьмутъ на себя роли пугать или успокоивать кого бы то ни было ложью и выдумками: они не помѣщаютъ въ своей газетѣ никакихъ частныхъ увѣдомленій о ходѣ и распространеніи холеры, а печатаютъ одни тѣ извѣстія, которыя сообщаются имъ оффиціально Высшимъ Правительствомъ, извлеченныя изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ. И самое то обстоятельство, что въ оффиціальномъ извѣстіи, напечатанномъ въ С. П., о состояніи Астр. показано умершихъ болѣе нежели въ частномъ письмѣ Л. Г., должно убѣдить публику, что Правительство дѣйствуетъ во всемъ откровенно, слѣдовательно, что ему одному должно вѣрить, и на него только надѣяться, оставляя безъ вниманія слухи, толки и частныя извѣстія, распространяемыя по внушенію мелкихъ страстей или по какимъ-нибудь видамъ“.

Л. Г. № 60. Окт. 23. — „С. П. давно уже упрекаетъ Л. Г. въ охотѣ клеветать на нее. Она два раза уже укоряла издателя оной, будто бы онъ выдумалъ, что г. Θ. Б. пишетъ романъ: Петръ Ив. Выжигинъ; теперь же въ 126 № не вѣритъ существованію письма, изъ коего въ 59 № Л. Г. выписано доказательство, какъ С. П. бываетъ не точна въ своихъ извѣстіяхъ. Издатель Л. Г. приглашаетъ издателей С. П. собственными глазами убѣдиться въ достовѣрности и оффиціальности сего письма; оно находится у него; а на первыя укору отвѣчаетъ, что онъ о рожденіи новаго Выжигина слышалъ отъ Н. И. Греча и отъ книгопродавца, торговавшего его. Для полнаго же доказательства, что Л. Г. безпристрастна, издатель ея давно уже желаетъ, чтобы г. Θ. Б. написалъ хорошій романъ; хвалить же Ив. Выжигина и Дм. Сам. нѣтъ силъ. Что же дѣлать! Какъ же быть!“

С. П. № 130. Окт. 30. — Косвенныя нападки на Л. Г. на несправедливость и пристрастіе ея литературныхъ приговоровъ.

Л. Г. № 65. Нояб. 17. — Рецензія на Ист. Рус. Народа т. 2. — „... И во второмъ томѣ видимъ арлекинскую пестроту

выписовъ, суждений, не сливающихся искусныхъ соображеній отгѣнковъ съ главною основою, но выдающихся въ глаза яркими заплатами, вшитыми кое-какъ въ основу, худо сотканную... И здѣсь, какъ въ первомъ томѣ, а можетъ быть еще и болѣе, накинута на Ист. Рус. Нар. влочки, вырванные на удачу изъ Гизо, Тьери, Кузения и многихъ другихъ. Не всегда можно по горячимъ слѣдамъ уличить Автора въ похищеніи; но по неловкости его, по противорѣчію одѣянія его угадываешь, что онъ ходитъ въ чужомъ платьѣ и пр. и пр.“.

С. П. № 141. Нояб. 25. — Сочувственное извѣщеніе о подпискѣ на М. Т. 1831.

С. П. № 150. Дек. 16. — Объявленіе о выходѣ „Петра Выжигина“.

Въ дополненіе къ этой полемикѣ — 30 г. слѣдуетъ упомянуть, что она поддерживалась также Сѣв. Меркуріемъ, журналомъ, издаваемымъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Издатель напалъ на Л. Г. по примѣру другихъ за кумовство и недобросовѣстность литературныхъ приговоровъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду бар. Дельвига; но затрогивалъ и Пушкина. Нѣтъ нужды слѣдить за шутовскими нападками Бестужева-Рюмина и считаться съ его вмѣшательствомъ въ полемику; достаточно отмѣтить, какого тона держался онъ, разжигая вражду, чтобы понять ихъ мѣсто и значеніе среди нападокъ Полевого и Булгарина. — Въ № 49. С. М. Апр. 23 былъ помѣщенъ рассказъ: Сплетница; вотъ онъ въ главной своей части: „Ну, вотъ, мать моя Матрена Алекс. — всѣ благоразумные люди предвидѣли, что дружбѣ твоей съ Маврой Ивановной и Эмилией Венедиктовной не долго сдобровать; но никто не могъ угадать, чтобы миръ вашъ недавно заключенный рухнулъ такъ скоро“. Такъ кричала Аделаида Антоновна Габенихтсина ¹⁾, пріѣхавъ въ Матренѣ Алекс. Лѣсной ²⁾. — Прежде нежели я опишу сію сцену, нужнымъ нахожу предварительно сказать читателямъ нѣсколько словъ о лицахъ, которыя въ ней дѣйствуютъ. Мавра Иван. Крупица ³⁾, Эмилія Венедик. Критиковская ⁴⁾, Матрена Алекс. Лѣсная и Аделаида Анг. Габенихтсъ — всѣ 4 суть содержательницы магазиновъ, въ коихъ торгуютъ они одинаковыми товарами, только различной доброты. М. И. Крупица и Э. В. Критиковская содержатъ одинъ магазинъ пополамъ, а М. А.

¹⁾ Бар. Антонъ Дельвигъ.

²⁾ Н. А. Полевой.

³⁾ Н. И. Гречъ.

⁴⁾ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ.

Лѣсная торгуетъ въ немъ одна. Эти два магазина лучшіе противу прочихъ; оттого они болѣе любимы публикой и привлекаютъ къ себѣ болѣе прочихъ покупателей. Правда, случаются иногда и въ этихъ двухъ магазинахъ, по неосмотрительности хозяекъ, товары не совсѣмъ хорошей доброты; но можно ли въ постоянной торговлѣ соблюсти всегдашнюю аккуратность (коммерческое выраженіе)?... А. А. Габенехтсина открыла свой магазинъ очень недавно, не болѣе четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ. Разумѣется, она въ первый разъ, подобно другимъ магазинщицамъ, пустилась на хитрости: сдѣлала приманчивую вывѣску къ своему магазину, и объявила, что она открыла его не для всей публики, но только для нѣсколькихъ своихъ пріятельницъ, будто бы не хотѣвшихъ выставятъ на показъ въ другихъ магазинахъ свое руководѣлье. Если правду говорить, то она, при открытіи своего магазина имѣла цѣль довольно основательную; нѣкоторыя изъ реченныхъ ея пріятельницъ работали прежде прилежно, стараясь по возможности представлять издѣлія свои въ лучшемъ видѣ, и потому продавали ихъ весьма успѣшно, хотя и крайне дорогою цѣною. Впослѣдствіи онѣ, избалованныя тѣмъ, что имѣли много покупателей, стали лѣниться и начали работать кое-какъ лишь бы съ рукъ сбыть, да взять денежки. Публика, увидѣвъ, что за рѣшительный вздоръ по 5 или 10 рублей платить не для чего, естественно охладѣла къ покупкѣ руководѣлья пріятельницы Адел. Антон... Эта послѣдняя, видя, что дѣло приходится плохо, разсудила открыть свой магазинъ, чтобы имѣть случай подавать голосъ въ пользу своей пріятельницы и защищать ихъ отъ огласки другихъ магазинщицъ, которыя начали указывать на нихъ пальцами. Если теперь поступаетъ въ продажу что-нибудь изъ руководѣлья ея пріятельницъ, то Адел. Антон. такъ и рассыпается мелкимъ бѣсомъ, и не знаетъ, какъ бы лучше расхвалить мастерство дорогой кумушки. Такъ, напр., однажды она восклицала: „Купите, мои милостивцы, купите, мои родные, купите, мои голубчики! Эта штучка произведетъ надъ вами такое же дѣйствіе, какъ зрѣлище нѣкогда милыхъ намъ мѣсть, но уже оставленныхъ тѣми особами, которыя ихъ одушевляли. Прелесть ихъ не измѣнилась: но мы (Выноска: Въ этомъ случаѣ подъ словомъ мы Ад. Ан. разумѣла себя и ту мастерицу, о работѣ коей шло дѣло, которая невидимо для покупателей подсказывала ей рѣчь сію), разсматривая ихъ, напрасно хотимъ воскресить въ душѣ тѣ чувствованія, которыми наполнялась она въ прежнее время. Мастерица до такой степени совершенства довела искусство

свое, что вы, пока еще не успѣете замѣтить онаго, станете мысленно укорять мастерицу въ недоконченности цѣлой ея работы. Но это желаніе переменъ въ чувствованіяхъ и неудовлетворенность надеждъ, есть верхъ искусства художницы. Власть ея надъ нами столь сильна, что она не только вводитъ насъ въ кругъ изображаемыхъ ею предметовъ, но изгоняетъ изъ души нашей холодное любопытство, съ которымъ являемся мы на зрѣлища постороннія, и велитъ намъ участвовать въ дѣйствіи самимъ, какъ будто оно касалось до насъ собственно. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ объ одномъ королѣ, который бывалъ недоволенъ собою, слушая своего проповѣдника“. Окончивъ длинную сію панегирику, А. А. прокричала *da capo*: „купите, милостивцы, купите, мои родимые, купите, мои голубчики!“ — Въ другой разъ кто-то замѣтилъ А. А., что въ расхваливаемомъ ею руководѣльницѣ ея пріятельницы есть много чужого, принадлежащаго искусству другой художницы. Ахъ, какъ тогда разворчалась А. А. Вотъ что она говорила: „Что вы, что вы, злые люди. Мастерство дорогой моей Александры Серг. ¹⁾ лучше всѣхъ защитниковъ отвѣчаетъ за себя своими красотами!... Если чѣмъ она и занялась отъ другихъ, то сими хищеніями удачно, съ искусствомъ ей свойственнымъ, украсила превосходное свое руководѣлье!“ Въ третій разъ при выставѣ одной старой работы, которая была уже извѣстна, А. А. восселицала: „Добрые люди! глядите и пересматривайте съ восхищеніемъ это поновленное руководѣлье дорогой моей кумушки Ал. Серг. Человѣкъ не лишенный чувства изящнаго не устанетъ смотрѣть на подобныя вещи, какъ охотникъ до жемчуга пересматривать богатое ожерелье. Въ каждый новый разъ удовольствіе усугубляется, потому, что все болѣе и болѣе убѣждаешься въ неподдѣльной красотѣ этой цѣнности. Дорогая моя кумушка Ал. Сер. достигла въ этой вещи до неподражаемой зрѣлости искусства и во многихъ мѣстахъ обнаружила истинное дарованье, съ большимъ блескомъ, впоследствии развившееся въ двухъ другихъ ея руководѣліяхъ (NB изъ коихъ одно, по словамъ А. А.), хотя и за 5 лѣтъ передъ симъ сдѣлано, но кромѣ ея, Ад. Антон. и дорогой ея кумушки Алекс. Серг., едва ли и двумъ еще христіанскимъ душамъ извѣстно; слѣдственно невѣдомое для всѣхъ можно превозносить до *nes plus ultra*. Кто будетъ спорить о томъ, чего не знаетъ? Уловка мастерская! — Хитра же А. А.! Честь ей и слава! *Vive l'amitié!*“ № 50. Апр. 25. — „Изъ всего

¹⁾ Пушкинъ.

вышесказаннаго читатели ясно видятъ (впрочемъ они давно уже знали это и безъ сего указанія), что А. А. большая художница въ искусствѣ расхваливать рукодѣлье своихъ пріятельницъ. Мы люди безпристрастные и скажемъ, что одна изъ нихъ, о которой говорено выше, Алекс. Серг. дѣйствительно была прежде изъ лучшихъ мастерицъ въ своемъ родѣ, но начавъ лѣниться, стала рукодѣльничать плохо, думая, что покупатели не разглядятъ истиннаго достоинства новой ея работы, которая попрежнему будетъ сходить съ рукъ удачно. Но вышло совсѣмъ иначе. Между тѣмъ какъ въ послѣдствіи появились новыя молодыя художницы, которыя и первыми опытами своего искусства поселили во всѣхъ пріятную и несомнѣнную надежду, что онѣ въ скоромъ времени, если не перещеголяють Алекс. Серг., то по крайней мѣрѣ войдутъ въ счастливое съ нею соперничество. Разумѣется, что это произвело роковой ударъ для сей послѣдней, которая, бывъ сама чрезвычайно убѣждена въ превосходствѣ своего дарованья, самолюбивѣе въ этомъ отношеніи всякой другой. Изъ числа сихъ грядущихъ соперницъ Алекс. Серг. можно отличить противу прочихъ Людм. Иван., родомъ Кіевлянку; жаль, что произведеніе ея забыто мною, но оно, если не ошибаюсь, напоминаетъ что-то о прекрасной Подоліи ¹⁾. Людм. Ив. недавно представила одно весьма милое произведеніе своего искусства, которое только что попало въ руки Ад. Ант., сдѣлалось жертвою своевольныхъ ея причудъ: оно по силѣ такого-то § устава, утвержденнаго при заключеніи ею съ своими пріятельницами завѣтнаго союза, изгрызла зубами и исцарапала когтями маленькое рукодѣлье Людм. Ив. и пр. и пр.“. Далѣе воспроизводятся другія подробности уже изложенной полемики въ такомъ видѣ: Ад. Ант. пріѣзжаетъ въ магазинъ къ Лѣсной и напоминаетъ ей выраженія изъ Сына От., относящіяся къ ней, истолковывая ихъ въ дурную сторону; но Лѣсная, разсердившись, расеричалась на нее, обозвала сплетницей и Ад. Ант. „пристыженная“ выбѣгаетъ стремглавъ изъ магазина; толпа уличныхъ ребятишекъ бѣжитъ за ней и кричитъ: „сплетница, сплетница!“...

Въ 1831 г. обстоятельства во всѣхъ отношеніяхъ перемѣнились и полемика не могла развиваться въ тѣхъ же условіяхъ. Булгаринъ и Полевой охладѣли другъ къ другу и перемиріе ихъ кончалось; послѣ выхода первыхъ номеровъ Л. Г. скончался

¹⁾ Подолинскій. Поэма: Нищій, на которую Дельвигъ помѣстилъ въ Л. Г. несовѣстную рецензію.

бар. Дельвигъ, и журналъ вскорѣ прекратился. За то Надеждинъ основалъ Телескопъ и въ немъ продолжалъ нападки на Полевого и Булгарина; но журналъ Надеждина не могъ замѣнить Пушкину Л. Г., несмотря на примиреніе двухъ бывшихъ враговъ, отношенія ихъ никогда не стали дружественными. Одинъ случай далъ Пушкину поводъ помѣстить въ Телеск. двѣ полемическія статьи, направленныя противъ Булгарина. Въ нихъ безъ прежняго возбужданія, но уже безъ всякаго иносказанія клеймится литературная дѣятельность жалкаго писателя, достигшаго происками и оборотливостью огромнаго вліянія. Эти полемическія статьи были послѣдними. Между тѣмъ вражда со стороны противниковъ продолжалась, преимущественно въ М. Т.; Булгаринъ, оставленный въ покоѣ, пріутихъ, держась въ своихъ критическихъ отзывахъ умѣреннаго тона охлажденія къ поэту. Идеиная вражда Полевого должна была быть упорнѣе...

Л. Г. № 3. 11 янв.—Объявленіе. „Переписываются на бѣло: „Записки Марфы Ивановны Выжимвиной“, или совершенно новый правоописательно-сатирической, географо-исторической и нравственно-поэтической романъ XIX вѣка“. „Читая неоднократно въ С. П. о томъ, что публику страхъ какъ занимають рассказы Ив. Ив. Выжигина, и что скоро появится на позорище міра новорожденный П. И. Выжигинъ и сличая съ рассказами перваго записки о собственныхъ приключеніяхъ и наблюденіяхъ, г-жа Выжимкина рѣшилась обнародовать оныя записки (истинный романъ!) въ твердомъ и совершенномъ убѣжденіи, что онѣ будутъ не менѣе занимательны и еще болѣе добротны. Итакъ сей романъ раздѣляется на 3 части: 1) просто романическая до французской компаніи, 2) историческо-романическая во время компаніи, 3) романическо-сатирическая послѣ компаніи. При каждой части она намѣрена приложить портретъ свой, одинъ во время ребячества ея, другой во время французской войны въ самомъ цвѣтѣ ея (сдѣланный прекраснымъ вѣнскимъ художникомъ), а третій уже послѣ войны подъ старость. Обращики сего романа будутъ на показъ помѣщены въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ; портреты и образцы типографской работы будутъ выставлены за стеклами въ книжныхъ магазинахъ и пр.“. Подписано С. П. Галуховскій.

С. П. № 5, янв. 13.—Жалобы на рѣзвія нападки Л. Г.; осужденія пріятельскаго пристрастія, цѣли изданія—для нѣкоторыхъ, для немногихъ, наконецъ упорной вражды къ Булгарину. „Какую бы книгу ни разбирали въ Л. Г., всегда приплетутъ имя автора Выжигина... О чемъ бы ни разсуждали гг. изда-

тели сей Газ., всегда начнется или кончится бранью на автора Выжигина. Всѣ старанія, всѣ усилія Л. Г. клонятся къ тому, чтобы лишить издателя Пч. и автора Выжигина благосклонности публики, и, какъ говорится, натолковать, накричать, что издатель Пч. и авторъ Выжигина и Дм. Самозванца не должны быть читаемъ публикой. По счастью Л. Г. издается не для публики, а для нѣкотораго числа писателей! Многіе удивляются долготерпѣнію издателя С. П. и автора Выжигина и Самозванца, который, будучи бранимъ самымъ непристойнымъ образомъ черезъ каждые шесть дней, и не вздумаетъ сказать слово въ свое оправданіе. Не сказалъ и не скажетъ, а представляетъ рѣшеніе дѣла здравому смыслу публики, которая всегда справедлива и безпристрастна въ своихъ сужденіяхъ и всегда беретъ сторону тѣхъ, которыхъ хотятъ оскорблять изъ личностей. Публика любитъ жрецовъ музъ, а не жрецовъ Немезиды“.

Моск. Т. № 1. Янв. — Журналы и газеты русскіе.— Указываются недостатки С. П., безцвѣтность, отсутствіе опредѣленныхъ, прямыхъ литературныхъ мнѣній: „мнѣнія ихъ (издателей) какъ то неискренни, не рѣзки, и болѣе похожи на ложную тревогу въ мирномъ лагерѣ, нежели на открытый бой съ нестерпимымъ врагомъ. Въ извѣстіяхъ о книгахъ они стараются сказать ничего рѣшительнаго или обращаютъ свои стрѣлы на предметы, не стоющіе того. Странно читать нападенія жестокия на переводы нелѣпныхъ книгъ,... между тѣмъ, какъ вздорныя произведенія литературной знаменитости и злоупотребленія литераторовъ съ именемъ получаютъ отзывы двусмысленныя!“

С. П. № 6. Янв. 15: „Издателю Моск. Т., конечно, памятно прежнее изданіе С. О. и бывшія въ ономъ критики... Просимъ вспомнить, что въ Сѣв. Арх. была высказана знаменитымъ литераторомъ вся правда. Въ С. П. также никогда не называли бѣлаго чернымъ, а чернаго бѣлымъ и пр.“

Моск. Т. № 2. Янв. Рецензія на „Бор. Год.“, въ которой рецензентъ (Полевой) говоритъ, что трагедія есть великое созданіе русскаго поэта; въ ней Пушкинъ становится „выше всѣхъ современныхъ русскихъ поэтовъ“; но въ смыслѣ обще-европейской поэзіи только „надежда на будущее.“ „Первый опытъ поэта въ новомъ родѣ,—смѣлъ, отваженъ, великъ для русскаго поэта, но не полонъ, не вѣренъ для поэта нашего вѣка и Европы... Языкъ Русскій доведенъ въ „Бор. Год.“ до послѣдней, по крайней мѣрѣ, въ наше время степени совершенства; сущность творенія, напротивъ, запоздалая и близорукая: и могла ли она не быть такою даже по исторической основѣ творенія, когда

Пушкинъ рабски влекся по слѣдамъ Карамзина въ обзорѣ со- бытій, и когда посвященіемъ своего творенія Карамзину, онъ невольно заставляетъ улыбнуться, въ дѣтскомъ какомъ-то рабо- дѣпствѣ называя Карамзина — Богъ знаетъ чѣмъ! Это дѣлаетъ честь памяти и сердцу, но не философіи поэта!..“ Эти мысли были развиты Полевымъ въ М. Т. 33 г. №№ 1 и 2¹⁾.

Въ № 9 Телескопа была помѣщена рецензія на слѣдующія книги: „Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ или дѣти Ив. Выжигина. Соч. А. Орлова. — Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ив. Выжигина, романъ А. Орлова. Смерть Ив. Выжигина, нрав- ственно-сатирической романъ; сочиненіе А. Орлова съ портре- томъ Автора и родословною Ив. Выжигина“, а также новый романъ Булгарина. Этотъ Орловъ былъ бездарный литераторъ, писавшій одинъ за другимъ романы какъ бы въ пародію Булгаринскимъ, — совершенно ремесленные и нелѣпые. Рецензентъ Телескопа, разбирая эти нелѣпые романы наравнѣ съ Булгаринскими, не дѣлая различія между тѣми и другими, вызвалъ понятное воз- мущеніе въ С. О. Въ № 27 Гречъ вступился за литературную славу своего друга. ... „Нѣтъ номера Телескопа или его спутницы Молвы, въ которыхъ не былъ бы задѣтъ или побраненъ Ѳ. В. Булгаринъ. Читателямъ С. П. и С. О. извѣстно, что на всѣ эти выходки и брани не отвѣчалъ онъ ни строкою, ни словомъ. Казалось, это долженствовало бы притупить злобу неумоимаго наѣздника? Нѣтъ! Нынѣ въ 9-ой книжкѣ Телеск. она разра- зилась съ большей противъ прежняго яростью въ рецензіи на новый романъ Булгарина: П. И. Выжигина... Тамъ взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки, сочи- ненныя какимъ-то Орловымъ и выписки изъ нихъ смѣшали съ вы- держками изъ романа Булгарина, приправили все это самыми площадными и низкими ругательствами и, такимъ образомъ, рѣ- шили достоинство новаго сочиненія. Этого не довольно. Вывели вновь на сцену прежняго Выжигина и стали надъ нимъ издѣ- ваться, остриться и тупиться. Эти несчастные не постигаютъ, какую пользу Ив. Выжигинъ принесъ нашей читающей пуб- ликѣ. Въ семь романѣ выставлены не карикатуры, а вѣрныя

¹⁾ Убѣжденіе, что Пушкинъ при созданіи своей трагедіи, былъ въ зависимости отъ Исторіи Карамзина, перешло, какъ извѣстно, и къ Вѣлинскому. Нынѣ, благо- даря точному сличенію источниковъ, которыми пользовался Пушкинъ для своей трагедіи съ Исторіей Карамзина и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ пр. Жданову удалось доказать, что никакой зависимости не было, что Пушкинъ пользовался лѣтописными источниками. Вѣлинскій не занимался изученіемъ исторіи и оцѣба его понятна, но ошибка автора Ист. Рус. Нар., выпускавшаго тогда въ свѣтъ свое сочиненіе — едва ли простительна.

изображенія среднихъ классовъ нашего общества, коснѣющаго въ веригахъ непросвѣщенія и всѣхъ происходящихъ оттого недостатковъ и пороковъ. Именно, то свидѣтельствуется въ истинѣ и вѣрности наблюденій и картинъ нашего автора, что книга его разоплась въ публикѣ средняго состоянія. Польза отъ сего чтенія очевидна, и только одна законсѣлая невѣжественная зависть можетъ утверждать противное. Смѣшно, что нѣкоторые наши критики, какой-нибудь приглашенный кваскомъ семинаристъ или крещеный въ чернилахъ канцелярскій чиновникъ, съ гордостью и чванствомъ вступаются за права высшей публики по тону и образованію и ея именемъ изрекаютъ проклятіе картинамъ народнымъ! Мы сбили! мы рѣшили!..“ „Побранивъ порядкомъ Ив. Ив., Рецензентъ нападаетъ на Петра.—Бранить немилосердно, а самъ пустословить еще немилосерднѣе. Вотъ въ чемъ онъ обвиняетъ новый романъ: „Ему, Автору, неизвѣстны самыя главныя обстоятельства священной отечественной войны, ибо онъ называетъ князя Кутузова Свѣтлѣйшимъ передъ Бородинскимъ сраженіемъ, когда онъ былъ еще только графомъ. Онъ не знаетъ русскихъ нравовъ и обычаевъ, поелику заставляетъ солдатъ читать наизусть подробныя реляціи о сраженіяхъ, воихъ цѣлость всегда составляетъ тайну Главнокомандующаго вождя; выводитъ священника въ полномъ облаченіи изъ дому тогда, какъ полное облаченіе употребляется только въ церкви при литургіи; рядитъ бѣжавшаго секретаря на деревенской сходкѣ въ треугольную шляпу и бѣлое исподнее платье, употребляемое только при парадныхъ казусахъ и въ городѣ. Наконецъ, онъ идетъ совершенно вопреки русскому духу, ибо результатъ всей его безжизненной жизни есть положеніе, что гласъ народа, наперекоръ исконной русской пословицѣ, не есть гласъ Божій! Положеніе ложное и выгодное развѣ только для фамиліи Выжигиныхъ!“—И вотъ всѣ вины, на основаніи воихъ произнесенъ ругательный приговоръ надъ новымъ романомъ! Постараемся доказать нашимъ читателямъ, что если можно и должно критиковать П. И. Выжигина, то не издателю Телескопа: бѣднѣй спотыкается на каждомъ шагу. Во-первыхъ: Обстоятельства отечественной войны извѣстны автору романа гораздо лучше, нежели его рецензенту: Мих. Илл. Голенищевъ-Кутузовъ возведенъ въ княжеское Россійской имперіи достоинство въ концѣ Іюля 1812 г. (см. № 61 Сѣв. почты 31 Іюля 1812 г.). Слѣдственно, за мѣсяць до Бородинскаго сраженія. Правда-ли? — Во-вторыхъ: плачь сраженія до исполненія онаго составляетъ тайну Главнокомандующаго, а не самое сраженіе.

По окончаніи боя все извѣстно всякому, кому о семъ вѣдать надлежить. Въ романѣ Булгарина солдаты толкуютъ о томъ, что видѣли и слышали. Это бываетъ ежедневно, никому не удивительно и иначе быть не можетъ. — Въ третьихъ: Въ сужденіяхъ о рясахъ, кутѣ и т. п. предоставляемъ мы охотно первенство нашему рецензенту: ученому и книги въ руки. Только замѣтимъ, что Священникъ, въ упоминаемомъ мѣстѣ, вышелъ изъ дому не въ гости и не въ поле, а навстрѣчу подступающему непріятелю, вышелъ со крестомъ и святою водою. Въ четвертыхъ: Рецензентъ хочетъ выставить, что Авторъ романа нарядилъ бѣлаго секретаря щеголемъ. Нѣтъ! Секретарь выходитъ изъ дому въ статскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треугольной бурой шляпѣ, со шпагой, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ платьѣ и въ сапогахъ до колѣнъ. И будто этого быть не могло? Извѣстно, что впадшіе въ бѣдность люди сперва изнашиваютъ свое ordinarilyе платье, а потомъ уже ходятъ въ парадномъ, которое тѣмъ карикатурнѣе, чѣмъ наряднѣе оно было выкроено. Это, именно, замѣчательная черта народныхъ костюмовъ. Въ пятыхъ: Пословица: гласъ народа—гласъ Божій, не есть коренная русская, а переведена съ латинской (Vox populi—vox Dei). Она вошла въ русскій языкъ путемъ книжнымъ и народною никогда не бывала. Г. Булгаринъ, какъ должно честному человѣку, возстаетъ противъ ея приложенія, отдавая справедливость памяти Польоводца, которому благодарное потомство воздвигаетъ монументъ, но котораго современная толпа провозгласила было предателемъ и трусомъ. Голосъ толпы никогда не можетъ быть голосомъ правды и благоразумія. Не говоря уже о томъ, что на этомъ голосѣ основано правило самодержавія народовъ, пагубное начало и первая причина всѣхъ нынѣшнихъ неустойствъ въ Европѣ, спрошу: можно ли напр. лечить отъ холеры по голосу народа? Еще спросите у народа: что ходитъ, солнце или земля? хорошо ли, когда тринадцать человѣкъ садутъ за столъ? и т. п. А все это голосъ народа! — И Телескопъ называется журналомъ современнаго просвѣщенія! “Послѣ уличенія Телескопа (на двухъ съ половиной страницахъ) въ несправедливыхъ придиркахъ въ слогу и въ безграмотности самого журнала, берущагося судить другихъ,—слѣдуетъ Post scriptum: „Булгаринъ живетъ въ деревнѣ своей подлѣ Дерпта и не читаетъ Телескопа (онъ просилъ не посылать ему вздоръ); но я долгомъ почелъ вступить за товарища. Я рѣшился на сіе не для того, чтобъ оправдывать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и та-

ланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ, а для того, чтобы сорвать личину съ шарлатанства и показать публикѣ отечественной, кто и какъ у насъ судять о произведеніяхъ литературы и о литераторахъ. Говорять, что я сими замѣчаніями накликаю на себя тьму ругательствъ. А мнѣ какое до того дѣло? Я исполнилъ долгъ честнаго человѣка. Меня и такъ эти люди бранятъ безошадно, пусть же будетъ у нихъ теперь какой-нибудь предлогъ.“ Н. Гречъ. Въ № 18 Телеск. была помѣщена статья Пушкина, написанная въ отвѣтъ Гречу: „Торжество дружбы, или оправданный Алекс. Анѣим. Орловъ“,—съ знаменательнымъ для Пушкина эпиграфомъ: *In aequalibus descendit*. Статья представляетъ образецъ художественно-написанной литературно-критической шутки. Поэтъ съ добродушной веселостью воспроизводитъ всѣ основныя положенія статьи Греча, не исключая и того, что „Ѳад. Венедикт. Булгаринъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Дерпта и просилъ его (Ник—аю Ив—чу) не посылать въ нему вздоръ“, и присоединяя ко всѣмъ положеніямъ заключительный выводъ: „И что, слѣдственно, Ѳ. В. Булгаринъ своими талантами и трудами приноситъ честь своимъ согражданамъ: что и доказать надлежало!“ Наконецъ, въ подробностяхъ сравнивъ Булгарина со своимъ „почтеннымъ другомъ Орловымъ“, отдаетъ предпочтеніе послѣднему; въ этомъ центральное мѣсто статьи: при равномѣрныхъ способностяхъ между романистами есть неравенство.— „Со всѣмъ тѣмъ, Алекс. Анѣ. пользуется гораздо меньшею славой, нежели Ѳад. Вен. Что же причиною сему видимому неравенству? Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Ѳад. Вен., ловкаго товарища Ник. Иван. Иванъ Выжигинъ существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ С. А., С. П. и С. О. отзывались о немъ съ величайшей похвалой. Г-нъ Ансело въ своемъ путешествіи, возбудившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшаго Ив. Выж.. лучшимъ изъ русскихъ романовъ. Наконецъ Ив. Выж. явился и С. О., С. А. и С. П. превознесли его до небесъ. Всѣ винулись его читать; многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему не умолкали въ каждомъ № С. А., С. О. и С. П. Сіи усердные журналы ласково приглашали поупателей, ободряли, подстрекали лѣнливыхъ читателей; угрожали мести недоброжелателямъ не дочитавшимъ Ив. Выж. изъ единой низкой зависти“. ¹⁾ Но добродушный тонъ статьи переходитъ въ раздраженіе тамъ, гдѣ поэтъ

¹⁾ V 175.

касается отношеній, волновавшихъ его въ прошломъ году: „Двѣ глупѣйшія (глупѣйшія!), вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) внижонки!..“ „въ Москвѣ“; да, въ Москвѣ!.. Что же тутъ предосудительнаго? Почему такая выходка противу первопрестольнаго града?.. Не въ первый разъ замѣтили мы сію странную ненависть въ Москвѣ въ издателяхъ С. О. и С. П. Больно для русскаго сердца слушать такіе отзывы о Матушкѣ-Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, пострадавшей въ 1612 г отъ полявовъ, а въ 1812 отъ всякаго сброду. Москва донинѣ центръ нашего просвѣщенія; въ Москвѣ родились и воспитывались по большей части писатели коренные русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ *ubi bene—ibi patria*, все равно: бѣгать ли подъ орломъ французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все русское—были бы только сыты“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ слышатся отзывы личныхъ оскорбленій: Алекс. Ано. Орловъ не употреблялъ „никакыхъ вспомогательныхъ средствъ для достиженія своей славы, которыя употреблялъ Булгаринъ: „Онъ не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, не знающимъ русскаго языка. . Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ. Онъ не заманивалъ унизительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей. Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи. Онъ не отвѣчалъ ни на одну еретику; онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, устрицами“²⁾ и тому под.“ Вторая статья, написанная въ дополненіе къ первой: Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ. (Телеск. № 15) немного отличается отъ первой. Въ ней живо воспроизводится тонъ Булгаринскихъ статей и полемическія отношенія Булгарина къ Л. Г.—„Всему свѣту извѣстно,—говоритъ Теофилактъ Косичкинъ,—что никто постоянно моего не слѣдовалъ за исполнскимъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блистательныхъ твореній по части политики, точныхъ наукъ и чистой литературы вышли у насъ изъ печати въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (шагнувшаго такъ далеко впередъ) и обратили на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! Ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной статьѣ, отличающейся ученостью и глубокомысліемъ

¹⁾ Тамъ же 173.

²⁾ См. „Анекдотъ“ Булгарина, въ № 30 С. П., гдѣ сказано: „у котораго сердце холодное и вѣное существо, какъ устрица“.. Выше стр. 196.

и остроуміемъ... Полагаю себя въ правѣ объявить во услышаніе всей Европы, что я ничьихъ мизинцевъ не боюсь; ибо не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всё пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было, — Dixi. — Взявшись за перо, я не имѣлъ однако же цѣлю объявить о семь почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ-аристократамъ, (разумѣю слово сіе въ его ироническомъ смыслѣ), я никогда не отвѣчалъ на журнальныя критики "...¹⁾ Въ заключеніе предлагается программа новаго романа, который „поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ“: Настоящій Выжигинъ. Въ этой программѣ поэтъ представляетъ всё подробности сомнительнаго прошлаго Булгарина; глава 16 должна была называться: „Видокъ или массу долой!“

Отношенія враждебной стороны къ Пушкину продолжались въ такомъ родѣ. М. Т. № 17 Сент. Въ Новомъ Живоп. Литературный разговоръ. — Кн. Θ. „Кромѣ немногихъ исключеній разумѣется, все что явилось въ послѣднія 30, 40, 50 лѣтъ — есть чадъ, бредъ, круженіе головъ. И причина понятна: это порожденіе революціоннаго духа, который скоро долженъ пройти“. — Филофей: „Но Гете, Шатобрианъ, Пушкинъ никогда не были революціонерами. а между тѣмъ они романтики?“ Кн. Θ: „Да вотъ и наши товарищи: Я. Я. и П. П. тоже романтизма не отвергаютъ. Отчего? Оттого же, отчего во время революціи буянили и добрые люди; но революція прошла и они одумались и сдѣлались ультра-роялистами. Посмотрите, если Пушкинъ вашъ. не станетъ писать одъ классическихъ, когда будетъ постарше“. М. Т. № 18. Сент.... „Есть люди, которые могли бы установить у насъ критику истинную, но они или не хотятъ заниматься ею, или не имѣютъ средствъ. Самъ Пушкинъ съ его умомъ, его высокой образованностью и силой поэтическаго взгляда—могъ бы сдѣлаться критикомъ Европейскимъ,... но... мы знаемъ, какія критики пишутъ онъ нынѣ!“ М. Т. № 21. Ноябрь.—Въ Новомъ Живоп.-Сплетникъ (скоро): „Булгаринъ возвратился въ Петербургъ и пишетъ еще романъ; въ Москвѣ будутъ издавать альманахи. — Филофей: Кто у васъ тамъ? Спл. (скоро): Сѣверн. Брусника, Падучая Звѣзда, Бѣлена, Литературн. Колодезь. Знаете ли кто Косичкинъ, кто издалъ Повѣсти Бѣлена, кто написалъ Вечера на хуторѣ, кто издалъ (кашляетъ)... Фил.:

¹⁾ V. 179—180.

Отдохните, отдохните! Спл. (стараясь прокашляться): Булгаринъ... Пушкинъ... говорятъ тьфу... проклятый кашель "... Далѣе одинъ изъ собесѣдниковъ читаетъ посвященіе Евг. Онѣг. въ обратномъ порядкѣ строчекъ.

С. П. № 284. Декаб. — Послѣ жалобъ на общій упадокъ литературы, говорится о причинахъ упадка: „Оттого, что люди значительные талантами и положеніемъ въ свѣтѣ отказываются отъ участія въ литературѣ, у насъ нѣтъ единства, нѣтъ согласія, и малое число литераторовъ раздѣлилось на партіи, которыя искренно ненавидятъ другъ друга и стараются вредить своимъ противникамъ всѣми возможными средствами. Отъ этого бѣдная наша литература жестоко страдает! Нѣсколько человѣкъ съ дарованіемъ, или замѣняя увядшее дарованіе своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, начальствуютъ надъ толпами литературной черни и пр.“

М. Т. 1832 г. № 8. Февраль. — Стихотвореніе „Поэтъ“¹⁾, пародія на „Чернь“ Пушкина.

В. Гиппіусъ.

¹⁾ Было перепечатано впоследствии въ Современникѣ 1857 г., ср. „Пушкинъ въ родной повѣи“ С. И. Пономарева, стр. 7—9.

ПАМЯТИ
А. С. ПУШКИНА

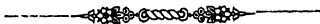
СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СЛУШАТЕЛЕЙ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас., Остр., 5 лин., 28.

—
1900